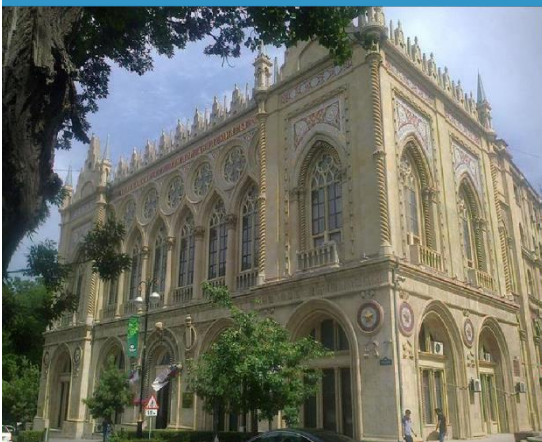

跨文化研究
MULTICULTURAL RESEARCH
МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

中国 湖州

2022 № 3 (12)

跨
文
化
研
究

国际编委会成员

扎哈林娜·尤利娅
艺术学博士, 副教授
白俄罗斯国立师范大学
(白俄罗斯)

拉普提诺克·亚历山大
哲学博士, 教授
白俄罗斯国立大学
(白俄罗斯)

李姬花
教育学博士, 副教授
湖州师范学院
(中国)

露西·斯维特拉娜
语言学博士, 研究员
乌克兰国家科学院文学学院
(乌克兰)

马蒂修克·帕维尔
文化学、哲学博士, 教授
俄罗斯经济大学明斯克分校
(白俄罗斯)

梅尔尼科娃·安吉拉
语言学博士, 教授
白俄罗斯戈梅利国立大学
(白俄罗斯)

麦西克·伊琳娜
哲学博士、教授
乌克兰国立南方师范大学
(乌克兰)

巴利齐科·根纳迪
教育学博士, 教授
白俄罗斯国立大学
(白俄罗斯)

莉迪娅·彼洛仁科
教育学博士, 教授
湖州师范学院
(中国)

鲁塞茨基·瓦西里
教育学博士, 教授
白俄罗斯教育学院
(白俄罗斯)

斯内普科夫斯卡娅·斯维特兰娜
教育学博士、历史学博士, 教授
白俄罗斯国立大学
(白俄罗斯)

宋珊珊
文化学博士
湖州师范学院
(中国)

陈陈林
语言学博士
湖州师范学院
(中国)

执行秘书 (负责期刊发布):
沙利娅科娃-巴赞卡·伊丽娜
语言学博士, 副教授
湖州师范学院
(中国)

主办单位:
湖州师范学院

地址:
湖州师范学院跨文化
研究中心 (浙江省湖州
市二环东路 759 号)

邮箱:
02546@zjhu.edu.cn

电话:
0572-2321033

邮政编码:
313000

ISBN 978-5-6048558-4-3

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

Zakharina Yulia, Doctor of Arts, Associate Professor	Belarusian Pedagogical State University named after Maxim Tank (Belarus)
Laptenok Alexander, Doctor of Philosophy, Professor	Belarusian State University (Belarus)
Li Jihua, PhD (Pedagogy), Associate Professor	Huzhou University (China)
Lushchii Svetlana, Doctor of Philology, Senior Researcher	Shevchenko Institute of Literature, National Academy of Sciences of Ukraine (Ukraine)
Martysiuk Pavel, Doctor of Cultural Studies, Doctor of Philosophy, Professor	Minsk Branch of the Plekhanov Russian University of Economics (Belarus)
Melnikava Angela, Doctor of Philology, Professor	Francisk Skorina Gomel State University (Belarus)
Mysyk Irina, Doctor of Philosophy, Professor	South Ukrainian State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Ukraine)
Palchyk Henadzi, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor	Belarusian State University (Belarus)
Pirozhenko Lidiia, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor	Huzhou University (China)
Rusetsky Vasily, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor	National Institute of Education (Belarus)
Snapkovskaya Svetlana, Doctor of Pedagogical Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor	Belarusian State University (Belarus)
Song Shanshan, PhD (Cultural studies)	Huzhou University (China)
Chen Chenlin, PhD (Philology)	Huzhou University (China)
Executive Editor: Shauliakova-Barzenka Iryna, PhD (Philology), Associate Professor	Huzhou University (China)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Захарина Юлия, доктор искусствоведения, доцент	Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка (Беларусь)
Лапте́нок Александр, доктор философских наук, профессор	Белорусский государственный университет (Беларусь)
Ли Цзихуа, кандидат педагогических наук, доцент	Университет Хучжоу (Китай)
Луций Светлана, доктор филологических наук, старший исследователь	Институт литературы имени Тараса Шевченко НАН Украины (Украина)
Мартысюк Павел, доктор культурологии, доктор философских наук, профессор	Минский филиал Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова (Беларусь)
Мельникова Анжела, доктор филологических наук, профессор	Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины (Беларусь)
Мысык Ирина, доктор философских наук, профессор	Южноукраинский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского (Украина)
Пальчик Геннадий, доктор педагогических наук, профессор	Белорусский государственный университет (Беларусь)
Пироженко Лидия, доктор педагогических наук, профессор	Университет Хучжоу (Китай)
Русецкий Василий, доктор педагогических наук, профессор	Национальный институт образования (Беларусь)
Снапковская Светлана, доктор педагогических наук, доктор исторических наук, профессор	Белорусский государственный университет (Беларусь)
Сун Шаншан, кандидат культурологии	Университет Хучжоу (Китай)
Чень Ченлинь, кандидат филологических наук	Университет Хучжоу (Китай)
Ответственный секретарь (выпускающий редактор): Шевлякова-Борзенко Ирина, кандидат филологических наук, доцент	Университет Хучжоу (Китай)

CONTENT

<p>■ Society</p>	
<p>Snapkovskaya Svetlana Cultural security as a significant element of preserving identity in the conditions of globalization</p>	<p>7</p>
<p>Kunina Irina Network diplomacy as a stable component of Azerbaijan's foreign policy</p>	<p>19</p>
<p>Barzenka Darya «Patent wars» in post-industrial society: socio-economic origins and legal instruments</p>	<p>26</p>
<p>■ Philosophy of science and education</p>	
<p>Martysiuk Pavel Humanist trends of the modern paradigm of education in the context of a dynamically developing society</p>	<p>36</p>
<p>Fursa Iryna Base patterns of the educational ideal</p>	<p>45</p>
<p>Pirozhenko Viktor Philosophy as a science and an academic subject: features of interaction and the problem of updating the university course</p>	<p>59</p>
<p>■ Pedagogical science and education</p>	
<p>Pyrozhenko Lidiia Using interactive technologies in teaching russian at a chinese university</p>	<p>71</p>
<p>Shauliakova-Barzenka Iryna Convergence of the educational environment as a metafactor of its innovativeness</p>	<p>83</p>
<p>■ History</p>	
<p>Ershova Olga The role of the communist party in the creation of the soviet system of public education in the BSSR</p>	<p>93</p>
<p>Isgandarova Nigar Early American periodicals in a social and historical context</p>	<p>105</p>
<p>■ Philology</p>	
<p>Najiyeva Flora Moral parameters of texts in Russian and Azerbaijani prose about modernity</p>	<p>116</p>
<p>Khudayberganova Durдона, Mukimova Zokhida, Theory of linguo-cultural codes and Uzbek proverbs</p>	<p>124</p>
<p>Information about the authors</p>	<p>135</p>
<p>Information about Multicultural Research Center of Huzhou University</p>	<p>139</p>

目录

■ 社会	
斯内普科夫斯卡娅·斯维特拉娜 全球化背景下文化安全是保持认同的一个重要因素	7
库尼娜·伊丽娜 网络外交是阿塞拜疆外交政策的稳定组成部分	19
巴尔岑卡·达里亚 后工业社会的“专利战争”：社会经济起源和法律文书	26
■ 科学与教育哲学	
马尔蒂修克·帕维尔 动态发展的社会背景下现代教育范式的人文主义趋势	36
福尔萨·伊丽娜 教育理想的基本模式	45
彼洛仁科·维克多 哲学作为一门科学和学术学科：互动的特点和更新大学课程问题	59
■ 教学科学与教育	
彼洛仁科·莉迪娅 在中国大学应用互动技术进行俄语教学	71
沙利娅科娃-巴赞卡·伊丽娜 教育环境的融合是创新的元因素	83
■ 历史	
埃尔绍娃·奥尔加 共产党在白俄罗斯苏维埃社会主义共和国的苏联公共教育体系创建中的作用	93
伊斯肯德洛娃·尼加尔 社会和历史背景下的早期美国期刊	105
■ 语言与文学科学	
纳吉耶娃·弗洛拉 俄罗斯和阿塞拜疆散文中关于现代性的文本道德参数	116
霍代依别尔嘎诺娃·杜尔多娜, 穆基莫娃·佐希达 语言文化代码理论与乌兹别克谚语	124
作者信息	135
湖州师范学院跨文化研究中心通知	139

СОДЕРЖАНИЕ

<p>■ Общество</p>	
<p>Снапковская Светлана Культурная безопасность как важный элемент сохранения идентичности в условиях глобализации</p>	<p>7</p>
<p>Кунина Ирина Сетевая дипломатия как устойчивая составляющая внешней политики Азербайджана</p>	<p>19</p>
<p>Борзенко Дарья «Патентные войны» в постиндустриальном обществе: социально-экономические истоки и правовые инструменты</p>	<p>26</p>
<p>■ Философия науки и образования</p>	
<p>Мартысюк Павел Гуманистические тенденции современной парадигмы образования в контексте динамично развивающегося общества</p>	<p>36</p>
<p>Фурса Ирина Базовые модели образовательного идеала</p>	<p>45</p>
<p>Пироженко Виктор Философия как наука и учебный предмет: особенности взаимодействия и проблема обновления вузовского курса</p>	<p>59</p>
<p>■ Педагогическая наука и образование</p>	
<p>Пироженко Лидия Использование интерактивных технологий в обучении русскому языку в китайском вузе</p>	<p>71</p>
<p>Шевлякова-Борзенко Ирина Конвергентность образовательной среды как метафактор ее инновационности</p>	<p>83</p>
<p>■ История</p>	
<p>Ершова Ольга Роль коммунистической партии в создании советской системы народного образования в БССР</p>	<p>93</p>
<p>Искендерова Нигяр Ранняя американская периодика в социальном и историческом контексте</p>	<p>105</p>
<p>■ Филология</p>	
<p>Наджиева Флора Нравственные параметры текстов в русской и азербайджанской прозе о современности</p>	<p>116</p>
<p>Худайберганова Дурдона, Мукимова Зохида Теория лингвокультурных кодов и узбекские народные пословицы</p>	<p>124</p>
<p>Сведения об авторах</p>	<p>135</p>
<p>Информация о Мультикультурном исследовательском центре Университета Хучжоу</p>	<p>139</p>

UDC 373.1; 371

Svetlana Snapkovskaya,
Doctor of Sciences, Professor;
Belarusian State University
(Belarus)
ssvet88@inbox.ru

CULTURAL SECURITY AS A SIGNIFICANT ELEMENT OF PRESERVING IDENTITY IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION

The article discusses various methodological and theoretical aspects of the concept of «cultural security». The role and significance of cultural security in terms of the preservation and development of cultural identity in the context of globalization and informatization of modern society is revealed. The main factors of cultural security development are shown.

Keywords: cultural security; globalization; identity; national culture; civilizational development; informational society.

斯维特拉娜·斯内普科夫斯卡娅

全球化背景下文化安全是保持认同的一个重要因素

本文讨论了“文化安全”概念的各种方法和理论；揭示了在现代社会全球化和信息化的背景下，文化安全在保护和发展文化认同方面的作用和意义；揭示了文化安全发展的主要因素。

关键词: 文化安全；全球化；身份；民族文化；文明发展；信息社会。

Светлана Снапковская

КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ВАЖНЫЙ ЭЛЕМЕНТ СО- ХРАНЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье рассматриваются различные методологические и теоретические аспекты понятия «культурная безопасность». Раскрываются роль и значение культурной безопасности с точки зрения сохранения и развития культурной идентичности в условиях глобализации и информатизации современного общества. Показаны основные факторы развития культурной безопасности.

Ключевые слова: культурная безопасность; глобализация; идентичность; национальная культура; цивилизационное развитие; информационное общество.

Objective contradictory processes in the sphere of sociocultural life of the Belarusian society in the conditions of globalization of modern society are becoming the most relevant at the beginning of the XXI century. On the one hand, modern society is constantly expanding the diversity of material and sociocultural life, and on the other hand, the processes of globalization are becoming more destructive, and most importantly, they are becoming less manageable and predictable. Challenges and threats in the sphere of

cultural relations, mechanisms and systems consist in the partial loss of cultural heritage, pronounced growing conflict of traditional and innovative cultural forms, problematic ethnic and cultural, religious, and environmental situation in the process of culture globalization.

The situation becomes obvious, stating the decline in the cultural, moral and intellectual level of a number of social classes. Cultural security is increasingly becoming the basis and the most important resource for the development of cultural identity in the context of globalization.

In modern conditions, the term «security» is polysemantic and multivariate. Such features are explained by the presence of many dangers and threats in all spheres of modern life. As a result, a number of interpretations and definitions of security appear, including protection from various global natural and environmental disasters, technological hazards, threats of terrorism and covering the spheres of cultural, informational and social security. In this regard, the question of the relevance and significance of the study of the phenomenon of cultural security as an important social and cultural phenomenon of our time, characterizing the state of security of pressing problems and interests of man, society and the state in the sociocultural sphere, makes this problem scientifically significant and involves the development of scientific and sociocultural approaches in its study.

«Cultural security» is a fairly new concept that begins to gain momentum in modern humanitarian sciences and cultural policy. For its decoding and research, it is worth recalling what the concept of «security» is, the range of definitions of which is very wide. The most common categories underlying it are stability and security; they determine the basis of human security such as life, health, stability of society. In the Encyclopedia «Sociology», the term «Security» is presented as «a state of social relations in which an individual, a social group, a community, a nation, a country (state) can independently, sovereignty, without interference and pressure from outside, freely choose and implement its strategy of international behavior, spiritual, socioeconomic and political development» [3].

It is worth noting that the concept and the concept of security are not something frozen, they are in constant dynamics, changing depending on different situations and circumstances. Every generation and every association needs a new explanation of the phenomenon of security, as it depends on the challenges and threats it faces. In this regard, there are many aspects of security: personal, economic, national, etc. In our case, we focus on the study of cultural security.

If we consider both concepts «culture» and «security», then the term «cultural security» has a completely different meaning. From the point of view of security, this term will mean the importance of culture for national, international, and regional security. However, if we consider this term from the point of view of culture, we can say that cultural security implies the preservation of the values and heritage of the nation and the entire community.

It is important to say about the emergence of the term «cultural security». Already closer to the 1980s, the idea that interference in someone else's culture may not affect one's own culture in the best way, foreign research on this problem is being intensified in articles. «The theories of T. Adorno, P. Bourdieu, H. Ortega y Gasset, M. McLuhan,

Y. Habermas, M. Horkheimer, the concept of “cultural trauma” by P. Shtompka played an important role in the development of theoretical and methodological approaches to the analysis of this phenomenon,» A. F. Belozor notes [1].

Studying the experience of studying this term, it can be noted that most authors believe that cultural security is the ability of society to preserve its own individuality, identity in various conditions, or with real or potential threats. It is worth emphasizing that, thus, cultural security can be defined as the absence of any danger to the culture of society, however, on the other hand, the term «cultural security» can be considered as a series of actions aimed at creating conditions favorable for the formation and evolution of culture.

There is still no exact time period in which the term «cultural security» originated. Despite the fact that the concept itself appeared relatively recently, the roots of its origin go back to the 18th century. For the first time, cultural security was mentioned in Jean Bodin’s work «The Method of Easy Knowledge of History». In his scientific work the concept of security is shown quite widely. He does not only consider this term as an ordinary aspect of protection, but also, in addition to the usual spectrum of components, he considers economic and cultural security. Jean Bodin notes: «In this case, economic security is understood as ensuring a certain “single economic space” by establishing a single monetary system and a system of weights and measures. Cultural security is understood more as confessional, i.e. protection of the state from foreign religious influences» [2]. He preached religious tolerance and charged a person who has the highest state authority to fight against teachings that, one way or another, violate the principles and laws of the state. Jean Bodin mentioned that any freedom of faith and belief is possible only as long as it does not affect public attention and is considered a matter of personal choice.

French sociologist Pierre Bourdieu also made a significant contribution to the development of the term. In the work «Sociology of Politics» he examines in detail two types of capital: cultural and economic. Thus, by cultural capital, he understood all the accumulated cultural wealth, which then determines the level and image of the state in the international arena. Thus, it can be concluded that the task of the state is to protect this cultural capital. He believed that the security of cultural space is the concern of the state about the culture of its country.

As for Western studies, by 1980 the concept of cultural security was already actively gaining momentum. «It arises in the process of forming a system of nursing and obstetric care for the Maori people in New Zealand, when it became clear that in the process of this activity it is necessary to take into account the traditions and customs of the peoples who receive appropriate medical care» [9].

In fact, it is, without taking into account the traditions and customs of the people who need medical care, it is impossible to achieve success. Unsafe cultural practices can negatively affect the identity and identity of a certain group of people or a particular person. So, in New Zealand, the term cultural safety begins to be considered in the investigated fairway. In the English version, this term has a slightly different meaning, but in general the meaning does not change much. «Cultural safety is an effective medical practice of a person or family from another culture, which is determined by this person or family» [16]. That is, we can say that cultural safety is ensured by actions that respect, recognize and develop the cultural identity of the patient.

On the territory of New Zealand, cultural security was based on communication, recognition of the diversity of worldviews both within and between cultural groups. Thus, the generally accepted definition of cultural security, which began to develop in New Zealand, describes a safe environment for people where there is no attack or denial of their identity. We are talking about a common respect, a common sense, common knowledge and learning experience. The cultural security of New Zealanders was also aimed at recognizing the beliefs of those who differ from them, as well as recognizing certain differences between people. For example, it can be: age or generation, gender, occupation and social status, economic status, ethnic origin, religious differences, moral beliefs, disability, cultural interests, sexual orientation, etc.

In the 1990s, the term «cultural security» began to be designated in the English version more broadly as «cultural security». «Both the terms “safety” and “security” are used synonymously and denote safety. But the term “security” has a more formalized legal, state meaning – it is protection, provision, guarantee, protection. The term “safety” has, along with “security”, also the interpretation of “unharmful”, “integrity”» [9]. Perhaps that is why the term «cultural safety» is still used in the medical field, while «cultural security» has expanded its scope and has begun to acquire a deep meaning, even though «cultural security» has for a long time been tied only to the cultures and problems of small ethnic groups.

The concept of «cultural security» is also considered by Russian scientists in their works. Thus, A. Marshak defined cultural security as follows: «Cultural security is a social concept that reflects the sociocultural capabilities of society aimed at overcoming all types of danger (risks, threats, challenges) and creating favorable conditions for the cultural life of society» [6]. Marshak wanted to emphasize that in the modern Russian state, cultural security is exposed to significant risks from rapidly changing cultural patterns of behavior and life in the globalizing international community. He connects cultural security with the most important factors of the sociocultural space, minimizing the risks and threats of culture. He notices the following: «Cultural security is inextricably linked with at least three major factors of social life. Firstly, with the cultural and spiritual state of society and the spiritual culture of its members; secondly, with a set of measures and state policy aimed at ensuring security and minimizing risks, threats and challenges in the field of culture; thirdly, with the real state of artistic life. Sociology allows us to present the latter» [6].

K. Razlogov also considered this concept. He believed that the protection of cultural security is the greatest threat. K. Razlogov did not recognize the functional necessity of cultural security. Since, in his understanding, it is the protection of cultural security that is a kind of barrier to the promotion of various innovations. The culturologist himself writes: «To ensure the “safety of culture” means to close the borders and stop development, to make everything as it has been for a very long time. Culture itself is conservative, and it will save itself. But if we do not think about development, then we will get stuck. And any system focused only on self-preservation is doomed» [7].

It is not surprising that A. Marshak fully supported K. Razlogov, believing that the whole problem lies in the branching of national culture. On the one hand, culture must preserve its uniqueness. It should be different from the other and have its own nuances

and features that distinguish it from another culture. But on the other hand, national culture should be open for cultural exchange, despite the fact that it is unique and inimitable in its kind, it will somehow be connected with the cultures of other nations. Razlogov emphasizes that it is necessary to pay more attention to cultural development than to study cultural security. And it is, because culture must constantly develop. The old phenomena and forms of culture are being replaced by new ones. And this is a process that will be in constant motion.

The notorious Scott Forrest also touched on the topic of cultural security. In his opinion, «Cultural security is the ability of society to preserve specific characteristics despite changing conditions and real or virtual threats» [9]. He believes that the permanent characteristics of culture should be preserved: language, traditions, customs, and everything that should be excluded should remain for change. That is, Scott Forrest means that cultural security is, first of all, the conditions and factors under which culture will develop according to its own laws. Agatha Zaitek and Marie Curie were also supporters of the preservation of society at the time, who noted: «Cultural security is the ability of society to preserve its essential characteristics under changing conditions or actual threats» [14]. Y. Fetisova has expressed her own opinion on the scientific term: «Our goal is to go beyond the usual understanding of security as a kind of ideal state of “absence of danger” (ideal, because, as history shows, such a state when there would be no danger has never been achieved by either an individual or various forms of his community), but instead to emphasize the processality of the idea to emphasize that this phenomenon really exists only in the procedural-activity aspect (which, again, correlates with the activity-based approach to culture that is widespread today)» [11]. So, cultural security is a constantly working and moving process, therefore it is not an ideal state. This is a process, the concept of which is formed under the supervision of a certain cultural area and under the influence of a certain cultural context in which it is formed and developed. There is also the term «culture security». Despite the fact that they differ little in sound, there is still a difference in meaning. A. Romanova notes: «The security of culture is a narrower sphere of cultural security, it is rather a kind of mandatory condition under which cultural security is possible» [8]. That is, this term is rather narrow and most likely refers to the local culture. The object of security here is considered to be the culture of one or another people in its current form, namely, the preservation of traditions, religious beliefs, and customs.

The same cannot be said about cultural security. In contrast to the security of culture, the term «cultural security» covers a larger sociocultural space, considering culture both as a factor and as an object of security. Cultural security is not only security in the cultural sphere, but also support for state security through the development of cultural identity. This is the protection of culture from threats and at the same time the creation of criteria for its dynamic development. A. Flier correctly noted: «A truly safe society is one where the vast majority of people consciously and purposefully observe generally accepted norms of life, i.e. they are cultural» [12].

A. Romanova, having considered this term from a legal point of view, notes the following: «Cultural security is considered as a state of protection of an individual, society, the state and its territories from internal and external threats in matters of cultural development, which allows ensuring constitutional rights, freedoms, decent quality and

standard of living of citizens, sovereignty, territorial integrity and sustainable development of the Russian Federation, defense and security of the state» [8].

V. Sergeyev in his work «Formation of cultural security in the conditions of modernization of Russian society» noted the following: «The agenda raises the question of the need to consider cultural security as a social and cultural mechanism that controls the dangers in the sphere of cultural and spiritual production and heritage, in the sphere of decision-making, to a large extent influencing cultural patterns. This mechanism is especially significant in large megacities, such as Moscow, where the problems of the “clash of cultures” are particularly acute, and the negative effects of the cultural crisis can be truly global. The problem of cultural security has already been comprehended at the state level, and attempts are being made to institutionalize the main management mechanisms to ensure it» [10]. It can be noted that Sergeyev shows the sociological category of cultural security as an association of social relations, which characterizes the state, conditions of reproduction, as well as the reduction of sociocultural risks and threats to both the individual and society.

The well-known signs of the development of the modern international information society are the lowering of the role of spiritual culture and the increasing role of information in all spheres of its life. Due to the fact that the information industry began to develop quite rapidly, the spheres of national and state interests of people began to change, not only in a positive way, but also bringing various threats and dangers with them. In this regard, we can agree with V. Sergeyev, who summarizes: «The countries of the world, and Russia among them, have become actively involved in the creation of an informational society, a global informational network promising unprecedented economic prospects, an undoubted increase in public welfare, strengthening national accord, further development of the foundations of democracy and strengthening the stability of international relations» [10]. He believes that the application of cultural security in connection with the development of information processes in modern society is the most important priority of modern civilizational development, which increasingly determines the content of national and international security.

Cultural security is national, i.e. ethnic security, since there can be no national security without preserving the cultural basis of the nation. It forms an integral system of national security, including political security, economic security, military security and informational security. In the contemporary world, culture, economics and politics are difficult to separate from each other, and their status and role in international competition are becoming more and more noticeable. The power of culture is deeply rooted in the vitality and creativity of the nation. Cultural security mainly refers to the healthy development of various components of the ideology, values, cultural events and cultural industries of the country, free from external threats. In the modern world, with the deepening of economic globalization, exchanges, mixing and confrontation between cultures are becoming more frequent. No culture can develop in isolation from other cultures.

At the moment, researchers face difficult tasks in the analysis of cultural security, since there are certain obstacles in this area, manifested in an insufficiently transparent definition of the essence, object and subject field of research. There are many authors' points of view. And they all often differ sharply from each other. Thus, some scientists

state that cultural security should be fully studied, since it is on it that the preservation of culture and identity of society depends, while others note that cultural security is an obstacle to the development of culture and the introduction of various kinds of innovations into it. Ethnocultural differences in this case are quite expressive. So, in one American source it is noted that in Australia this phrase is used when they say that modernization threatens to change the way of life of aborigines. In China, officials used this phrase as an important element of protection against the "negative" influence of foreign pop culture. In Africa, leaders have used this phrase to express concern about the impact of development on local traditions [15]. Cultural security means an environment that is spiritually, socially and emotionally safe. An environment where there is no attack, challenge or denial of identity. The term «cultural security» is a term about universal respect. Thus, cultural security is the process of preserving the state sociocultural unity of modern society or a certain personality in the context of global sociocultural cooperation of parts of traditional and innovative in culture.

The cultural security of the Republic of Belarus is developing in the context of current civilizational challenges. At the moment, in relation to the cultural security of the Republic of Belarus, the most significant civilizational challenges are:

1. The location of the Republic of Belarus in the focus of the West–East dichotomy fault has both advantages and its threats and disadvantages. The predominant effect of existence on the border of civilizations is the dynamics of cross-cultural processes, which gives a chance to combine the best models and practices of both civilizational approaches. The challenge for cultural security is the difficulty in identifying the basic values and landmarks of civilization. The answer to this challenge must be the normalization of the Belarusian cultural identity and the development of the state idea in its modern interpretation.

2. «In the conditions of polyethnicity and polyconfessionality, globalization risks in relation to culture (deformation of the mechanisms of cross-cultural dialogue and the prospect of homogenization of cultural space) are becoming particularly acute for the Republic of Belarus,» [5] notes researcher V. Mozheyko. He believes that the answer to this challenge should not be the rejection of cultural communication as such (which can hardly be in the criteria of globalization), but should be the promotion and development of internal cultural contrast and the intensification of contacts rich in content, based on the purposeful construction of cross-cultural communications.

Cultural security is an important part of the entire national security system and is of great importance for ensuring national political security, economic security and military security. Against the background of the current wave of globalization, the problems of cultural security faced by many countries will inevitably become more noticeable. Therefore, it is necessary to pay a lot of attention to cultural security. Therefore, maintaining cultural security is not about maintaining the purity of traditional and existing cultures and not rejecting the influence and penetration of foreign cultures, but ensuring and promoting the development of traditional and existing national cultures in an advanced direction. Refusal to accept someone else's culture and refusal to renew and transform the original culture not only did not become an effective means of maintaining cultural security in the past, but it is also impossible to truly maintain national cultural security today.

In today's changing world with the growing wave of globalization, whether it is maintaining economical and technological security, political and military security, or maintaining cultural security, it is impossible to refuse to accept foreign things. In the context of globalization, the main threat to the cultural security of local communities is the spiritual expansion of Western civilization, which leads to a change in people's worldview and lifestyle. Under the threat of spiritual expansion, they activate protective mechanisms to preserve, reproduce and transmit cultural norms and values that serve as spiritual guidelines in conditions of social uncertainty and global chaos. Ethnic identity, being one of these mechanisms, is able to ensure the ontological security of a community, preserve its cultural identity and mobilize it to position and protect its interests.

Currently, one of the main threats to cultural security is the powerful impact of mass media on the cultural life of the country, as the complication of the current international situation, the increase in international risks and the unfolding of the informational war actualize the difficulties of cultural and state security, they are gaining enormous importance and require a multifactorial interdisciplinary analysis.

Of course, modern society, both domestic and Western, is quite dependent on the mass media. At the moment, there are enough studies that reveal the role of the media and their impact on society. E. Shchukina notes: «As threats and risks to cultural security, various challenges of the globalizing world community are called, in which, in our opinion, the most obvious are the growth of lack of spirituality and the decline in the general cultural level of youth, a break with the root system of culture; communication in the Internet space, deliberately demonstrating the illiteracy and cluttering of the Russian language; the dominance of the worst examples of mass culture, kitsch in the mass media; the critical decline in the role of culture in the life of the whole society; the cultural and religious expansion of destructive foreign cults and the emergence of their homegrown “prophets”, their unpunished activities to reform the consciousness of adherents» [13]. Thus, cultural security is quite strongly exposed to threats and risks from rapidly transforming cultural patterns of behavior and life in a globalizing international community. New phenomena of web communication actualize the cultural and informational security of the individual, and the effect of mass media on the cultural life of the state, national security is increasing. Today it is possible to talk about the development of a new type of integration processes – European identity. The peculiarity and complexity of this identification is determined by the fact that in the countries that are members of the Eurasian Union, sociocultural development is carried out on different scales and according to different trends. The problem lies in the commensurability of the security situation and its threats in the cultural sphere. Therefore, a balance is needed between the protection of one's own identity and the need to exchange values with other peoples [17, p. 257].

Список использованных источников

1. Белозор, А. Ф. Культурная безопасность как основа культурной идентичности / А. Ф. Белозор // Человек и культура. – 2019 – № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28819 (дата обращения: 03.06.2022).
2. Боден, Ж. Метод легкого познания истории / Ж. Боден. – М.: Наука, 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.vsu.ru/cdh/Articles/04-05.htm> (дата обращения: 10.06.2022).
3. Грицанов, А. А. Социология: Энциклопедия / А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. – Минск: Книжный Дом, 2003 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/sociological/articles/100/bezopasnost.htm> (дата обращения: 10.06.2022).
4. Ян, Л. Как «культурная безопасность» способствует национальной безопасности / Ян Л., Чанг С. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://theory.people.com.cn/n/2014/0423/c40531-24933356-2.html> (дата обращения: 10.06.2022).
5. Можейко, В. А. Формирование культурной политики в условиях глобализации как фактор обеспечения культурной безопасности Республики Беларусь / В. А. Можейко. – Минск: Национальный институт образования Министерства образования Республики Беларусь, 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://repository.buk.by/bitstream/handle/123456789/15053/Formirovanie%20kul%27turnoj%20politiki%20v%20usloviyah%20globalizacii.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 12.06.2022).
6. Маршак, А. Л. Художественная жизнь как сфера культурной безопасности современной России: социокультурный подход / А. Л. Маршак // Теория и практика общественного развития. – 2007. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennaya-zhizn-kak-sfera-kulturnoy-bezopasnosti-sovremennoy-rossii-sotsiokulturnyy-podhod> (дата обращения: 12.06.2022).
7. Разлогов, К. Э. Российская культура: развитие или безопасность – что важнее? Выступление на Московском форуме культуры (1 июля 2010 года) / К. Э. Разлогов // Культурологический журнал. – 2010. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://crjournal.ru/files/file/02_2011_20_42_17_1297964537.pdf (дата обращения: 12.06.2022).
8. Романова, А. П. Культурная безопасность как предмет философских дискуссий / А. П. Романова // Гуманитарные исследования. – 2012. – № 4 (44) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://humanities.asu.edu.ru/files/4%2844%29/258-263.pdf> (дата обращения: 12.06.2022).
9. Романова, А. П. Культурная безопасность как важнейший фактор национальной безопасности / А. П. Романова, В. О. Мармилова // Человек. Сообщество. Управление. – 2008. № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-bezopasnost-kak-vazhneyshiy-faktor-natsionalnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 15.06.2022).
10. Сергеев, В. В. Формирование культурной безопасности в условиях модернизации российского общества: на примере московского мегаполиса / В. В. Сер-

геев. – Российская академия наук, 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/formirovanie-kulturnoi-bezopasnosti-v-usloviyakh-modernizatsii-rossiiskogo-obshchestva> (дата обращения: 15.06.2022).

11. Фетисова, Ю. В. Безопасность и культурный контекст: к обоснованию понятия «Культура безопасности» / Ю. В. Фетисова // Омский научный вестник. Философские науки. – 2009. – № 3 (78) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezopasnost-i-kulturnyy-kontekst-k-obosnovaniyu-ponyatiya-kultura-bezopasnosti> (дата обращения: 15.06.2022).

12. Флиер, А. Я. Культура как фактор национальной безопасности / А. Я. Флиер // Общественные науки и современность. – 1998. – № 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/576/426/1218/017Flier.pdf> (дата обращения: 15.06.2022).

13. Щукина, Е. Л. Угрозы и вызовы культурной безопасности современной России / Е. Л. Щукина // Гуманитарий Юга России. – 2016. – № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugrozy-i-vyzovy-kulturnoy-bezopasnosti-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 15.06.2022).

14. Культурная безопасность в условиях гетеротопии: монография [Электронный ресурс] / А. П. Романова, С. Н. Якушенков, Л. В. Баева и др. – Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2017. – 356 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://asu.edu.ru/images/File/Kult bez v usl geterotopii.pdf> (дата обращения: 17.06.2022).

15. Nemeth, E. What is Cultural Security? Different perspectives on the role of culture in international affairs / E. Nemeth // The Gray Area Festival, 2016 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.researchgate.net/publication/333433707_What_is_Cultural_Security_Different_perspectives_on_the_role_of_culture_in_international_affairs (access date: 17.06.2022).

16. Cultural safety // Wikipedia. The free encyclopedia [Electronic resource]. – Access mode: https://en.wikipedia.org/wiki/Cultural_safety (access date: 17.06.2022).

17. Снапкоўская, С. В. Пераемнасць і наватарства ў святле адукацыі і культуры / С. В. Снапкоўская. – Мінск: БДУ, 2020. – 280 с.: іл.

References

1. Belozor, A. F. Kul'turnaya bezopasnost' kak osnova kul'turnoi identichnosti / A. F. Belozor // Chelovek i kul'tura. – 2019 – № 1 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28819 (data obrashcheniya: 03.06.2022).

2. Boden, Zh. Metod legkogo poznaniya istorii / Zh. Boden. – M.: Nauka, 2000 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.hist.vsu.ru/cdh/Articles/04-05.htm> (data obrashcheniya: 10.06.2022).

3. Gritsanov, A. A. Sotsiologiya: Entsiklopediya / A. A. Gritsanov, V. L. Abushenko, G. M. Evel'kin, G. N. Sokolova, O. V. Tereshchenko. – Minsk: Knizhnyi Dom, 2003 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/sociological/articles/100/bezopasnost.htm> (data obrashcheniya: 10.06.2022).

4. Yan, L. Kak «kul'turnaya bezopasnost'» sposobstvuet natsional'noi bezopasnosti / Yan L., Chang S. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://theory.people.com.cn/n/2014/0423/c40531-24933356-2.html> (data obrashcheniya: 10.06.2022).

5. Mozheiko, V. A. Formirovanie kul'turnoi politiki v usloviyakh globalizatsii kak faktor obespecheniya kul'turnoi bezopasnosti Respubliki Belarus' / V. A. Mozheiko. – Minsk: Natsional'nyi institut obrazovaniya Ministerstva obrazovaniya Respubliki Belarus', 2017 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://repository.buk.by/bitstream/handle/123456789/15053/Formirovanie%20kul%27turnoj%20politiki%20v%20usloviyah%20globalizacii.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (data obrashcheniya: 12.06.2022).

6. Marshak, A. L. Khudozhestvennaya zhizn' kak sfera kul'turnoi bezopasnosti sovremennoi Rossii: sotsiokul'turnyi podkhod / A. L. Marshak // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2007. – № 2 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennaya-zhizn-kak-sfera-kulturnoy-bezopasnosti-sovremennoy-rossii-sotsiokulturnyy-podhod> (data obrashcheniya: 12.06.2022).

7. Razlogov, K. E. Rossiiskaya kul'tura: razvitie ili bezopasnost' – chto vazhnee? Vystuplenie na Moskovskom forume kul'tury (1 iyulya 2010 goda) / K. E. Razlogov // Kul'turologicheskii zhurnal. – 2010. – № 2 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: http://crjournal.ru/files/file/02_2011_20_42_17_1297964537.pdf (data obrashcheniya: 12.06.2022).

8. Romanova, A. P. Kul'turnaya bezopasnost' kak predmet filosofskikh diskussii / A. P. Romanova // Gumanitarnye issledovaniya. – 2012. – № 4 (44) [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://humanities.asu.edu.ru/files/4%2844%29/258-263.pdf> (data obrashcheniya: 12.06.2022).

9. Romanova, A. P. Kul'turnaya bezopasnost' kak vazhneishii faktor natsional'noi bezopasnosti / A. P. Romanova, V. O. Marmilova // Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie. – 2008. № 2 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-bezopasnost-kak-vazhneyshiy-faktor-natsionalnoy-bezopasnosti/> (data obrashcheniya: 15.06.2022).

10. Sergeev, V. V. Formirovanie kul'turnoi bezopasnosti v usloviyakh modernizatsii rossiiskogo obshchestva: na primere moskovskogo megapolisa / V. V. Sergeev. – Rossiiskaya akademiya nauk, 2011 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.dissercat.com/content/formirovanie-kulturnoi-bezopasnosti-v-usloviyakh-modernizatsii-rossiiskogo-obshchestva> (data obrashcheniya: 15.06.2022).

11. Fetisova, Yu. V. Bezopasnost' i kul'turnyi kontekst: k obosnovaniyu ponyatiya «Kul'tura bezopasnosti» / Yu. V. Fetisova // Omskii nauchnyi vestnik. Filosofskie nauki. – 2009. – № 3 (78) [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezopasnost-i-kulturnyy-kontekst-k-obosnovaniyu-ponyatiya-kultura-bezopasnosti> (data obrashcheniya: 15.06.2022).

12. Flier, A. Ya. Kul'tura kak faktor natsional'noi bezopasnosti / A. Ya. Flier // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. – 1998. – № 3 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://ecsocman.hse.ru/data/576/426/1218/017Flier.pdf> (data obrashcheniya: 15.06.2022).

13. Shchukina, E. L. Ugrozy i vyzovy kul'turnoi bezopasnosti sovremennoi Rossii / E. L. Shchukina // Gumanitarii Yuga Rossii. – 2016. – № 4 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugrozy-i-vyzovy-kulturnoy-bezopasnosti-v-sovremennoy-rossii> (data obrashcheniya: 15.06.2022).

14. Kul'turnaya bezopasnost' v usloviyakh geterotopii: monografiya [Elektronnyi resurs] / A. P. Romanova, S. N. Yakushenkov, L. V. Baeva i dr. – Astrakhan': Astrakhanskii gosudarstvennyi universitet, Izdatel'skii dom «Astrakhanskii universitet», 2017. – 356 s. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: https://asu.edu.ru/images/File/Kult_bez_v_usl_geterotopii.pdf (data obrashcheniya: 17.06.2022).

15. Nemeth, E. What is Cultural Security? Different perspectives on the role of culture in international affairs / E. Nemeth // The Gray Area Festival, 2016 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.researchgate.net/publication/333433707_What_is_Cultural_Security_Different_perspectives_on_the_role_of_culture_in_international_affairs (access date: 17.06.2022).

16. Cultural safety // Wikipedia. The free encyclopedia [Electronic resource]. – Access mode: https://en.wikipedia.org/wiki/Cultural_safety (access date: 17.06.2022).

17. Snapkowskaja, S. V. Peraemnac' i navatarstva w svjatile adukacyi i kul'tury / S. V. Snapkowskaja. – Minsk: BDU, 2020. – 280 s.: il.

UDC 327

Irina Kunina,
PhD, Associate Professor;
Azerbaijan University of Languages
(Azerbaijan)

NETWORK DIPLOMACY AS A STABLE COMPONENT OF AZERBAIJAN'S FOREIGN POLICY

Network diplomacy implies the rejection of the block format of the previous configuration of the system of international relations. To implement the set tasks and targets, the format of «flexible alliances» is used, within which actors are not bound by obligations, but act in the international space on the basis of their own interests. This flexibility allows us to solve several tasks, ranging from consolidating joint efforts in leveling global risks and threats to expanding the dialogue platform around the perimeter of interacting entities. The article gives a theoretical interpretation of the concept of «network diplomacy», focuses on the forms and mechanisms of its practical implementation. A visual vision of the phenomenon of «network diplomacy» involves considering the course of foreign policy of a particular state. In this regard, through the analysis of institutional opportunities for the implementation of network diplomacy, the key features of Azerbaijan's approach to the implementation of its foreign policy activities in this way are determined.

Keywords: Azerbaijan; diplomacy; network diplomacy; multilateral diplomacy; international relations.

伊琳娜·库尼娜

网络外交是阿塞拜疆外交政策的稳定组成部分

网络外交意味着对以往国际关系体系配置的块状模式的摒弃。为了实施既定的任务和目标，采用了“灵活联盟”的形式。在这种形式下，行为方不受义务的约束，而是基于自身利益在国际空间中行动。这种灵活性使我们能够解决若干任务，从加强共同努力，消除全球风险和威胁，到扩大相互作用实体周边的对话平台。本文对“网络外交”的概念进行了理论阐释，重点探讨了网络外交的实际实施形式和机制。对“网络外交”现象的直观认识涉及到考虑一个特定国家的外交政策过程。就这点而言，通过对实施网络外交的制度机会进行分析，确定了阿塞拜疆以这种方式执行其外交政策活动的方法的主要特点。

关键词: 阿塞拜疆；外交；网络外交；多边外交；国际关系。

СЕТЕВАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК УСТОЙЧИВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ АЗЕРБАЙДЖАНА

Сетевая дипломатия подразумевает отказ от блокового формата предыдущей конфигурации системы международных отношений. Для реализации поставленных задач и целевых ориентиров используется формат «гибких альянсов», в рамках которого акторы не связаны обязательствами, а действуют в международном пространстве на основе собственных интересов. Такая гибкость позволяет решить несколько задач, от консолидации совместных усилий в нивелировании глобальных рисков и угроз до расширения диалоговой площадки по всему периметру взаимодействующих субъектов. В статье дается теоретическая интерпретация концепции «сетевая дипломатия», фокусируется внимание на формах и механизмах ее практической реализации. Наглядное видение феномена сетевой дипломатии предполагает рассмотрение курса внешней политики того или иного государства. Посредством анализа институциональных возможностей по осуществлению сетевой дипломатии определяются ключевые особенности подхода Азербайджана по реализации своей внешнеполитической деятельности в данном ключе.

Ключевые слова: Азербайджан; дипломатия; сетевая дипломатия; многосторонняя дипломатия; международные отношения.

Возникновение новых глобальных вызовов, геополитические изменения, увеличение степени напряженности в международных отношениях выводят на передний план роль сетевой дипломатии в расширении международного сотрудничества в содействии принятию решений на государственном и глобальном уровнях. Это связано с включением в международную повестку глобальных проблем, которые невозможно решить без коллективных действий национальных государств и сообществ разных стран, а также с возросшей значимостью негосударственных акторов в публичной дипломатии в условиях роста геополитической напряженности в мире.

Сетевая дипломатия подразумевает отказ от блокового формата предыдущей конфигурации системы международных отношений. Для реализации поставленных задач и целевых ориентиров используется формат «гибких альянсов», в рамках которого акторы не связаны обязательствами, а действуют в международном пространстве на основе собственных интересов. Такая гибкость позволяет решить несколько задач, от консолидации совместных усилий в нивелировании глобальных рисков и угроз до расширения диалоговой площадки по всему периметру взаимодействующих субъектов. Данный формат взаимодействия охватывает широкий спектр организационных конфигураций. Структурные единицы таких объединений определяются характерным внутренним разнообразием. Прежде всего, это могут быть объединения государств. В данном случае международные организации, создаваемые государствами на основе многосторонних договоров и в соответствии с нормами международного права, приобретают статус наивысшей формы многосторонней дипломатии в контексте сетевой дипломатии. Однако поскольку характерной чертой сетевой дипломатии является многоуровневость, то помимо государств, международных организаций подразумевается участие неправительственных организаций.

Основными формами « сетевого » механизма дипломатических действий являются конгрессы, конференции, межгосударственные международные встречи, переговорный процесс, посредничество, сессии международных организаций, совещания и т. п. [6]. Именно такая форма не связывает участников международного сообщества обязательствами. Подобная гибкость необходима как при налаживании взаимодействия между национальными государствами, так и при принятии совместных решений. Основным инструментом « сетевого » подхода выступает *soft power*.

Наглядное видение феномена сетевой дипломатии предполагает рассмотрение того или иного курса внешней политики государства. Различные институциональные условия и политические траектории, интересы и способы управления влекут за собой различные национальные подходы, в результате чего каждая страна имеет собственную модель сетевой дипломатии. Сетевая дипломатия становится устойчивой составляющей внешней политики Азербайджана, своеобразной разновидностью мультилатеральной внешней политики.

Вступление на путь независимости открыло новую страницу в истории Азербайджана, одновременно выдвинув необходимость решения судьбоносных задач. Эти задачи требовали разработки и осуществления целенаправленного курса внутренней и внешней политики, эффективного использования культурно-интеллектуального, социального, экономического и общественно-политического потенциалов страны. Внешняя политика Азербайджана за годы независимости приобрела сбалансированный характер, приоритетами которой стало обеспечение суверенитета, создание условий для внутренних реформ, расширение сотрудничества.

Наше государство осуществляет свою внешнюю политику исходя из осознания национальных интересов. Внешняя политика Азербайджана стала ориентироваться на принцип исторической преемственности. Свои национальные интересы в системе международных отношений Азербайджан рассматривает в рамках формирования нового мирового порядка.

Поскольку принципы сетевой дипломатии предполагают участие государства в многосторонних структурах, то важно понять, насколько Азербайджан диверсифицирует направления своей внешнеполитической деятельности. Были, в частности, реализованы новые пути и возможности плотной интеграции, создания всесторонних отношений с ООН, Европейским Союзом, Советом Европы, ОБСЕ, СНГ, ОИС, ЭКО, где представлены страны Ближнего и среднего Востока, объединяющей причерноморские страны организацией Черноморского экономического сотрудничества. Избрание Азербайджана в 2011 году непостоянным членом Совета Безопасности ООН – один из самых больших успехов нашей страны. Это означает, что и внутренняя, и внешняя политика Азербайджана завоевала большое одобрение на международной арене.

Благодаря сбалансированной внешней политике наша страна играет роль моста между мусульманским и христианским мирами. Так, Азербайджан является членом и Организации исламского сотрудничества, и Совета Европы. Этот факт сам по себе говорит о многом. Недавно восстановившая свою независимость страна может серьезно и плодотворно действовать в обеих важных международных организациях.

В период, когда между цивилизациями существуют определенные противоречия, это нелегкая задача.

Основным аспектом осуществления такой политики является открытость страны для диалога. Диалоговые площадки, по сути, представляют собой платформы, на которых происходит осмысление всемирной интеллектуальной элитой глобальных вызовов современности, где формируется видение архитектуры будущего мира. Влиятельной дискуссионной площадкой такого формата стал Бакинский международный гуманитарный форум. Задачей форума является «формирование новой гуманитарной повестки с целью дальнейшего рассмотрения на международном уровне, формирование мирового диалога посредством дискуссий, дебатов, круглых столов, обмена теоретическими знаниями и практическим опытом» [9]. Бакинский международный гуманитарный форум стал проходить в рамках иницированного в 2008 году Президентом Азербайджанской Республики «Бакинского процесса» с целью развития межкультурного диалога.

В рамках Бакинского процесса Правительством Азербайджана совместно с ЮНЕСКО, Советом Европы, Исламской организацией по вопросам образования, науки и культуры (ИСЕСКО) было принято решение о проведении с 2011 года Всемирного форума по межкультурному диалогу. Целью данного диалога является объединение усилий международных государственных и общественных структур в деле укрепления межнационального и межрелигиозного согласия, в выработке рекомендаций и популяризации идей мультикультурализма. «Мы пытаемся привлечь внимание мирового сообщества к этим важным вопросам. Я уверен, что дискуссии на форуме сегодня и завтра не только выявят проблемы и позволят спикерам выразить свои взгляды, но и будут способствовать укреплению партнерства, солидарности, сотрудничества и, как следствие, будут налаживать новые мосты между культурами», – отметил президент И. Алиев [9].

Еще одной знаковой диалоговой площадкой стал Международный центр Низами Гянджеви (МЦНГ), созданный в 2012 году. Данная организация, действующая при поддержке Президента Азербайджанской Республики, объединяет бывших глав государств и правительств, а также влиятельных международных экспертов из различных зарубежных стран. Целями МЦНГ выступают развитие просвещения и толерантности, активизация усилий по межкультурному диалогу и взаимопониманию в мире. Задачами МЦНГ на сегодняшнем этапе выступает популяризация культурного достояния Азербайджана, традиций толерантности страны, где веками жили представители полиэтничного и поликонфессионального сообществ в пределах Западной Европы и всего мира.

Международный центр Низами Гянджеви совместно с Мадридским клубом и Госкомитетом Азербайджана по работе с диаспорой организовал в 2013 году деятельность Глобального форума открытых обществ. Данный форум ежегодно собирает на своих площадках политических лидеров, действующих и бывших глав государств, ведущих политологов, аналитиков и экспертов для обсуждения текущих тенденций в сфере международных отношений, основных угроз для международного мира и безопасности, а также для поиска путей их преодоления. В октябре 2015 года в Софии при поддержке центра Низами Гянджеви прошел

международный круглый стол на тему «Новые видения сотрудничества и добрососедства в Европе» [9]. IV Глобальный форум открытых обществ в 2016 году под названием «По направлению к мультиполярному миру» принял более 300 представителей из 53 стран мира, а в 2019 году на VII Глобальном форуме под девизом «Новая внешняя политика мира» приняли участие уже 450 представителей 70 государств. Проведя первую международную дискуссию на тему «Южный Кавказ: перспективы регионального развития и сотрудничества», состоявшуюся 20 мая 2021 года, Международный центр Низами Гянджеви еще раз подтвердил свою роль в качестве важной платформы для развития диалога в регионе. Таким образом, предоставляя мировой элите площадку для дискуссии, расширяя формат диалога, Азербайджан предлагает алгоритмы универсального характера, демонстрирует креативность в контексте непростых проблем.

Рост экономической мощи Азербайджана привлек внимание международного сообщества. Азербайджан не раз становился участником мероприятий большой двадцатки. Следует также отметить, что Азербайджанская Республика стала членом Организации экономического сотрудничества 28 ноября 1992 года. Основной целью ОЭС является содействие укреплению экономических связей и интеграционным процессам. В рамках организации Азербайджан сотрудничает с другими странами-членами по ряду приоритетных сфер, в том числе в области транспорта, энергетики, торговли и инвестиций.

Сетевая дипломатия подразумевает наличие множества участников международного сообщества, среди них особо выделяются несистемные акторы, нивелирующие ситуацию в системе международных отношений, поэтому национальное государство должно осуществлять превентивные меры по борьбе с террористическими угрозами. Азербайджан как член антитеррористической коалиции определил свое видение обеспечения национальной безопасности, приняв участие в борьбе с терроризмом в Афганистане, содействии миротворческой деятельности на Балканах.

Гибкий формат сотрудничества в рамках сетевой дипломатии позволяет Азербайджану лавировать между различными национальными акторами (государствами) и не связывать себя рамками блокового союза. Азербайджан – единственная страна Южного Кавказа, которая сделала выбор в пользу неучастия в военных блоках. Наша страна является также членом Движения неприсоединения – крупнейшей международной организации после ООН, в которую входят 120 стран, формально не поддерживающих ни один крупный силовой блок и не выступающих против него. В 2019 году Азербайджан удостоился поста председателя и будет выполнять его функции до 2023 года.

В целом внешняя политика Азербайджана отличается многовекторностью, конструктивностью. За этим стоит очень важный фактор, связанный с формированием стиля, который в современной дипломатии именуется *сетевой дипломатией*.

Список использованной литературы

1. Бурганова, И. Феномен сетевой дипломатии в системе международных отношений (на примере Российской Федерации) // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 6 (48). – Ч. I. – С. 120–123.
2. Гребенкина, Е. Проблема сетевого взаимодействия в международных отношениях // Идеи и идеалы. – 2014. – № 3 (21). – Т. 2. – С. 134–142.
3. Зонова, Т. Современная модель дипломатии. Истоки становления и перспективы развития. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2003. – 336 с.
4. Кунина, И. Многосторонняя дипломатия в контексте современных международно-политических процессов // Актуальные проблемы международных отношений: республиканская научная конференция / Сборник тезисов. – Баку. – 25 октября. – 2019. – 580 с.
5. Колосова, И. Лабиринты «сетевой дипломатии» // Проблемы постсоветского пространства. – 2014. – № 2. – С. 173–180.
6. Лебедева, М. Новый мировой порядок: параметры и возможные контуры // Полис. Политические исследования. – 2020. – Т. 29. – № 4. – С. 24–35.
7. Мамедов, Н. Независимый Азербайджан успешно развивается по своему пути [Электронный ресурс]. – Режим доступа: news.day.az/politics/832153.html (дата обращения: 15.04.2022).
8. Официальный сайт Бакинского международного форума [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bakuforum.az/ru/> (дата обращения: 15.04.2022).
9. Садченко, В. Диалоговые площадки Азербайджана как имиджевые мероприятия по повышению репутационного рейтинга страны в 2000–2019 гг. // Научно-теоретический журнал «Гуманитарные и юридические исследования». – № 3. – 2021. – С. 66–73.
10. Фельдман, Д. Государство в сети международно-политического взаимодействия // Сравнительная политика. – № 4. – 2011. – С. 27–35.
11. Barstone, R. Modern diplomacy. – New York, 1995.
12. Bonciong, A. Drept diplomatic. – Bucurest, 1997. – P. 129–131.

References

1. Burganova, I. Fenomen setevoi diplomatii v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii (na primere Rossiiskoi Federatsii) // Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal. – 2016. – № 6 (48). – Ch. I. – С. 120–123.
2. Grebenkina, E. Problema setevogo vzaimodeistviya v mezhdunarodnykh otnosheniyakh // Idei i idealy. – 2014. – № 3 (21). – Т. 2. – С. 134–142.
3. Zonova, T. Sovremennaya model' diplomatii. Istoki stanovleniya i perspektivy razvitiya. – M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 2003. – 336 s.
4. Kunina, I. Mnogostoronnyaya diplomatiya v kontekste sovremennykh mezhdunarodno-politicheskikh protsessov // Aktual'nye problemy mezhdunarodnykh otnoshenii: respublikanskaya nauchnaya konferentsiya / Sbornik tezisev. – Baku. – 25 oktyabrya. – 2019. – 580 s.
5. Kolosova, I. Labirinty «setevoi diplomatii» // Problemy postsovetskogo prostanstva. – 2014. – № 2. – С. 173–180.

6. Lebedeva, M. Novyi mirovoi poryadok: parametry i vozmozhnye kontury // Polis. Politicheskie issledovaniya. – 2020. – T. 29. – № 4. – С. 24–35.
7. Mamedov, N. Nezavisimyi Azerbaidzhan uspešno razvivaetsya po svoemu puti [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: news.day.az/politics/832153.html (data obrashcheniya: 15.04.2022).
8. Ofitsial'nyi sait Bakinskogo mezhdunarodnogo foruma [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://bakuforum.az/ru/> (data obrashcheniya: 15.04.2022).
9. Sadchenko, V. Dialogovye ploshchadki Azerbaidzhana kak imidzhevye meropriyatiya po povysheniyu reputatsionnogo reitinga strany v 2000–2019 gg. // Nauchno-teoreticheskii zhurnal «Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya». – № 3. – 2021. – S. 66–73.
10. Fel'dman, D. Gosudarstvo v seti mezhdunarodno-politicheskogo vzaimodeistviya // Sravnitel'naya politika. – № 4. – 2011. – S. 27–35.
11. Barstone, R. Modern diplomacy. – New York, 1995.
12. Bonciong, A. Drept diplomatic. – Bucurest, 1997. – P. 129–131.

UDC 347.211

Darya Barzenka,
National Center of Intellectual Property
(Belarus)
dabor8866688@mail.ru

«PATENT WARS» IN POST-INDUSTRIAL SOCIETY: SOCIO-ECONOMIC ORIGINS AND LEGAL INSTRUMENTS

The article is devoted to the analysis of «patent wars», their impact on the current state and development of the legal field related to the protection of intellectual property objects. A brief historical overview of the formation of the legal field of intellectual property indicates its close relationship with the formation of patent law. The processes that determine the content parameters and functional specifics of modern patent activity are considered in the context of trends in the development of the information society as a whole. Factors, strategies and varieties of unfair competition in the field of patent law are presented. An attempt has been made to outline the most promising ways to contain the «patent wars».

Keywords: intellectual property; protection of intellectual property objects; patent; patent law; patent proceedings; patent wars.

达里亚·巴尔岑卡

后工业社会的 «专利战争»: 社会经济起源和法律文书

本文致力于分析«专利战争», 及其对与知识产权保护对象相关法律领域的现状和发展的影响; 简要回顾知识产权法律领域形成的历史概况, 可以看出知识产权法律领域与专利法形成的密切关系。文章以整个信息社会发展趋势为背景, 研究了决定现代专利活动的内容参数和功能细节的过程; 介绍了专利法领域不正当竞争的因素、策略和种类。最后, 本文试图概述最有希望遏制«专利战争»的方法。

关键词: 知识产权; 知识产权客体的保护; 专利; 专利法; 专利诉讼; 专利战争。

Дарья Борзенко

«ПАТЕНТНЫЕ ВОЙНЫ» В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИСТОКИ И ПРАВОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

Статья посвящена анализу «патентных войн», их влиянию на современное состояние и развитие правового поля, связанного с защитой объектов интеллектуальной собственности. Краткий исторический обзор указывает на тесную взаимосвязь формирования правового поля интеллектуальной собственности со становлением патентного права. Процессы, определяющие содержательные параметры и функциональную специфику современной патентной деятельности, рассматриваются в контексте тенденций развития информационного общества в целом. Представлены факторы, стратегии и разновидности недобросовестной конкуренции в сфере патентного

права. Предпринята попытка наметить наиболее перспективные пути сдерживания «патентных войн».

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; охрана объектов интеллектуальной собственности; патент; патентное право; патентные разбирательства; «патентные войны».

Становление и развитие представлений об интеллектуальной собственности как об объекте правовой охраны – один из самых динамично развивающихся и вместе с тем сложных сегментов современной юриспруденции. Предметом пристального внимания международного исследовательского сообщества являются различные аспекты теоретико-методологического осмысления, а также практического опыта разрешения соответствующих спорных ситуаций. В последние десятилетия особое внимание специалистов привлекают так называемые *патентные войны*, оказывающие существенное влияние на характер и перспективы развития правового поля, связанного с охраной интеллектуальной собственности.

Само признание существования интеллектуальной собственности, нашедшее отражение в Декларации Венецианской республики 1474 года, оценивается исследователями (см., например, работы С. А. Сударикова, Ю. А. Варфоломеевой и др.) в качестве своего рода революционного шага в становлении европейского права. Некие «прототипы», зачаточные формы патентов (от лат. *patentes* – грамота) как документов, призванных выполнять охранные функции (удостоверять права на монопольное производство и продажу того или иного изобретения либо услуги) появились за полвека до этого во Флоренции [1, с. 38]. Менее чем через 200 лет в Англии создается одно из первых последовательных законодательных воплощений патентного права – «Статут о монополиях» (1623). В качестве охранного документа, который закреплял право собственности на созданное изобретение, патент впервые фигурирует в федеральном патентном законе США 1790 года. В 1812 году так называемый манифест о привилегиях на изобретения и открытия в художествах и ремеслах был утвержден в России. А к середине XIX века подобные законы были приняты в большинстве европейских стран [2].

К основным документам правового обеспечения интеллектуальной собственности на международном уровне относятся Всемирная конвенция об авторском праве (1952), Парижская конвенция по охране промышленной собственности (1883), Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений (1971); Международная конвенция по охране прав артистов-исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций (1961). Довольно обширный корпус документов был разработан и принят под эгидой Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС). В рамках деятельности Всемирной торговой организации было принято Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС). Само же становление идей охраны интеллектуальной собственности может быть представлено как движение «от моральных норм к правовым», то есть как движение от меценатства и дарования привилегий к прагматическому («коммерческому») отношению к технологиям производства. При этом «качественный социально-экономический скачок в истории развития государственно-правовой защиты интеллектуальной собственности» был связан с

«возникновением экономического интереса в области использования продукта интеллектуальной собственности при производстве промышленных товаров» [3, с. 249]. Даже краткий исторический экскурс [см., например: 3; 4] красноречиво свидетельствует о том, что *истоки формирования правового поля интеллектуальной собственности на европейских территориях самым тесным образом связаны со становлением патентного права.*

Специфика развития современного общества в числе прочего определяет особый статус интеллектуальной собственности как одного из ключевых элементов устойчивого развития постиндустриального социума. В настоящее время под интеллектуальной собственностью, как правило, понимают «совокупность исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности» [5, с. 48]. Конвенционный (признанный в большинстве правовых систем) перечень основных объектов интеллектуальной собственности включает объекты промышленной собственности, объекты авторского права, секреты производства (ноу-хау), а также другие результаты научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.

В контексте данной статьи нас будет интересовать, прежде всего, такой сегмент нормативного правового поля, как *патентное право*, функционально ориентированное на охрану технических (изобретения и полезные модели) и дизайнерских (промышленные образцы) решений. Специалисты обращают внимание на то, что «в отличие от авторского права патентное право возникает только в результате соблюдения формальностей (подачи заявки на получение патента), проведения государственной экспертизы и выдачи патента» [6, с. 92].

Интенсификация процессов, связанных с охраной интеллектуальной собственности, фиксируется специалистами уже в последней четверти XX века. Это связывается как с ростом операций с нематериальными активами, общей *коммодификацией* [см., например: 7, с. 23] видов человеческой деятельности (которые, обретая денежную стоимость, фактически становятся полноценными товарами), так и со стремлением компаний усилить защиту своих интересов в сфере интеллектуальной собственности. Автор книги об истории корпорации *Intel* [8] Т. Джексон обращает внимание на то, что уже к середине 1970-х годов «судебные разбирательства стали обычным явлением, а компании начали использовать патенты, чтобы получать значительные роялти от своих конкурентов или заключать широкомасштабные соглашения о перекрестном лицензировании. <...> патенты, торговые секреты и прочие формы интеллектуальной собственности стали использоваться компаниями как коммерческое оружие» [цит. по: 7, с. 22].

Патентная защита возглавляет перечень законодательных форм охраны интеллектуальной собственности, поскольку обладает наибольшей правовой силой; далее следуют защита средств индивидуализации, защита авторских прав, защита секретов производства (ноу-хау) [7, с. 29]. С помощью патентов могут быть защищены различные объекты интеллектуальной собственности: изобретения, полезные модели, промышленные образцы – в науке; базы данных, программные средства, консультационные услуги – в сфере информационной деятельности, а также в области бизнес-задач, где также патентным правом охватываются ноу-хау, товарные знаки, фирменные наименования и др. При выборе патентования как вида

охраны объектов интеллектуальной собственности целесообразно учитывать целый ряд разноуровневых факторов, включая специфические свойства объекта патентования, степень его проработанности (научной, технической, коммерческой) в аспекте внедрения в процесс производства и потенциальной рыночной востребованности; саму необходимость и долгосрочность патентной защиты, ее экономическую целесообразность; состояние патентного законодательства; отраслевые особенности и др. (подробнее о критериях выбора способов охраны объектов интеллектуальной собственности при их использовании в производственной и инновационной деятельности: [9, с. 132–134]).

В современном правовом поле разных стран инициатива выявления потенциальных или фактических нарушений, связанных с осуществлением прав на объекты интеллектуальной собственности, изначально возложена на обладателя патента. Как правило, чаще всего на начальном этапе после выявления нарушений направляется письмо нарушителю, в котором подтверждается существование патента. Данное письмо подразумевает, что «если нарушение не прекратится, то патентообладатель предъявит иск, поэтому такие письма часто бывают вполне эффективными и приводят или к пресечению нарушения, или к заключению успешного лицензионного соглашения» [5, с. 52]. В случае невозможности найти решение путем переговоров рассмотрение дела о нарушении переходит в разряд разбирательств.

Интенсификация *патентных разбирательств* связана, в числе прочего, с функционально-целевыми трансформациями патентов как правовых документов. Патент как инструмент защиты интеллектуальной собственности имеет двойное назначение: «Во-первых, автор (или предприятие-патентообладатель), принимая на себя риск и расходы по открытию новых путей в науке и производстве, получает охраняемое законом право на монопольное использование запатентованного объекта и возможность извлекать из этого экономические выгоды в течение ограниченного срока. Во-вторых, при выдаче патента в обязательном порядке публикуются все технические детали новшества, что создает условия для поиска и анализа научно-технической информации на основе патентной документации, обеспечивает доступ других предприятий к новым технологиям за счет приобретения лицензии. Кроме того, по окончании срока действия патента охраняемый объект становится общедоступным» [2]. Первоначально патентование было ориентировано на обеспечение взаимовыгодных условий для создания и распространения новшеств (в идеале это должно способствовать повышению инновационной активности как в сфере научных исследований, так и в области ориентированного на инновации производства). Однако методы и технологии современного патентования, а также правового использования патентов указывают на то, что центр функционального назначения патентов смещается с функций собственно охранительных (когда защищается право собственности) – на функции правового «лабиринта» в целях извлечения длительной выгоды из новшества, которое по сути уже не является таковым. Последнее реализуется с помощью следующих стратегий использования:

– «вечнозеленых» *патентов (evergreening patents)*, которые позволяют без ограничений продлевать срок действия патента (например, на медицинский препарат: в состав препарата, срок действия патента на который истекает, вносятся

незначительные изменения – в результате появляется возможность запатентовать «новую» формулу и патент получает новую жизнь; подобную стратегию часто используют крупные концерны (такие, как швейцарский *Novartis*) в борьбе с фармацевтическими компаниями из развивающихся стран);

– *блокирующих патентов (blocking patents)*, охватывающих тот или иной сегмент технологий и препятствующих использованию в нем иных патентных документов;

– *зонтичных патентов (umbrella patents)*, которые предназначены для «защиты максимального количества технических решений в рамках одного документа» [2].

Эти и ряд других стратегий являются частью конкурентной борьбы, которая разворачивается в весьма специфической системе координат; их можно рассматривать как орудия, инструменты недобросовестной конкуренции, имеющей тенденцию к усилению и ощутимо влияющей на само патентное право. Например, так называемая *стратегия эффективного нарушения* обладает очевидными признаками направляемой, организуемой недобросовестной конкуренции, основанной на сознательном нарушении законодательства: крупные игроки (корпорации, консорциумы и т. д.) полагают, что кража чужой технологии (даже с риском ввязаться в разбирательство) несравнимо выгоднее в экономическом отношении, чем разработка или законное приобретение объектов интеллектуальной собственности (технологии, например).

В настоящее время патентные разбирательства по степени интенсивности и характеру разрешения претензий можно (условно) разделить на *патентные споры* и *«патентные войны»*.

Тяжбы первого типа чаще всего заканчиваются достижениями некоего компромиссного варианта, например, заключением лицензионного договора, возмещением убытков со стороны нарушителя. В качестве примера можно привести борьбу исследователей (научно-исследовательских групп) за права на то или иное открытие (или его часть) либо техническое решение. При этом специалисты отмечают, что разбирательства подобного рода «свидетельствуют не столько о желании закрепить за собой репутацию ученого-первооткрывателя в академическом сообществе, сколько о правах на коммерческое использование технологии. <...> Как правило, стороны приходят к компромиссному варианту и права на изобретение распределяют между участниками спора, поскольку экономический ущерб от подобного решения на стадии лабораторных испытаний и фундаментальных исследований незначителен» [10, с. 121-122].

Разбирательства второго типа – *«патентные войны»* – оказываются гораздо более длительными, ожесточенными и затратными. Сам термин появился относительно недавно, в XX веке. Условной точкой отсчета патентных войн считается 1906 год, когда пионеры американской авиации Орвилл и Уилбур Райты получили патент на создание самолета определенной конструкции – и начали активно судиться со всеми, кто пытался использовать подобные технологии: «Доходило до того, что братья судились и за те патенты, которыми обладали, но которые не использовали в работе. Примечательно, что почти все суды Европы отклонили иски, в то время как суды США часто удовлетворяли их. Негативным последствием

явилось то, что из-за постоянных разбирательств братьям некогда было заниматься совершенствованием технологии» [11, с. 48]. Не меньшую известность в истории патентного права в плане специфической «воинственности» получил и создатель телефона Александр Белл, который за 11 лет подал около 600 исков с целью защитить свои права на изобретение. Можно считать его победителем в этой «патентной войне», хотя имели место и решения в пользу других изобретателей телефонного устройства (например, Томаса Эдисона).

У истоков «патентных войн», которые ведутся крупными компаниями, корпорациями, консорциумами, концернами («лидерство» принадлежит *Apple, Samsung, Microsoft, MPEGLA* и др.), стоит американская *Texas Instruments*. В 1980-е годы компания развязала «патентную войну», пытаясь восполнить потери своей доли на рынке. Сегодня можно говорить о том, что «патентная война» стала «инструментом нечестной, но легальной конкуренции» [11, с. 48], которая за последние десятилетия превратилась в прибыльный бизнес.

Показательно, что специфика развития правового поля в сфере патентной деятельности не только активизирует разбирательства разной степени интенсивности, но порождает новых «игроков» – субъектов правовых отношений, а также новые феномены. Так, по оценкам специалистов, уже к началу 2010-х годов более половины патентных споров (по крайней мере, в США) инициировалось так называемыми *патентными троллями* (*patent trolls*); в европейской традиции они именуется «патентными киллерами», «патентными диверсантами». Это физические или юридические лица, которые не создают интеллектуальную собственность, не производят товары, не предоставляют услуги – они специализируются на быстром получении патентов либо на их скупке, чтобы затем зарабатывать на исках о нарушениях патентных прав [см., например: 2; 11; 12].

Серьезной причиной для беспокойства в самых разных странах становится *патентное рейдерство* (его иногда называют интеллектуальным рейдерством), которое представляет собой принуждение юридических или физических лиц либо к выплатам компенсационного характера, либо к покупке патентных или лицензионных документов. Поскольку в целом ряде случаев нематериальные активы компаний могут существенно превышать стоимость основных активов, то жертвами патентного рейдерства становятся «компании, ведущие проектные, опытно-конструкторские, научно-исследовательские работы, владеющие ноу-хау, изобретениями и другими объектами интеллектуальной собственности», при этом «присвоенная в результате рейдерской акции интеллектуальная собственность по назначению не используется, что в рамках национальной экономики тормозит научно-технический прогресс» [12, с. 88].

В некоторых исследованиях понятия *патентного троллинга* и *патентного рейдерства* не дифференцируются. Однако нам представляется целесообразным рассматривать их как два явления, которые хотя и имеют общие истоки и содержательные параметры (позволяющие относить их к недобросовестной конкуренции агрессивного типа), однако обладают и очевидными различиями в смысле целей, содержательно-процессуальных особенностей, методов и инструментов ведения дел.

Выше мы уже обращали внимание на то, что в условиях информационного общества практически в любой сфере экономики и производства, где результаты деятельности так или иначе могут быть коммерциализованы, роль и стратегические перспективы нематериальных активов существенно возрастают. Соответственно, значительно усложняется и правовая охрана этих объектов. Это связано, в числе прочего, и с тем, что «традиционные инструменты защиты интеллектуальной собственности – патенты – в настоящее время практически утратили свое первоначальное предназначение, превратившись в средства недобросовестной конкуренции» [2]. То есть формируется *тенденция к использованию патентов* противоборствующими сторонами *в качестве не охранного документа, но инструмента «патентных войн» – средства недобросовестной конкуренции*. При этом с полной уверенностью можно констатировать устойчивый рост числа судебных разбирательств, связанных с сознательными нарушениями патентного права.

Еще одна заметная тенденция в сфере патентной деятельности напрямую связана с ростом числа научных разработок, создаваемых на базе того или иного крупного научного открытия. Так, широкую известность получила ситуация вокруг стратегии диверсификации компании *Fujifilm*, в которой «ключевое значение сыграла технология создания искусственных органов человека, включающая все стадии жизненного цикла прорывного научного знания и имеющая потенциал формирования принципиально новой индустрии. Особое внимание было обращено на факт раннего закрепления прав на результаты интеллектуальной деятельности создателями прорывного знания: уже на стадии поискового исследования Синья Яманака, лауреат Нобелевской премии, <...> закрепил права на полученные результаты 180 патентными заявками, объединенными в 44 патентные семьи, и получил 12 патентов, доступных для лицензирования» [10, с. 117]. Эта ситуация может рассматриваться как одно из свидетельств формирования нового явления, связанного с «борьбой за высокую добавленную стоимость еще не созданного рыночного высокотехнологичного продукта, которая разворачивается не между промышленными компаниями, а между <...> университетами, исследовательскими центрами и стартапами» [10, с. 117]. Таким образом, данную тенденцию можно обозначить как *стремление обеспечить защиту (охрану) патентного типа еще не созданного продукта (решения) на стадии научных исследований*. Инициаторами и субъектами патентных разбирательств, нередко заканчивающихся компромиссами, являются исследователи. При этом особое значение приобретает то, что патентные разбирательства могут иметь последствия «фундаментального» (во всех смыслах) рода, связанные с глубинными изменениями принципов мировых научных исследований: «...есть все основания полагать, что, несмотря на общепринятые этические нормы академического сообщества, предполагающие свободный доступ к использованию результатов фундаментальных исследований, тенденция к внедрению практики лицензирования таких результатов может взять верх в аналогичных ситуациях в дальнейшем» [10, с. 122].

Патентные «тролли» и рейдеры наносят огромный ущерб экономике; негативные последствия патентных войн также весьма существенны. В современном правовом поле разных стран используются схожие подходы для урегулирования

патентных конфликтов. В ходе разбирательств оценивается объем материальных претензий владельца патента, в результате определяется сумма нанесенного ущерба. Предметом активных обсуждений сегодня является понятие *патентной чистоты*, под которой имеется в виду «юридическое свойство объекта, суть которого в том, что он может реализовываться беспрепятственно в какой-либо стране без опасности нарушения действующих прав промышленной безопасности. Патентной чистотой обладают такие объекты, которые не попадают под действующие в стране патенты, а также не нарушают фирменные наименования товаров» [11, с. 49].

Своего рода предупреждение патентных войн (или, по крайней мере, сдерживание лавинообразного разрастания конфликтов, имеющих отношение к сфере патентного права), на наш взгляд, может быть связано с *формированием некой общей инновационной стратегии управления интеллектуальной собственностью – и разработкой комплекса «опережающих» мер (шагов), связанных с ее охраной*. По отношению к патентной деятельности соответствующий компонент стратегии мог бы включать:

– совершенствование нормативной правовой базы практики перекрестного лицензирования патентов – прежде всего, предназначенных для ограничения недобросовестной конкуренции;

– усиление внимания к патентованию технологий и – шире – технологической составляющей современных инноваций (потенциально включающей не только собственно технологии производства товаров или продукции, но и технологические матрицы «воспроизводства» результатов научных исследований);

– постоянный контекстный мониторинг патентной деятельности и широкого спектра активностей в соответствующей сфере права как основу для принятия решений в области законо- и нормотворчества, оценки правовых практик и т. д.

Список использованных источников

1. Варфоломеева, Ю. А. Интеллектуальная собственность в условиях инновационного развития: Монография / Ю. А. Варфоломеева. – М.: Ось-89, 2006. – 142 с.

2. Дроговоз, П. А. Ноу-хау как альтернативный инструмент защиты интеллектуальной собственности в условиях патентных войн / П. А. Дороговоз, Н. А. Кашеvarова // Инженерный журнал: наука и инновации. – 2014. – № 3 (27). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nou-hau-kak-alternativnyy-instrument-zaschity-intellektualnoy-sobstvennosti-v-usloviyah-patentnyh-voyn> (дата обращения: 23.06.2022).

3. Эдиев, Р. А. Этапы формирования политико-правовых норм по защите интеллектуальной собственности / Р. А. Эдиев // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2016. – № 1. – С. 247–253.

4. Судариков, С. А. Право интеллектуальной собственности: учеб. / С. А. Судариков. – М.: ТК Вел-би, Изд-во Проспект, 2008. – 367 с.

5. Стрелков, О. И. Интеллектуальная собственность в вопросах коммерциализации разработок / О. И. Стрелков, А. В. Чернуха // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2007. – № 12 (75). – С. 48–55.

6. Губанов, Р. С. Патент как вид нематериальных активов и его использование при реализации программ инновационного развития / Р. С. Губанов, Л. В. Журавлева, О. В. Кораблева // Финансовый журнал / Financialjournal. – 2016. – № 2. – С. 88–99.

7. Полавская, Н. В. Интеллектуальная собственность как объект экономических отношений / Н. В. Полавская // Креативная экономика. – 2014. – № 8 (92). – С. 22–32.

8. Джексон, Т. Inside Intel: история корпорации, совершившей технологическую революцию XX века / пер. с англ. [М. Кульнева, О. Лобачева] / Т. Джексон. – М.: Альпина Паблишер, 2013. – 327 с.

9. Мингалеева, Ж. А. Выбор форм охраны интеллектуальной собственности в процессе инновационной деятельности / Ж. А. Мингалеева // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2012. – № 3 (17). – С. 131–137.

10. Кураков, Ф. А. Феномен закрепления прав на промышленно применимые результаты интеллектуальной деятельности на стадии фундаментальных исследований / Ф. А. Кураков // Экономика науки. – 2017. – Т. 3. – № 2. – С. 116–125.

11. Ксенофонтов, В. К. Патентные войны – нарушения закона или пиар-ход? / В. К. Ксенофонтов // Научный журнал. – 2018. – № 10 (33). – С. 48–50.

12. Румянцева, А. В. Специфика рейдерства в сфере интеллектуальной собственности / А. В. Румянцева, С. А. Мешков // Социально-экономические явления и процессы. – 2014. – № 1 (59). – С. 86–90.

References

1. Varfolomeeva, Yu. A. Intellektual'naya sobstvennost' v usloviyakh innovatsionnogo razvitiya: Monografiya / Yu. A. Varfolomeeva. – М.: Os'-89, 2006. – 142 s.

2. Drogovoz, P. A. Nou-khau kak al'ternativnyi instrument zashchity intellektual'noi sobstvennosti v usloviyakh patentnykh voyn / P. A. Dorogovoz, N. A. Kashevarova // Inzhenernyi zhurnal: nauka i innovatsii. – 2014. – № 3 (27). – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/nou-hau-kak-alternativnyy-instrument-zashchity-intellektualnoy-sobstvennosti-v-usloviyah-patentnykh-voyn> (data obrashcheniya: 23.06.2022).

3. Ediev, R. A. Etapy formirovaniya politiko-pravovykh norm po zashchite intellektual'noi sobstvennosti / R. A. Ediev // Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski. – 2016. – № 1. – S. 247–253.

4. Sudarikov, S. A. Pravo intellektual'noi sobstvennosti: ucheb. / S. A. Sudarikov. – М.: ТК Vel-bi, Izd-vo Prospekt, 2008. – 367 s.

5. Strelkov, O. I. Intellektual'naya sobstvennost' v voprosakh kommersializatsii razrabotok / O. I. Strelkov, A. V. Chernukha // Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii. – 2007. – № 12 (75). – S. 48–55.

6. Gubanov, R. S. Patent kak vid nematerial'ykh aktivov i ego ispol'zovanie pri realizatsii programm innovatsionnogo razvitiya / R. S. Gubanov, L. V. Zhuravleva, O. V. Korableva // Finansovyi zhurnal / Financialjournal. – 2016. – № 2. – S. 88–99.

7. Polavskaya, N. V. Intellektual'naya sobstvennost' kak objekt ekonomicheskikh otnoshenii / N. V. Polavskaya // Kreativnaya ekonomika. – 2014. – № 8 (92). – S. 22–32.

8. Dzhekson, T. InsideIntel: istoriya korporatsii, sovershivshei tekhnologicheskuyu revolyutsiyu XX veka / per. s angl. [M. Kul'neva, O. Lobacheva] / T. Dzhekson. – M.: Al'pina Pabliher, 2013.– 327 s.

9. Mingaleva, Zh. A. Vybor form okhrany intellektual'noi sobstvennosti v protsesse innovatsionnoi deyatel'nosti / Zh. A. Mingaleva // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. – 2012. – № 3 (17). – S. 131–137.

10. Kurakov, F. A. Fenomen zakrepleniya prav na promyshlenno primenimye rezul'taty intellektual'noi deyatel'nosti na stadii fundamental'nykh issledovaniy / F. A. Kurakov // Ekonomika nauki. – 2017. – T. 3. – № 2. – S. 116–125.

11. Ksenofontov, V. K. Patentnye voiny – narusheniya zakona ili piar-khod? / V. K. Ksenofontov // Nauchnyi zhurnal. – 2018. – № 10 (33). – S. 48–50.

12. Rumyantseva, A. V. Spetsifika reiderstva v sfere intellektual'noi sobstvennosti / A. V. Rumyantseva, S. A. Meshkov // Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy. – 2014. – № 1 (59). – S. 86–90.

UDC 378.14

Pavel Martysiuk,
Doctor of Sciences (Philosophy; Cultural Studies), Professor;
Minsk Branch of the Plekhanov Russian University of Economics
(Belarus)
pr_martis@yahoo.com

HUMANIST TRENDS OF THE MODERN PARADIGM OF EDUCATION IN THE CONTEXT OF A DYNAMICLY DEVELOPING SOCIETY

In the conditions of a dynamically developing society, homogeneous evolutionist schemes come to the fore, considering the development of culture and education in the context of their progressive improvement. The linear orientation towards the qualitative improvement of the modern paradigm of education is not able to solve the problem of preserving its humanistic potential, moreover, to determine its development based on positive cultural and historical experience. The humanistic potential of the modern paradigm of education is possible in the context of the non-linear dynamics of the socio-cultural sphere, which includes elements of linearity and cyclicity. If linear patterns of development can bring about innovations in the field of education, then cyclical processes result from the need to preserve traditions that reinforce positive cultural and educational experiences. Being co-present in a single cultural space, they are able to impart semantic stability and humanistic orientation to repetitive educational processes.

Keywords: humanistic tendencies; dynamics; cyclical dynamics; culture; education; educational space; communication; linear paradigm.

帕维尔·马尔蒂修克

动态发展的社会背景下现代教育范式的人文主义趋势

在一个动态发展的社会条件下，同质进化论方案脱颖而出，且在其逐步改进的同时将文化和教育的发展考虑在内。现代教育范式的线性质变取向，既不能解决其人文潜力的保存问题，更不能以积极的文化历史经验来决定其发展。现代教育范式的人文潜力在社会文化领域的非线性动态背景下是可能的，其中包括线性和周期性的元素。如果说线性的发展模式可以带来教育领域的创新，那么循环过程则是由于需要保存加强积极文化和教育经验的传统而产生的。它们共同存在于单一的文化空间中，能够为重复的教育过程赋予语义稳定性和人文取向。

关键词：人本主义倾向；动力学；周期性的动态；文化；教育；教育空间；沟通；线性范式。

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ПАРАДИГМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ДИНАМИЧНО РАЗВИВАЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА

В условиях динамично развивающегося общества на первый план выходят гомогенные эволюционистские схемы, рассматривающие развитие культуры и образования в контексте их прогрессистского усовершенствования. Линейная установка на качественное улучшение современной парадигмы образования не в состоянии решить проблему сохранения ее гуманистического потенциала, тем более определить ее развитие, основанное на положительном культурном и историческом опыте. Гуманистический потенциал современной парадигмы образования возможен в контексте нелинейной динамики социокультурной сферы, включающей элементы линейности и цикличности. Если линейные схемы развития способны вызвать к жизни инновации в сфере образования, то циклические процессы проистекают благодаря потребности в сохранении традиций, закрепляющих положительный культурный и образовательный опыт. Соприсутствуя в едином культурном пространстве, они способны придать повторяющимся образовательным процессам семантическую устойчивость и гуманистическую направленность.

Ключевые слова: гуманистические тенденции; динамика; циклическая динамика; культура; образование; образовательное пространство; коммуникация; линейная парадигма.

Образование способно влиять на современную культурную ситуацию, стимулируя в ней значительные изменения. Оно выступает выразителем общественной и политической жизни, своего рода механизмом воспроизводства культуры в соответствии с заранее выработанной интеллектуальной схемой. В обобщенном виде образование может быть представлено как функция общества, обеспечивающая его жизнедеятельность и определяющая возможности развития.

Среди основных направлений, нацеленных на качественное улучшение современной системы образования, принято выделять гуманизацию; творческий подход; традиции и инновации; непрерывность; взаимодействие образования и воспитания. Особый интерес в рамках настоящего исследования представляет гуманизация, оказывающая значительное влияние на современную образовательную парадигму в условиях динамично развивающегося общества.

Гуманизация образования предполагает признание человека главной социальной ценностью. Ее главной целью является воспитание у обучающегося чувства собственного достоинства, основанного на восприятии себя как личности, испытывающей уважение к самой себе. В этой связи достоинство рассматривается как характеристика человека со стороны его внутренней ценности и соответствия своему предназначению. Следует обратить внимание на то, что достоинство присуще каждому, оно распространяется и на не подозревающего о его существовании человека. Но в полной мере оно присуще индивиду, который осознает себя как личность, способную укрепиться в самости.

Гуманизация помогает человеку воспринять духовность, расширить мышление, сформировать целостную картину об окружающем мире, включенном в систему духовных ценностей. На основе общечеловеческой культуры формируется

человеческий потенциал, учитывающий субъективные потребности и объективные условия развития личности. Образование требует постоянного развития, сохраняя при этом связь с историческими, социальными и культурными традициями. Современная образовательная система должна быть открытой, нацеленной на сохранение и расширение национальных ценностей. Цели обучения должны определяться не только государством, но и учитывать мнения учеников, родителей и педагогов. Открытость – еще одна тенденция образования, которую должны брать на вооружение программы обучения. Современные образовательные программы нуждаются в базовом гуманитарном знании и должны по возможности эффективно дополняться.

Согласно современным тенденциям развития образования, педагог должен уметь активизировать, мотивировать, формировать мотивы, побуждать к саморазвитию, учитывать активность обучающихся, создавать условия для индивидуального развития. Существует определенная последовательность: от помощи педагога в решении образовательных проблем и задач на начальном уровне обучения до максимальной самостоятельной регуляции в обучении и появления взаимоотношений между обучающимся и педагогом. Во время перехода от наставничества к сотрудничеству важно сохранять взаимоуважение педагога и обучающегося. Творческую направленность легко проследить в современном образовании. Проявление творческой стороны образования и использование творческого процесса помогают личности в прохождении стадии индивидуального роста и развития, в получении удовлетворения от полученного результата.

Важнейшим показателем конструктивного образовательного опыта выступает феномен ученичества. Перманентное состояние ученичества становится возможным в рамках открытого сознания, способного преодолеть эгоцентризм и, как следствие, формальную бюрократическую сторону образования. Здесь особое место отводится непрерывному образованию, представленному в качестве перспективного направления современного образования. Непрерывное образование способствует приобретению углубленных знаний и помогает достижению целостности в обучении и воспитании. Непрерывность образования способствует преобразованию полученных знаний на протяжении человеческой жизни. Только при взаимодействии обучения и воспитания возможно формирование личности.

Гуманизации образования противостоит феномен технократизации, направленный на реализацию научно-технического прогресса и решение производственных задач. Технический прогресс сказывается и на образовательном процессе. В отличие от технократизации, гуманизация создает приемлемые условия для всестороннего развития личности, а также формирует устойчивые тенденции развития общества. Она во многом определяет предпосылки устойчивого развития, при котором нынешние поколения удовлетворяют свои потребности, не ставя под угрозу возможность удовлетворять свои потребности будущим поколениям.

Современные технологии должны присутствовать в новых методиках. Важно правильно использовать полученную информацию и уметь применять ее в реальной жизни. Несмотря на конструктивную направленность современных технологий образования, в них потенциально присутствует опасность технократизации, ограничивающая возможности реализации творческого потенциала личности. В своем

идеале образование максимально должно учитывать духовные интересы общества и отдельно взятой личности обучающихся. В этом смысле гуманизация образования означает создание оптимальных условий для всестороннего развития личности, что предполагает соответствующий уровень интеллектуальной, нравственной, правовой, социальной, экологической, информационной и других базовых уровней личностной культуры.

Реализация гуманистических установок применительно к социально-культурной сфере протекает в условиях динамично развивающегося общества. Для того, чтобы сформировать о них более-менее полное представление необходимо проникнуться спецификой социально-культурной динамики. Под динамикой принято понимать процесс развития и изменения, присущий различным сферам человеческой жизни и деятельности: исторической, социальной, культурной, образовательной и др. Применительно к социально-культурной сфере она имеет направленный характер, распространяется на ее отдельные области, формы и типы.

Нередко в процессе исторического развития происходит разрыв с культурно-исторической традицией общества, сопровождаемый уничтожением прежней культуры и ее носителей. Испытывающая потребность в развитии, культура в данный период замедляет ход, испытывая необходимость в обновлении ценностей и идей, которые отвечали бы требованиям времени и новым потребностям общества. В этой ситуации обретает актуальность «феномен начала, который являет собой неразличное единство противоречий, в последующем определяющее развитие и совершенствование культуры» [2, с. 19].

В социально-культурной сфере динамика изначально отождествлялась с эволюционными процессами, имеющими линейный и, как правило, прогрессистский характер. В них содержалась информация об обогащении культуры по мере ее продвижения от первобытности к современности. В последующем научные представления о динамике культуры перестают сводиться лишь только к линейным процессам, а расширяются до восприятия сложной, неоднозначной природы культуры, подверженной различного рода трансформационным сдвигам, циклическому развитию, нелинейным вариациям, синтезирующим элементы цикличности и линейности, кризисам, сопровождающимся периодическим возвратом к прежнему состоянию, и др.

Важнейшим преимуществом современного образования, отражающим процессы динамического типа, выступают информационные технологии, позволяющие максимально удовлетворить познавательные потребности каждого человека, ставшего на стезю овладения знаниями. Информационные технологии придают образованию мобильность, дистанционность, открытость, доступность. При этом, на наш взгляд, неограниченные возможности информационных технологий не в состоянии устранить противоречия образовательного типа. Без учета традиционных, на протяжении длительного времени складывающихся ценностных ориентиров образование не может рассматриваться во всех отношениях как устойчивое, качественное и полноценное.

Угроза ослабления духовной сферы культуры также возрастает в связи с переходом на цифровые технологии. Успехи в разработке искусственного интеллекта

способны привести к утрате эмпатии и социальной идентификации. Не последнюю роль здесь играют рациональная этика и всемирная кибернизация общественной жизни. В условиях постоянных вызовов и угроз в виде техногенных катастроф, экологических и экономических кризисов безопасность социального бытия становится все более проблематичной. Возникают известные риски дестабилизации и ослабления конструктивных начал социальной жизни. «Истоки существующих экономических, политических и социальных проблем коренятся в самой существующей социально-культурной практике и в состоянии самосознания народа, ориентируемого на ту или иную систему социальных ценностей, которые могут формироваться как спонтанно, так и целенаправленно» [1, с. 136.]. На протяжении всего исторического пути образование соотносилось с такими понятиями, как «культура», «социализация», «воспитание», «обучение», «подготовка», «деятельность», «знания» и т. д. К тому же образование и связанное с ним общественное развитие неизбежно включают в себя историческое наследие, являющееся выражением социально-культурного и экономического развития как биосоциального адаптационного и духовно-нравственного процесса.

В условиях динамично развивающегося общества образование отчасти утратило неизменные и устойчивые традиционные основы. По этой причине оно уже не в состоянии выступить гарантом процветания и стабильности. Присущие ему реформы связаны с возможными рисками и неизбежными погрешностями, нередко приводящими к замене качественного глубинного слоя образования на поверхностный формальный. При этом следует помнить, что качественное образование во многом определяет уровень благосостояния нации. Оно является отражением состояния культуры, через призму которой высвечивается внутренний (интимный) и внешний (социальный) мир человека. Два этих мира находятся в постоянном взаимодействии и взаимообуславливают друг друга. Образованный человек отличается от необразованного не количеством воспринятой и переработанной информации, а способностью к аналитической деятельности, основанной на способности интегрировать и синтезировать разрозненные знания. Важнейшей характеристикой интеллектуальной природы образованного человека является непрекращающаяся потребность в согласовании своего внутреннего мира с динамично развивающимся внешним (социальным) миром. В результате его самосознание, формирующееся в социально-культурном пространстве, определяется свободным волеизъявлением, выходящим за рамки внешних клишированных предписаний и отношений.

Динамика линейного типа выдвигает на первый план новые учебно-методические комплексы, а также новые педагогические технологии, связанные с искусственной реальностью. Нередко виртуальная действительность, заполняющая образовательные технологии, навязывается идеологией, порой идущей вразрез с истинными целями образования, следовательно, в меньшей степени отвечает логике здравого смысла. «Социально-культурная природа этого искусственного образца не анализируется, а принимается как должное, как проявление надуманного априорного научного подхода. Отсюда авторитарная суть адаптационной педагогики. В поле ее зрения находится лишь формирование мировоззрения обучающихся на основе принятых образцов во имя политических и экономических интересов

государства и политических партий или других социальных институтов» [1, с. 454]. Формирование же – это всегда насилие над действительностью, искажающее ее истинную природу. Собственно, данное самоопределение является одной из задач, стоящих перед системой образования. От общества, государства зависит, заинтересованы ли они в содержательном и при этом эффективном образовании или же считают достаточным ограничиться функциональной грамотностью своих граждан, позволяющей рассматривать их как простые элементы социальной системы.

Образование, как и культура в целом, развивается отнюдь не в строгом соответствии с объективными закономерностями, открытыми наукой. Оно проектируется на основе религиозных, нравственно-эстетических, политических и других ценностей. Эти ценности, в отличие от изначально существующих объективных систем, первоначально выступают в виде некоего идеального плана или виртуальной реальности, которую в последующем надо объективировать или материализовать. Образование является продуктом духовного творчества. При этом чаще всего не учитывается, что развитие образования может иметь самые различные формы, содержит риски превращения в простое функционирование системы, когда она утрачивает способность реагировать на вызовы времени. Вся сложность заключается в том, что статика общественного развития в виде выращивания тех или иных культурных форм в закрытом пространстве является необходимым условием динамики этого развития в открытом пространстве. В таких условиях всегда есть риск подмены социально-культурного и экономического развития административным регулированием, якобы опирающимся на научно обоснованную стратегию этого развития.

Большинство проблем современного образования является результатом одностороннего подхода к интерпретации самой сущности культуры, составной частью или феноменом которой является образование. В одном случае при выяснении сущности образования культура предстает как результат адаптационной деятельности в виде научно-технического прогресса, свобода выбора технических и других средств достижения которого является выражением познанной необходимости; в другом – как проектирование существующей социальной реальности, ее культивирование на основе духовных и материальных ценностей, сформированных в лоне культуры. В первом случае образование предстает как открытый глобальный информационный процесс, направленный на просвещение народных масс и оказание других образовательных услуг, связанных с преобразовательной деятельностью и потреблением материальных благ и в силу этого имеющих сугубо экономическое содержание. Такое понимание образования нашло свое отражение в формальном, в какой-то мере урезанном аспекте, выдвигающим на первый план профессиональную подготовку.

Образование в современном информационном обществе является как источником инновационного развития общества, так и выражением его скрытого социально-культурного и экономического потенциалов. На раскрытие этого потенциала направлены все существующие ныне модели образования. При этом особое внимание уделяется линейной образовательной парадигме.

Линейная динамика, на наш взгляд, не в состоянии выработать ориентиры устойчивого социально-культурного развития. Об этом свидетельствуют многочисленные попытки прогрессистского усовершенствования культуры, по большей части пренебрегающие аксиологическим потенциалом исторического опыта. В этой ситуации актуальность обретает циклическая парадигма культуры, выступающая своего рода мировоззренческой установкой, объединяющей в своем концептуальном поле систему теоретических знаний, представлений и верований, связанных с социокультурными динамическими процессами, которые мыслятся как возвращающиеся и повторяющиеся. Благодаря феномену цикличности соответствующая парадигма культуры оказывается представленной в качестве устойчивого структурно-смыслового образования, включающего многослойные топологические уровни цикличности локального, универсального и регионального типов. Ориентация на вечные гуманистические ценности выводит цикличность за рамки обычной повторяемости и раскрывается через тягу к обретению полноты бытия, то есть его устойчивых параметров и ориентиров развития в отдельных воспроизводящих себя формах культуры, обнаруживающих стремление к неизменному присутствию в изменчивом мире. Несмотря на явное преобладание в современной культуре эволюционистских идей по сравнению с идеями, содержащими элементы повторения, циклическая парадигма культуры по-прежнему сохраняет свою актуальность. Данное утверждение основывается на двух объективных причинах: «Первая причина заложена в противоречивой природе самого прогресса, а также его неспособности решать на протяжении исторического развития проблемы общечеловеческого и общекультурного характера. Вторая причина сокрыта в потребности сохранения базисных установок культуры и ее устойчивых духовных ориентиров на фоне нестабильной социокультурной ситуации в условиях трансформирующегося общества» [3, с. 26].

Процесс гуманизации социально-культурной сферы предполагает определенный уровень философской рефлексии. С точки зрения философии, творческий процесс как создание нового только тогда обретает смысл, когда реализуется в рамках самосознания. Благодаря ему он идентифицируется как истинный и достоверный. В этой связи философия призвана установить фундаментальные значения реальности на все времена, выявить возможный для человека максимум ее значения. Таким перманентно реальным оказывается лишь самосознание как предельное состояние субъективности.

Сотворение нового продукта есть всегда непрерывная эстафета, в которой нарождающееся «новое» вбирает в себя прошлый опыт: «Так, культура в процессе эволюции, продвигаясь от примитивной непосредственности к более сложным формам выражения, приводится обратно к своей внутренней основе как нераспознанной истине. Это внутреннее основание и есть то, из чего происходит первое, изначально явленное в непосредственном примитивном виде» [2, с. 18]. По сути, создание «нового» является переосмыслением, а затем продолжением развития уже существующего, отстоявшегося. Стандартизация, стереотипизация и схематизация – это лишь внешняя оболочка, затушевывающая творческий порыв.

Создание новых духовных (научных) ценностей как результат творчества, осмысленного философией, означает, вместе с тем, создание новой ситуации: субъект поднимается на более высокую ступень, у него появляются новые возможности. Общий результат творчества создает принципиально новую ситуацию – объект. Последний есть динамическая система, включающая в себя новые по сравнению с предыдущим этапом компоненты, а именно: новые объекты-системы, цели, стратегию и тактику, сам изменяющийся субъект. А все это неотделимо от возникновения информации, новых знаний.

Задача философии заключается в том, чтобы рассмотреть сущее в гуманистическом контексте. Поэтому дистанция философии по отношению к сущему не дистанция-отторжение, но дистанция-связь. Устанавливая в своем знании подлинный статус сущего, она тем самым делает человеческой данностью самое бытие. Будучи одновременно выражением мудрости, философия в своем творческом поиске обращается к предельным смысловым основам, видит вещи и весь мир в их человеческом (ценностно-смысловом) измерении. В целом философская деятельность есть процесс выработки исходных, наиболее общих принципов и универсальных форм понимания мира как целого, выступающих в качестве мировоззренческих ориентиров в творческой деятельности человека. В ней проявляется нацеленность на самореализацию и самосозидание мыслящего субъекта, на приведение в соответствие его духовного мира и объективных основ бытия, что в итоге универсализирует знание и придает ему целостный и всеобъемлющий характер.

Философию всегда интересовала проблема преобразования общества, отыскание путей его качественного улучшения, наращивание позитивного гуманистического потенциала. При этом для нее «общественная жизнь есть жизнь человеческая, творение человеческого духа, в которую вкладываются и в которой соучаствуют все силы и свойства последнего. Обобщающее познание общественной жизни неизбежно носит, как уже сказано, характер самопознания человека» [4, с. 19].

Общественная жизнь с точки зрения философии только тогда наделяется духовным содержанием, когда объективная реальность перестает носить внешний отчужденный характер, противостоящий нам и нашему внутреннему миру, а предстает в форме трансцендентной реальности, присутствующей в нас самих, изнутри с нами срашивается и через нас раскрывается. В результате реальность, данная нам во внутреннем опыте, выходит за пределы противоположности между субъективной жизнью и объективным миром, делая последний во всех смыслах для нас удобным и комфортным. Общественное входит в этом отношении в состав духовной жизни в ее внешнее выражение и воплощение. В итоге общественная жизнь выступает в качестве объективной реальности, вырабатываемой внутренним потребностным миром человека, выделяется им и неразрывно с ним связана.

В заключение следует отметить, что, несмотря на различное, порой противоречивое и неоднозначное отношение к проблеме инновационного развития, данное явление не препятствует всестороннему развитию личности. С позиции гуманистического осмысления меняющейся общественной реальности формирование субъектом себя как творческой личности – единственно возможный путь к сохранению и самоутверждению в условиях современного научно-технического прогресса,

инновационного развития образовательной сферы общества. Сюда входит формирование современного мировоззрения, обогащение своих знаний, развитие культуры мышления и профессиональной культуры, повышение нравственной и социальной ответственности.

Список использованных источников

1. Левко, А. И. Социокультурные предпосылки инновационного развития общества: философско-методологический анализ / А. И. Левко: Нац. акад. Наук Беларуси. Ин-т философии. – Минск: Беларуская навука, 2019. – 508 с.
2. Мартысюк, П. Г. Феномен начала как источник динамики культуры / П. Г. Мартысюк // Человек. Культура. Образование. – 2019. – № 2 (32). – С. 9–21.
3. Мартысюк, П. Г. Циклическая парадигма культуры: пути самоопределения / П. Г. Мартысюк // Человек. Культура. Образование. – 2018. – № 3 (29). – С. 19–26.
4. Франк, С. Л. Духовные основы общества / С. Л. Франк. – М.: Республика, 1992. – 511 с.

References

1. Levko, A. I. Sotsiokul'turnye predposylki innovatsionnogo razvitiya obshchestva: filosofsko-metodologicheskii analiz / A. I. Levko: Nats. akad. Nauk Belarusi. In-t filosofii. – Minsk: Belaruskaya navuka, 2019. – 508 s.
2. Martysyuk, P. G. Fenomen nachala kak istochnik dinamiki kul'tury / P. G. Martysyuk // Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie. – 2019. – № 2 (32). – S. 9–21.
3. Martysyuk, P. G. Tsiklicheskaya paradigma kul'tury: puti samoopredeleniya / P. G. Martysyuk // Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie. – 2018. – № 3 (29). – S. 19–26.
4. Frank, S. L. Dukhovnye osnovy obshchestva / S. L. Frank. – M.: Respublika, 1992. – 511 s.

UDC 1(091)

Iryna Fursa,
PhD; Higher Attestation Commission of the Republic of Belarus
(Belarus)
fursa-irina@yandex.by

BASE PATTERNS OF THE EDUCATIONAL IDEAL

The base patterns of the educational ideal are chosen as the subject of theoretical analysis in the article. Based on the study's results, the concept of the model of the educational ideal is defined, the epistemological typology of the base patterns of the educational ideal is singled out, and three specific practical base patterns are considered. It is shown that a reflection on the ontology of the basic models of the educational ideal is an effective methodological tool to counteract the total universalization of educational practices and unreasonable stereotyped transformation of social (including educational) reality. Practical recommendations are made on the basis of theoretical understanding of best world educational practices. The obtained results can be useful in the implementation of social forecasts for the development of cross-cultural education, as well as for the dynamics of education in the coordinates of the national system.

Keywords: base patterns of the educational ideal; leadership; potential; universalization of education; sustainable.

伊琳娜·福尔萨

教育理想的基本模式

本文选择教育理想的基本模式作为理论分析的主体。在此基础上，界定了教育理想模式的概念，筛选出了教育理想基本模式的认识论类型学，并探讨了三种具体的实践基本模式。研究表明，对教育理想基本模式本体论的反思，是对抗教育实践的全面普遍化和社会(包括教育)现实不合理的模式化转化的有效方法论工具；在对世界最佳教育实践的理论理解的基础上提出了实际的建议；所获得的结果可用于实施跨文化教育发展的社会预测，以及在国家系统的坐标下的教育动态。

关键词: 教育理想的基本模式；领导力；潜力；教育的普遍化；可持续的。

Ирина Фурса

БАЗОВЫЕ МОДЕЛИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ИДЕАЛА

Предметом теоретического анализа в статье избраны модели образовательного идеала, а по его результатам определено понятие модели образовательного идеала, выделена эпистемологическая типология базовых моделей и рассмотрены три конкретно-практические модели образовательного идеала. Показано, что рефлексия над основаниями онтологии базовых моделей образовательного идеала является эффективным методологическим инструментом противодействия тотальной универсализации образовательных практик и необоснованной шаблонной трансформации социальной (в том числе образовательной) реальности. Сделаны практические рекомендации на основе теоретического осмысления лучших мировых образовательных практик, которые

могут быть полезны при осуществлении социальных прогнозов развития как кросс-культурного образования, так и образования в координатах национальной системы.

Ключевые слова: базовая модель образовательного идеала; лидерство; потенциал; универсализация образования; устойчивость.

Введение

Исследовательская проблема, оправдание необходимости построения типизированных конструкций образовательного идеала в разрезе мирового опыта, характеризуется *вызовами образованию* нашего времени – *тотальной универсализацией образовательных практик и развитием новых идеологий как средств программирования социальной (в том числе образовательной) реальности*.

Основная идея и объяснительная сила сравнительных международных исследований в области образования состоит в выявлении на основе внушительной и несомненно репрезентативной выборки высокоэффективных образовательных систем и технологий, которые могут быть адаптированы к иным страновым условиям для получения схожих результатов. В целом работающая идея с течением времени и, вероятно, благодаря грамотной маркетинговой программе все более отчетливо воспринимается в контексте дискурса «эталонных обществ» [12, с. 647], к которым причисляются государства (Сингапур, Китай, Южная Корея, Эстония, Финляндия и др.), демонстрирующие стабильно высокие результаты в ходе периодических международных испытаний для школьников. В таком разрезе идеология «эталонных обществ» имеет не только прикладной функционал (проанализировать и адаптировать лучшее), но и выполняет задачу культивирования образцовых идеалов. Австралийские исследователи Б. Лингард и С. Селлар в оценке международного значения методологии ОЭСР отмечают, что последняя несомненно является «эпистемологическим и инфраструктурным способом глобального управления» [15].

Причины этого явления не являются новыми, вновь возникшими. Социальные последствия отчуждения человека хорошо описаны в работах Г. Маркузе, Э. Фромма, К. Хорни, Ж. Бодрийяра и других авторов. Популярными аналитическими инструментами для образования – самый обычный продукт массовой культуры, который отвечает запросам современного человека, а именно рационализирует нарастающий хаос, например, помогает ориентироваться в потоке информации, предлагая обоснованные решения. Это не всегда плохо, но порой индивиду не удается сохранить автономию, имеющую в данном ключе функцию профилактики от восприятия реальности в одномерной плоскости.

Приоритеты экономики образования над другими его аспектами – вторая причина укрепления тенденций тотальной универсализации образовательных практик. Исследователь Герт Биеста называет три социальные проблемы, связанные с повышенным вниманием к вопросам экономики образования: постоянная коммодификация образования (представление об образовании как продукте, который можно купить и продать); технологические ожидания в отношении образования; экономический редукционизм (уверенность в возможности измерения всех сторон и эффектов образования с помощью экономических показателей) [11, xi]. Применительно к методологии международных сравнительных исследований это проявляется, по

мнению Г. Биеста и многих других авторов, в редуцировании качества школьного обучения к эффективности в отдельных дисциплинах (как правило, в математике и естественных науках).

Понимание относительности трендовых истин и всей глубины социальных и культурных последствий увлеченности образовательными идеалами «эталонных обществ» определяют интерес к их изучению именно в таком противоречивом ракурсе. Рассмотрение вариативности дизайна образовательного идеала позволяет оценить их силу и слабость, соотнести с актуальными национальными идеями. В работе сделана попытка *типизировать манифестируемые обществами образовательные идеалы, которые сегодня следует признать наиболее «видимыми»* (имеющими явно различимую как для исследователей, так и для участников образовательного процесса форму идеального в образовании, то есть идеалов личности, системы, отношений). Именно это намерение определим в качестве *цели работы*.

Методология и методы

Тема работы вызывает, как минимум, два вопроса: почему объектом выступают не модели образования или модели образовательных систем? в чем разница между упомянутыми терминами и понятием «модель образовательного идеала»?

Методологически работа выстраивается в границах социально-философской рефлексии. Описание интерпретаций образовательных идеалов осуществляется для того, чтобы уловить связи и различия между образовательными культурами. Ключевым исследовательским намерением выступает своего рода метадеятельность, то есть изучению подвергаются не образовательные практики как таковые, а системы знаний о ценностях и целях образовательных практик. Анализ модели образования или системы образования пристраивается через технологии обучения и способы достижения усилиями государственных структур целей образования. Мы же акцентируем внимание на ценностно-смысловом содержании образования, где технические детали реализации образовательной политики наименее существенны.

Х.-Г. Гадамер в знаменитой работе 1960 года рассматривает образование в числе ведущих гуманистических понятий [4, с. 47]. Проблематизируя современный аспект этой идеи, Г. Биеста использует термин «learnification» образовательного дискурса, трактуя его как глобальный сдвиг в сторону обсуждения вопросов обучения, а не образования, при котором практически исчезают дискуссии о его целях [цит. по: 12, с. 647].

Следует сделать ремарку относительно ограниченного числа разработанных моделей образовательного идеала. В задачи работы не входит описание всего калейдоскопа моделей; в ней аккумулированы не все существующие в мире образцы, а лишь, во-первых, наиболее (по нашему мнению) рельефные и очевидные ввиду продуманности базовой идеи, во-вторых, привлекательные сформировавшимся имиджем наиболее прогрессивных и эффективных мировых практик. Такой отбор (признаем, в некоторой степени волюнтаристский) исследовательского материала оправдан целью более высокого порядка – осмыслением особенностей национального образовательного идеала на фоне выводов о базовых моделях

образовательного идеала в мировом масштабе. Работа не содержит результатов эмпирического анализа; обобщения строятся на основе индуктивных выводов относительно теоретических описаний, доступных в научной литературе и иных аналитических и информационных источниках.

Теоретические компоненты понятия «базовая модель образовательного идеала»

Слово «базовый» в словосочетании «базовая модель образовательного идеала» используется в значении «типовой, базисный» для всевозможных надстроек – вариаций понимания образовательного идеала в иных социокультурных контекстах. При этом, что важно, принципиально избегается коннотация эталонного, основного, фундаментального в интерпретации базовой модели образовательного идеала. Именно такое значение «базового» чаще всего предполагает педагогический дискурс. Например, в диссертации М. А. Поляковой вводится понятие «базовой модели школы» как ключевой связки между историческими предпосылками и нормативным оформлением школы [8, с. 9]. В нашем случае «базовый» имеет значение скорее технического термина, как, например, функционал «базовых утверждений» К. Поппера.

Образовательный идеал, раскрываемый для цели данной работы в понятиях социального конструкционизма, рассматривается как *особый социокультурный конструкт*, имеющий социальную, конвенциональную природу, принимаемый, понимаемый и разделяемый людьми в силу комплементарности его фундаментальной идеи и скрепляющих элементы конструкта ценностей образования. *Базовая модель образовательного идеала* понимается как *теоретическая схема, представляющая собой упрощенный, но эквивалентный основным атрибутам оригинала аналог такого конструкта, создаваемый в познавательных целях*. Конкретные примеры типов базовых моделей изоморфны друг другу даже при существенных различиях присущих им акциденций.

Типы базовых моделей образовательного идеала

Руководствуясь определением образовательного идеала, можно произвести *эпистемологическую типологию базовых моделей образовательного идеала* по основанию степени различимости социальными акторами его фундаментальных ценностей. Выделяются модели:

– *эксплицитные*, отличительной особенностью которых является с достаточной четкостью сформулированная и вынесенная в публичное пространство ключевая идея (идеи); при этом знаковый образ (образовательная политика) и предмет (образовательная практика) обнаруживают явное совпадение;

– *имплицитные*, характеризующиеся неявным присутствием в публичном и профессиональном дискурсах ценностного ориентира образования. Не будучи формализован в виде лозунгов, ключевых идей и намерений, тем не менее образовательный идеал может быть эксплицирован аналитическим путем, поскольку является интуитивно понятным. То есть при отсутствии явной вербализированной формулы

согласованные действия акторов образовательной политики и практики явно указывают на существование ключевого ориентира;

– *диффузные*: вариант пересечения, соперничества или исключения идеализированных конструкций, когда декларируемый публично идеал может спорить с определяющими деятельностью правилами.

Конкретных примеров моделей образовательных идеалов, предполагаем, можно выделить много. Ниже представлено несколько типов базовых моделей образовательного идеала. Их различие осуществлено на основе следующих параметров: основная идея образования, культурно-исторические нарративы и идеологемы, характеризующие и объясняющие онтологию конкретно-типического образования. По этим параметрам описанные ниже модели обнаруживают довольно существенные различия.

Способами идентификации признаков, подходящих под указанные параметры, могут быть слова (идеологические программы, предлагаемые властными структурами; лозунги, систематически цитируемые ключевыми политическими деятелями идеи; зафиксированные в стратегических и программных документах – образовательных концепциях и стандартах, стратегиях развития образования, учебных программах и др. – формулы общественного и государственного интереса, принципы и направления развития); и действия (содержание конкретных мероприятий в рамках реализации образовательной политики, конкретные направления образовательной практики).

Рассмотрены три базовые модели образовательного идеала: «лидерство», «потенциал», «устойчивость».

«*Лидерство-идеал*». Составляющие конфигурации:

– *ключевые позиции, отражающие основную идею образования*, – идеалы меритократии: ориентир на развитие экономики, вклад образованного человека в процветание общества и государства; акцент на интеллектуальном потенциале нации и национальном приоритете; академические достижения как основной канал социальной мобильности; инструментальность образования;

– *культурно-исторические нарративы*: высококонкурентная среда, сильный дух соперничества; нормы традиционной конфуцианской этики; сегментированная школьная система; дисциплина, иерархичность; централизованное управление;

– *идеологемы*: учиться сегодня – лидировать завтра; достойное образование – успешная карьера; формируем будущее нашей нации («*Moulding the future of our nation*» – слоган на сайте Министерства образования Сингапура [7]); «умные школы, умная нация» (*thinking school, learning nation* – программа школьного образования Сингапура).

Примеры: Сингапур, Китай, Южная Корея.

«*Потенциал-идеал*». Составляющие конфигурации:

– *ключевые позиции, отражающие основную идею образования*, – идеалы демократического общества: ориентир на укрепление гражданского общества, равные стартовые возможности для всех граждан, интеллектуальное и профессиональное развитие по способностям и интересам, инклюзивное образование;

– *культурно-исторические нарративы*: преимущественно монокультура; сложная демографическая ситуация; влияние христианской этики; либеральная идеология; парципаторные принципы социального взаимодействия; имплементация концепции универсальных прав человека; местная автономия в управлении;

– *идеологемы*: качество образования для всех, справедливость и равенство в образовании, доступное и качественное образование, образование через всю жизнь.

Примеры: Финляндия, Эстония.

«Устойчивость-идеал». Составляющие конфигурации:

– *ключевые позиции, отражающие основную идею образования*, – идеалы среднего класса: ориентир на благосостояние и качество жизни населения, личный и общественный комфорт; образование как средство поддержания социальной стабильности и контроля за уровнем социальной напряженности; важная задача образования в закреплении в индивидуальном и общественном сознании значимых для государства и истории страны ценностей; импорт талантов; функциональный уровень образования;

– *культурно-исторические нарративы*: сложная этническая и религиозная структура населения, неоднородная культура, многочисленные ассимилированные субкультуры; ценности свободы и вера в личный успех, проактивность и инициатива, так называемые ценности западной цивилизации; высокий уровень социального неравенства; моральный релятивизм; децентрализованное (федеративное, муниципальное) управление;

идеологемы: не для школы, а для жизни; ответственное образование; гражданское образование; устойчивое образование; мультикультурное образование.

Примеры: Канада, США.

Конкретные примеры реализации базовых моделей образовательного идеала

Система образования *Сингапура* признается экспертами системой мирового уровня благодаря стабильно высоким результатам в международных сравнительных исследованиях. По результатам PISA-2018 Сингапур показал второй результат в межстрановых измерениях естественнонаучной, читательской и математической грамотности 15-летних школьников [18]; в TIMSS-2019 у Сингапура лучшие в мире результаты в математических тестах и тестах по естествознанию для учащихся 4-х и 8-х классов [14]. Такие рекорды упрочили имидж этой страны как одной из лучших образовательных систем мира.

Исторические трансформации образовательной системы страны привели к тому, что сегодня роль образования понимается сингапурским обществом следующим образом: (1) средство восстановления экономики; (2) платформа для формирования новой идентичности и объединения нации; (3) средство социальной мобильности и личного продвижения [12, с. 655].

История быстрого успеха системы образования постколониального Сингапура хорошо описана в научной литературе и привлекает как педагогов, так и экономистов, поскольку показывает пример того, как школьное образование может способствовать реструктуризации экономики [12, с. 654]. Базовым сценарием развития

страна выбрала путь интеллектуальной модернизации, связанной с созданием рынка высококвалифицированных кадров. Таким образом, важнейшей ценностью, лежащей в основе прогресса сингапурского образования, был выбран человеческий капитал. Основными средствами реализации интегративной модели взаимоотношений между хозяйственным и образовательным секторами для подготовки конкурентоспособных профессионалов стали сильные пропагандистские кампании и экономические методы эффективности и подотчетности [1, с. 230]. Основными инструментами и средствами образования по-сингапурски являются программы поощрения результативных, одаренных учащихся, директивный национальный план образования, строгая регламентация действий для всех участников, ограниченное использование конструктивистских педагогических методов [12, с. 657-658].

Такая система мер позволила Сингапуру достичь впечатляющих результатов, однако эксперты отмечают противоречивый эффект отдельных решений. Например, И. А. Василенко обращает внимание на *дефицит гуманитарного образования*, которое сингапурским правительством финансируется по остаточному принципу, в то время как основной поток инвестиций привлекается для освоения предметов, связанных с наукоемкими технологиями [3, с. 170]. Образовательная среда пронизана духом академической строгости, а национальный учебный план направлен на преимущественное развитие у учащихся компетенций в математике, естествознании и языках, то есть на предметы, проверяемые в PISA [12, с. 656].

Справедливости ради следует признать, что правительству Сингапура, осуществляющему мониторинг эффективности школьного образования, хорошо известно об этих сложностях, подтверждением чего являются последние инициативы. В рамках усилий по сосредоточению внимания на целостном образовании в 2014 году была запущена структура компетенций XXI века (The 21st Century Competencies Framework), определяющая набор основных ценностей (уважение, ответственность, честность, забота, устойчивость и гармония) и их развивающих компетенций [7; 17, с. 442].

Другим побочным эффектом высокой результативности образовательной системы Сингапура является круг социально-психологических проблем учащихся: тревожность из-за страха неуспеваемости, невротизм из-за культуры соперничества и конкуренции за первенство, стигматизация, стресс. Эксперты рассматривают эти дефекты образовательной системы как следствие культурной проблемы и социальный шлейф системы образования с высокими результатами, подтверждением чего является тот факт, что до последнего времени в политических дискурсах не фигурировал даже термин «благополучие учащихся» (student well-being) [17, с. 439, 445–446]. Результаты PISA косвенно отражают следствие *укоренившейся в сингапурском обществе культуры соперничества*: около 52 % учащихся в тесте читательской грамотности показали результат в пределах высоких 4–6-го уровней (для сравнения аналогичный показатель белорусских школьников – чуть более 20 %), в то время как средних 2–3-го уровней достигли около 38 % сингапурских школьников (для сравнения аналогичный показатель Беларуси – около 58 %) [18, с. 16]. Разброс значений результатов между школами Сингапура составил 36 %, внутри школ – 85 % (разброс значений между белорусскими школами – 22 %, внутри школ –

59 %) [18, с. 21]. Кроме того, для сингапурской системы образования характерна продолжительная учебная неделя. Например, учащиеся, принявшие участие в тесте по читательской грамотности PISA-2018, занимались 51 час в неделю (средняя по ОЭСР – 44 часа, а показатель Финляндии – 37 часов при 7-м результате в мировом рейтинге) [18, с. 24]. Признавая эту проблему, Министерство образования Сингапура в последние годы приняло ряд мер, включая шаги по уменьшению акцента на критериях успеваемости в оценке успешности ученика (например, прекратило практику публикации школьных рейтингов и имен, набравших наибольшее количество баллов на экзаменах национального уровня) [17, с. 443], а также разработку специальной программы социально-эмоционального обучения (Social and Emotional Learning framework, 2005) [17, с. 440].

Эстония по всеобщему признанию входит в число лучших стран мира с точки зрения обеспечения равенства в доступе к качественному образованию. Высокие результаты в международных сравнительных исследованиях не достигаются за счет сверхусилий учеников: 50 % учащихся в тесте читательской грамотности показали результат в пределах уровней 2 и 3, около 40 % – вышли за значения уровней 4–6 [18, с. 16], то есть результаты являются скорее следствием хорошей подготовки большинства, чем выдающихся результатов наиболее успешных учащихся. При этом по результатам PISA-2018 Эстония показала 4-й результат в межстрановых измерениях естественнонаучной грамотности, 5-й результат – в тестах читательской грамотности и 8-й – в математической [18]. Однако, в отличие от выше приведенной практики Сингапура, в Эстонии учащиеся показывают хорошие результаты в чтении в комбинации с существенно меньшими, чем средняя по ОЭСР (44 часа в неделю), временными затратами на подготовку [18, с. 24], а также при финансировании образования ниже средней по ОЭСР (89 092 \$) [18, с. 23]. Отсутствует (во всяком случае, в развитой форме) культура соперничества и стремления к высоким должностям и позициям. Так, в Эстонии 27 % взрослых в возрасте от 25 до 64 лет не имеют специального или профессионального образования [9, с. 9].

Согласно недавно принятой Стратегии-2035, ориентиры страны – это ее жители: умные, активные, заботящиеся о здоровье люди, а также эстонское общество – неравнодушное, ориентированное на сотрудничество, открытое [9, с. 16, 17]. Идеал личности эстонца в цитируемом стратегическом документе описан так: любознателен, креативен и инициативен, хочет учиться, социально активен и ответственный, на протяжении всей жизни вносит свой вклад в свое развитие, как и в развитие своей семьи, сообщества и всего государства. Общественный идеал описывается как всеобщее благосостояние, возможность для самореализации на протяжении всей жизни, что обеспечивается необходимой для этого сетью поддержки, опорой на общие ценности и чувство принадлежности [9, с. 17-18].

Эстонские школы обладают довольно широкими полномочиями: при наличии единой рамочной программы для школы и гимназии учреждения образования разрабатывают свои программы (на основе national curriculum) с учетом потребностей местного населения и располагаемых ресурсов, используют гибкие учебные планы, вариативные программы, что позволяет обеспечить комфортную образовательную среду [20, с. 152]. В то же время принятая правительством Эстонии в ноябре 2021

года образовательная стратегия на 2021–2035 годы в число целевых индикаторов включает высокие результаты в международных сравнительных исследованиях, то есть этот ориентир прописывается на национальном уровне [13, с. 2]. Хотя генеральной целью национальной образовательной стратегии называется обучение населения Эстонии компетенциям, которые *готовят людей к реализации своего потенциала в личной, профессиональной и общественной жизни* и способствуют повышению качества жизни в Эстонии, а также глобальному устойчивому развитию. В целом, стремление к плотной интернационализации и включению в мировое образовательное пространство ставит вопрос о сохранении самобытной культуры и языка. Некоторые исследователи отмечают *englishization* как распространяющуюся с угрожающей скоростью тенденцию, характерную для всех уровней современного эстонского образования, сопряженную с *рисками для национальной идентичности* [19].

Образование в Эстонии построено на популярной в мировой научной литературе методологии измерения по результатам (*evidence-centered design* (ECD) – оценка, основанная на доказательных аргументах), которая в национальной образовательной стратегии причисляется к сильным сторонам национальной образовательной системы [13, с. 7]. Если идеал сингапурского образования – это достижение внешних целей (социальных, экономических, политических), то эстонское образование в большей мере человекоцентрировано. Школа рассматривает учащегося как уникальность со своими интересами и идеалами, а образование направлено на раскрытие каждым учащимся собственного потенциала, без понуждения к образцовым результатам. Эксперты отмечают близость такого подхода немецкому идеалу *Bildung* в значении развития интеллектуальных и нравственных сил личности [12, с. 656].

Система образования *Канады* уникальна, прежде всего, опытом управления при практически полной децентрализации. При том, что образование находится под юрисдикцией провинций (в Канаде действует 13, по числу провинций и территорий, департаментов образования), страна показывает достойные результаты в международных исследованиях: 6-й результат по чтению в PISA-2018, 12-й по математике и 8-й по естественным наукам [18, с. 6-8]. Высокая результативность системы при ее крайней разнородности достойна внимания. К. Морган полагает, что именно такая сложная морфология позволяет добиваться высоких результатов, так как инициативы и предложения могут быть апробированы в границах одной провинции, после чего лучшие образцы предлагаются иным регионам либо масштабируются на всю страну [16, с. 125]. По такому же *принципу полной свободы при высоком уровне ответственности местного сообщества* действуют канадские школьные советы, которые обладают исключительными властными полномочиями (например, могут нанимать школьный персонал) и играют роль лидеров образовательных изменений и исполнителей инноваций. Однако, по мнению П. Эмберли, для канадского образования характерна все большая *политизация школы* и отсутствие баланса между признанием свободы и самоконтролем, автономией и целостностью [цит. по: 5, с. 142].

Говоря о результативности школьной системы Канады, следует упомянуть, что национальная система оценок изначально ориентирована на показатели международных измерительных процедур. Во всех провинциях и территориях академическая успеваемость учащихся оценивается с помощью: 1) собственной системы экзаменов; 2) национальных экзаменов (Панканадская программа оценки проводится по математике, естествознанию и чтению среди 13-летних школьников, то есть за 2 года до их участия в тестах PISA); 3) международных оценок (PISA, TIMSS, PIRLS) [16, с. 125, 135-136, 141, 146].

В целом в Канаде относительно высокий уровень качества образования, однако сложная этническая структура населения и система управления образованием обуславливают некоторые сложности. Самой актуальной проблемой является *социальное неравенство в образовании*. Среди вопросов образования, требующих немедленных решений, следует упомянуть отсутствие всеобщего доступа к качественному дошкольному образованию; неравные права на образование для коренных народов Америки (например, показатели окончания средней школы у этой категории учащихся существенно ниже); организация обучения детей из семей мигрантов (рост их гражданской включенности в единый социум на фоне учета расовых, лингвистических, половых и этнических различий между мигрантами) [5, с. 250]; высокий уровень расслоения общества по уровню доходов (семьи с высоким уровнем дохода зарабатывают в 8,4-9,1 раза больше, чем 20 % из нижних слоев населения) [16, с. 126, 129].

Для Канады, страны с высоким уровнем экономической конкурентоспособности, все еще актуальна *проблема охвата населения полным средним школьным образованием*. Выпуск 2007/2008 учебного года в разных провинциях колебался от 31 до 83 % [данные приведены по: 16, с. 39]. В ответ на эти вызовы в 2000-е годы администрация Онтарио претворила в жизнь программу под названием «Успех студентов / Учимся до 18» ('Student Success / Learning to 18'), которая предлагала учащимся старших классов индивидуальный учебный план, отвечающий их индивидуальным потребностям. Любопытны инициативы по вовлеченности школьников в жизнь сообщества. Например, в Онтарио для учащихся были введены обязательные 40 часов общественной волонтерской деятельности [данные приведены по: 16, с. 144].

Заключение

Образовательный идеал в попытке выстраивания его базовых моделей представляет собой национально-культурный проект, потому что в каждом из рассмотренных типов идеала – «лидерство», «потенциал», «устойчивость» – отчетливо распознаются культурно-исторические предпосылки и скрепляющие ядро модели идеи, ценности и общественные убеждения.

Опыт осмысления образовательных идеалов различных культур позволяет сделать некоторые важные для белорусской (возможно, не только) образовательной практики выводы:

1) Институциональные среды прочны, будучи основаны на традициях и культуре; культурно-ценностные основания образования и нравственные устои

общества являются ключом к его развитию, однако и мировой социальный контекст важен (к примеру, в Национальном институте образования Сингапура проводятся исследования по обобщению и анализу лучших педагогических практик по всему миру) [1, с. 241].

2) Честное и открытое обсуждение приоритетов, как и верное им следование при понятных критериях успешности и достижимости приоритетов, имеют весьма существенное значение. Основные цели эстонской Стратегии-2035 согласовывались в ходе двухлетних обсуждений по всей Эстонии и на основе опросов общественного мнения, в сотворчестве поучаствовало почти 17 тысяч человек [9, с. 16-17].

3) Стратегические приоритеты в опыте всех стран-лидеров образования выстраиваются в логике ценностного содержания, то есть осознание образовательных идеалов страны предшествует формулированию лозунгов и слоганов.

4) Немаловажная задача – разработка маркетингового плана повышения привлекательности национальной системы школьного образования, прежде всего, для населения страны; ориентиры должны стать близкими, понятными, разделяемыми.

Список использованных источников

1. Алишев, Т. Б. Опыт Сингапура: создание образовательной системы мирового уровня / Т. Б. Алишев, А. Х. Гильмутдинов // Вопросы образования. – 2010. – № 4. – С. 227–246.
2. Беликова, О. С. Оценка качества школьного образования в России и Канаде / О. С. Беликова // Наука и школа. – № 4. – 2017. – С. 90–97.
3. Василенко, И. А. «Сингапурское чудо» в фокусе политического анализа: искушение и разочарование в азиатской хай-тек-утопии / И. А. Василенко // Власть. – 2018. – С. 169–175.
4. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова / Х.-Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
5. Мордвинцева, Л. П. Emberly, P.C. The restoration and renewal of core curricula / P. C. Emberly // Providence. – 1996. – Vol. 3, № 3. – P. 250–270 / Л. П. Мордвинцева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3, Философия: Реферативный журнал. – № 4. – 1997. – С. 142–145.
6. Огурцов, А. П. Философия образования / А. П. Огурцов, В. В. Платонов // Новая философская энциклопедия: в 4 т. [Электронный ресурс] / Ин-т философии РАН; Нац. общественно-научн. фонд; председатель научно-ред. совета В. С. Степин. – М.: Мысль, 2000–2001. – Режим доступа: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH019bdbf7058c3a7e87a2579b> (дата обращения: 22.07.2022).
7. Официальный сайт Министерства образования Сингапура [Электронный ресурс]. – Режим доступа: moe.gov.sg (дата обращения: 22.07.2022).
8. Полякова, М. А. Становление базовых моделей западноевропейской школы в XV–XVI веках: дис. ... д-ра пед. наук: 5.8.1 / М. А. Полякова; гос. бюджетное образоват. учрежд. высшего образования Москов. обл. «Академия соц. управления». – М., 2021. – 380 с.

9. Стратегия «Эстония 2035» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.valitsus.ee/ru/strategiya-estoniya-2035/strategiya/strategicheskikh-celey> (дата обращения: 22.07.2022).
10. 21st Century Competencies [Electronic resource] // Ministry of Education (Singapore). – Mode of access: <https://www.moe.gov.sg/education-in-sg/21st-century-competencies> (access date: 22.07.2022).
11. Biesta, G. Introduction: What's the Use of Philosophy of Education? / In G. Biesta (Ed.). *Philosophy of Education*. – Urbana, Illinois: Philosophy of Education Society, 2010. – Pp. xi–xiii.
12. Deng, Z. Reciprocal learning, PISA and pedagogy: Learnings from and for Singapore / Z. Deng // *Teachers and Teaching: Theory and Practice*. – 2019. – № 25 (6). – Pp. 647–663.
13. Education Strategy 2021–2035 (Estonia) [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.hm.ee/sites/default/files/haridusvaldkonna_arengukava_2035_kinnitaud_vv_eng_0.pdf (access date: 22.07.2022).
14. Highlights TIMSS 2019. International Results in Mathematics and Science [Electronic resource] / Ina V.S. Mullis, Michael O. Martin, Pierre Foy, Dana L. Kelly, Bethany Fishbein. – TIMSS & PIRLS. Lynch School of Education. – Mode of access: <https://timss2019.org/reports/wp-content/themes/timssandpirls/download-center/TIMSS-2019-Highlights.pdf> (access date: 22.07.2022).
15. Lingard, B. The Changing Organizational and Global Significance of the OECD's Educational Work. *The Handbook of Global Education Policy* / B. Lingard, S. Sellar / Ed. by K. Mundy, A. Green, B. Lingard, and A. Verger. – Chichester, West Sussex, England: John Wiley & Sons, 2016. – P. 357–373.
16. Morgan, C. Education in Canada: in Pursuit of Educational Quality and Equity / C. Morgan // *Revista Española de Educación Comparada*. – 2011. – № 18. – Pp. 125–155.
17. Ng, P. T. The Paradoxes of Student Well-being in Singapore / P. T. Ng // *ECNU Review of Education*. – 2020. – № 3(3). – P. 437–451.
18. Schleicher, A. PISA 2018. Insights and interpretations [Electronic resource] / A. Schleicher. – Mode of access: <https://www.oecd.org/pisa/PISA%202018%20Insights%20and%20Interpretations%20FINAL%20PDF.pdf> (access date: 22.07.2022).
19. Soler, J. The Englishization of higher education in Estonia and Latvia / J. Soler, K. Rozentalde / In book: *The Englishization of Higher Education in Europe, 2021*. – № 12. – P. 57–76.
20. Teichmann, M. Education System in Estonia / M. Teichmann, U. Läänemets, T. Ruutmann, R. Neudorf / In book: *European Education (and Training) Systems*. – Turun: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2014. – P. 151–175.

References

1. Alishev, T. B. Opyt Singapura: sozдание obrazovatel'noi sistemy mirovogo urovnya / T. B. Alishev, A. Kh. Gil'mutdinov // *Voprosy obrazovaniya*. – 2010. – № 4. – S. 227–246.

2. Belikova, O. S. Otsenka kachestva shkol'nogo obrazovaniya v Rossii i Kanade / O. S. Belikova // Nauka i shkola. – № 4. – 2017. – S. 90–97.
3. Vasilenko, I. A. «Singapurskoe chudo» v fokuse politicheskogo analiza: iskushenie i razocharovanie v aziatskoi khai-tek-utopii / I. A. Vasilenko // Vlast'. – 2018. – S. 169–175.
4. Gadamer, Kh.-G. Istina i metod: Osnovy filos. germenevtiki: per. s nem. / Obshch. red. i vstup. st. B. N. Bessonova / Kh.-G. Gadamer. – M.: Progress, 1988. – 704 s.
5. Mordvintseva, L. P. Emberly, P.C. The restoration and renewal of core curricula / P. C. Emberly // Providence. – 1996. – Vol. 3, № 3. – P. 250–270 / L. P. Mordvintseva // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 3, Filosofiya: Referativnyi zhurnal. – № 4. – 1997. – S. 142–145.
6. Ogurtsov, A. P. Filosofiya obrazovaniya / A. P. Ogurtsov, V. V. Platonov // Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t. [Elektronnyi resurs] / In-t filosofii RAN; Nats. obshchestvenno-nauchn. fond; predsedatel' nauchno-red. soveta V. S. Stepin. – M.: Mysl', 2000–2001. – Rezhim dostupa: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH019bdbf7058c3a7e87a2579b> (data obrasheniya: 22.07.2022).
7. Ofitsial'nyi sait Ministerstva obrazovaniya Singapura [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: moe.gov.sg (data obrasheniya: 22.07.2022).
8. Polyakova, M. A. Stanovlenie bazovykh modelei zapadnoevropeiskoi shkoly v XV–XVI vekakh: dis. ... d-ra ped. nauk: 5.8.1 / M. A. Polyakova; gos. byudzhethnoe obrazovat. uchrezhd. vysshego obrazovaniya Moskov. obl. «Akademiya sots. upravleniya». – M., 2021. – 380 s.
9. Strategiya «Estoniya 2035» [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.valitsus.ee/ru/strategiya-estoniya-2035/strategiya/strategicheskikh-celey> (data obrashcheniya: 22.07.2022).
10. 21st Century Competencies [Electronic resource] // Ministry of Education (Singapore). – Mode of access: <https://www.moe.gov.sg/education-in-sg/21st-century-competencies> (access date: 22.07.2022).
11. Biesta, G. Introduction: What's the Use of Philosophy of Education? / In G. Biesta (Ed.). Philosophy of Education. – Urbana, Illinois: Philosophy of Education Society, 2010. – Pp. xi–xiii.
12. Deng, Z. Reciprocal learning, PISA and pedagogy: Learnings from and for Singapore / Z. Deng // Teachers and Teaching: Theory and Practice. – 2019. – № 25 (6). – P. 647–663.
13. Education Strategy 2021–2035 (Estonia) [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.hm.ee/sites/default/files/haridusvaldkonna_arengukava_2035_kinnitaud_vv_eng_0.pdf (access date: 22.07.2022).
14. Highlights TIMSS 2019. International Results in Mathematics and Science [Electronic resource] / Ina V.S. Mullis, Michael O. Martin, Pierre Foy, Dana L. Kelly, Bethany Fishbein. – TIMSS & PIRLS. Lynch School of Education. – Mode of access: <https://timss2019.org/reports/wp-content/themes/timssandpirls/download-center/TIMSS-2019-Highlights.pdf> (access date: 22.07.2022).
15. Lingard, B. The Changing Organizational and Global Significance of the OECD's Educational Work. The Handbook of Global Education Policy / B. Lingard, S. Sellar /

Ed. by K. Mundy, A. Green, B. Lingard, and A. Verger. – Chichester, West Sussex, England: John Wiley & Sons, 2016. – P. 357–373.

16. Morgan, C. Education in Canada: in Pursuit of Educational Quality and Equity / C. Morgan // *Revista Española de Educación Comparada*. – 2011. – № 18. – P. 125–155.

17. Ng, P. T. The Paradoxes of Student Well-being in Singapore / P. T. Ng // *ECNU Review of Education*. – 2020. – № 3 (3). – P. 437–451.

18. Schleicher, A. PISA 2018. Insights and interpretations [Electronic resource] / A. Schleicher. – Mode of access: <https://www.oecd.org/pisa/PISA%202018%20Insights%20and%20Interpretations%20FINAL%20PDF.pdf> (access date: 22.07.2022).

19. Soler, J. The Englishization of higher education in Estonia and Latvia / J. Soler, K. Rozentalde / In book: *The Englishization of Higher Education in Europe*, 2021. – № 12. – P. 57–76.

20. Teichmann, M. Education System in Estonia / M. Teichmann, U. Läänemets, T. Ruutmann, R. Neudorf / In book: *European Education (and Training) Systems*. – Torun: Wydawnictwo Adam Marszalek, 2014. – P. 151–175.

UDC 101.1; 378.14

Viktor Pirozhenko,
PhD;
Multicultural Research Center,
Huzhou University
(China)
Email: akctt.74@yandex.ru

PHILOSOPHY AS A SCIENCE AND AN ACADEMIC SUBJECT: FEATURES OF INTERACTION AND THE PROBLEM OF UPDATING THE UNIVERSITY COURSE

The article examines the problem of compliance of the content of the philosophy course at the university with the standards of scientific knowledge. The author substantiates the statement that such correspondence is the main basis for the selection of material from philosophical concepts and teachings in the philosophy course for universities. It is concluded that only the analytical direction in philosophy can objectively claim compliance with the logical and methodological standards of scientific knowledge and is a scientific philosophy. Teaching scientific philosophy at a university should help students to master special scientific disciplines more fully and, ultimately, develop creative thinking and strengthen rational principles in the worldview.

Keywords: philosophy; scientific philosophy; philosophy as an academic subject; logical and methodological standards; rationality.

维克多·彼洛仁科

哲学作为一门科学和学术学科：互动的特点和更新大学课程问题

本文就大学哲学课程内容与科学知识标准的符合性问题进行了探讨。作者证实了这种对应关系是大学哲学课程从哲学概念和哲学教学中选择材料的主要依据；推断出只有哲学的分析方向才能客观上符合科学知识的逻辑和方法标准，才是科学哲学。大学的科学哲学教学应该帮助学生更全面地掌握特定的科学学科，最终培养创造性思维，强化世界观中的理性原则。

关键词：哲学；科学哲学；哲学作为一门学术学科；逻辑和方法标准；理性。

Виктор Пироженко

ФИЛОСОФИЯ КАК НАУКА И УЧЕБНЫЙ ПРЕДМЕТ: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ПРОБЛЕМА ОБНОВЛЕНИЯ ВУЗОВСКОГО КУРСА

В статье исследуется проблема соответствия содержания университетского курса философии стандартам научного знания. Обосновывается утверждение, что такое соответствие является главным основанием отбора материала из философских концепций и учений в курс вузовской философии. Делается вывод, что только аналитическое направление в философии может объективно претендовать на соответствие логико-методологическим стандартам научного знания и

является научной философией. Преподавание научной философии в университете должно помогать студентам полнее овладевать специальными научными дисциплинами и в конечном счете развивать творческое мышление и укреплять рациональные начала в мировоззрении.

Ключевые слова: философия; научная философия; философия как учебный предмет; логико-методологические стандарты; рациональность.

Новые процессы в мировой экономике и политике, которые формируют многополярный мир, сопровождаются кризисом рациональных оснований мировой культуры. Пандемия коронавируса наглядно показала характерные проявления этого кризиса: значительные массы людей в мире решительно отрицали сам факт ее существования, невзирая на научно обоснованные аргументы ученых-экспертов. Большое влияние на людей в разных критических ситуациях стали оказывать конспирологические объяснения происходящих событий. Они поощряли иррациональное поведение с ущербом для собственного здоровья и окружающих, создавали угрозу безопасности целых государств. Эти и иные похожие обстоятельства показывают необходимость решительного укрепления рациональных начал в мировой культуре и противодействия нападкам на науку.

Россия относительно благополучно проходит общий кризисный этап мировых изменений, однако для поддержания рациональных начал в обществе также нуждается в повышении престижа науки и научного труда. Свою часть работы в этом направлении должна выполнить философия как вид интеллектуальной деятельности и как учебный предмет в высших учебных заведениях. Анализ учебных программ разных философских дисциплин в вузах показывает в целом зрелый уровень преподавания философии и разнообразие философских направлений. Однако очевидно, что некоторые темы в содержании вузовских курсов философии не отвечают формированию творческого мышления студентов и не способствуют подготовке рационально и критически мыслящих специалистов.

Современная философия в целом и как учебный предмет в частности потеряла сильную сторону советского курса философии. Курс философии в вузах СССР, несмотря на определенную метафизичность, спекулятивно-абстрактный характер и большую заидеологизированность, все же строился как научная теория с соблюдением определенных логических характеристик последней. Более того, такая философия непосредственно связывалась с наукой как ее философское обоснование.

Современная философия приобрела такие ценные качества, как мировоззренческое и методологическое многообразие, усиление внимания к вопросам человеческого существования и более полный охват философских теорий и направлений. Однако далеко не все направления философии, возникающие в мире, представляют собой ценность для культурного развития человечества и заслуживают изучения в высших учебных заведениях. Методологическое и мировоззренческое многообразие философских течений само по себе также не является безусловной ценностью и, тем более, не является основанием их изучения в вузе. Попытка определять ценность и значимость философии на основании наличия или отсутствия названных качеств дискредитирует (как будет показано далее) философию как учебный предмет.

Вузовский предмет «Философия» имеет в целом противоречивое и непонятное положение. Философские теории и проблемы рассматриваются в форме одного большого экскурса в историю философии, который начинается с античности и заканчивается современностью. Эта традиционная подача учебного материала отражает сохранение и в наше время традиционного понимания философии как особой формы интеллектуальной деятельности и явления культуры. В этом плане преподавание философии радикально не изменилось. Считается, что все основные философские проблемы и понятия были так или иначе заложены в начале оформления философии как отдельного интеллектуального и культурного явления, а далее – лишь преемственно развивались, видоизменяясь и предлагая новые решения с учетом новых тенденций в общественно-политической жизни, в науке и культуре.

Этот подход создает следующую проблему в преподавании философии: при изложении всех концепций и учений, существовавших в ходе развития философии, отсутствует единая теоретическая или хотя бы мировоззренческая база, которая могла бы служить основой для единой оценки различных философских направлений. В итоге нет четкого логико-методологического критерия отбора материала в курс философии, как это происходит в конкретных науках, дающих конкретное знание. В его отсутствие основанием отбора материала служит исторический подход, когда в хронологическом порядке излагается появление всех более-менее заметных философских проблем и их решений с древности до настоящего времени [1]. Исторический подход в изложении философского материала преобладает над проблемным даже при знакомстве с современной философией.

В целом для философии это естественно. Как правильно отмечал еще в 1997 году завкафедрой философского факультета МГУ А. Ф. Зотов, философия дает «не только знание о мире, но и основание для самоопределения человека. Понять это позволяет только история – история общества, культуры и философии; по той же причине даже современная философия в учебном курсе оказывается органической частью истории философии: оторвав современные философские идеи и концепции от их социально-культурного, т. е. конкретно-исторического контекста, не понять ни их смысла, ни их социальной функции» [2, с. 13].

Но эта особенность философии тем более ставит вопрос о целесообразности ее преподавания в вузе именно в качестве нормативной дисциплины наравне с иными науками, которые в отличие от философии дают конкретное знание. Не в последнюю очередь из-за этой своей особенности философия как учебный предмет зачастую представляет собой эклектическую смесь разных фрагментов популярных отечественных и зарубежных учений, упорядоченных во времени [3]. При этом немало философских направлений, изучаемых в вузе, оперируют нечеткими и метафорическими понятиями, образами, опираются на интуицию и взывают не к разуму, а к психоэмоциональному (ментальному) состоянию человека и зачастую проповедуют иррационализм. Несмотря на это, они изучаются лишь на основании самого факта своего широкого распространения в мире. Например, такие философские течения, как феноменология, гегельянство или экзистенциализм, ставятся в один ряд с логически строгими теориями и концепциями аналитической философии – позитивизмом, неопозитивизмом, критическим рационализмом. Решения философских

проблем, которые предлагаются разными направлениями аналитической философии, изучаются в одном ряду с так называемыми «постмодернистскими» течениями, объединяясь в разделах «Новейшие тенденции и направления зарубежной философии» или «Современная философия».

В итоге аналитическая философия, которая в изучении философских проблем опирается на данные науки и сама тяготеет к строгому научному подходу, соседствует с иррациональными направлениями философской антропологии (психоанализ, экзистенциализм) и прочими спекулятивными умозрительными подходами как с равноценной альтернативой [4].

Проблема преподавания философии в вузе связана с решением двух сравнительно самостоятельных, но в целом взаимообусловленных задач: самоопределением философии по отношению к науке и отбором материала для вузовского курса философии. Решение первой задачи предопределяет решение второй и наоборот. Это дает понимание того, каким образом обновленное преподавание философии будет способствовать повышению в обществе престижа науки.

Представляется, что при определении содержания курса философии было бы неправильно исходить из ответа на вопрос: «*Что такое философия вообще?*». Правильнее, на наш взгляд, поставить другой вопрос: «*Остается ли у студентов необходимость еще в каком-нибудь знании после изучения профильных или смежных с ними учебных дисциплин, которые дают научное (позитивное) знание?*». Вопрос вполне оправданный, поскольку философия не формирует практического умения оперировать формальными системами (как формальная логика и математика) и не исследует мир реального человеческого опыта (как это делают инженерно-технические науки, науки о природе или об обществе). Поэтому ее положение среди остальных учебных дисциплин непонятно.

Но, с другой стороны, учебные дисциплины, образованные на основе конкретных наук, не объясняют, что такое теория, по каким логическим схемам она создается, как она соотносится с объективной реальностью, каковы способы проверки степени ее истинности, что такое гипотетическая теория и подтвержденная теория. Они, конечно, дают знание неких фактов и их объяснение, но не объясняют, что такое научный факт как таковой и чем он отличается от объекта наблюдения, не описывают соотношение теорий и фактов, не выясняют вопрос о том, могут ли существовать факты сами по себе или только в связи с какой-либо теорией. Конкретные учебные дисциплины дают исчерпывающее знание по основам конкретных наук, но не дают систематического представления о том, что же такое знание само по себе и каковы пути и способы его получения. Учебные дисциплины, образованные на основе конкретных наук, не формируют на систематической основе теоретико-методологическую грамотность.

Перечисленные выше вопросы требуют соответствующего освещения в рамках специальной учебной дисциплины, ибо они дополняют и завершают в логическом плане программу по остальным наукам, дающим конкретное знание. Понимание этих проблем и овладение вариантами их решения необходимо для формирования самостоятельного критического мышления, в том числе и для противостояния

иррациональным идеям и конспирологическим теориям, которые наносят вред не только целым обществам, но и тем, кто в них верит.

Каким же, на наш взгляд, должно быть место философии в системе учебных дисциплин?

Философия (и главным образом один из ее разделов – теория научного познания, логика и методология науки) должна стать тем специальным учебным предметом, который, во-первых, дополнит знания студентов из конкретных наук еще и общеметодологическими представлениями о путях и способах получения научного знания и, во-вторых, организует знания в целостную метатеоретическую систему на основе четко определенных логико-методологических параметров. В последнем случае речь идет о том, чтобы знакомить студентов с теориями конкретных наук большой степени обобщения, то есть с метатеориями, которые можно назвать «философским введением в науку» или «философским обоснованием науки» (математики, истории и пр.) в зависимости от специализации студентов [2, с. 29-35]. Иными словами, «Философия» как учебная вузовская дисциплина должна быть преимущественно философией науки и давать основы философии познания, опираясь на данные конкретных наук.

В учебном пособии А. А. Безруковой и Ю. Н. Триля для аспирантов правильно говорится, что «программа дисциплины “История и философия науки” должна быть ориентирована на философско-методологическое обеспечение научно-профессиональной деятельности аспирантов и творческое осмысление ими соответствующей философской проблематики, имеющей непосредственное отношение к вопросам логики, методологии и истории науки» [5]. То, что верно для аспирантов, тем более верно и для студентов, которые как раз изучают основы конкретных наук. Особое внимание здесь должно уделяться взаимодействию философии и науки, сохранению важнейшей мировоззренческой и методологической роли философии по формированию самостоятельного, рационального и критического мышления. В этой связи представляют интерес несколько взаимосвязанных вопросов, ответы на которые с точки зрения философии не являются очевидными (в отличие от конкретных наук). Почему некоторые знания определяются как обязательные для преподавания в вузах и приобретают форму соответствующих учебных предметов со своими программами? Почему преподавание в вузах учебных предметов и соответственно их изучение имеет нормативный, то есть общеобязательный характер?

Очевидно, есть четкие логико-методологические критерии отбора материала в программы по конкретным учебным дисциплинам, которые дают студенту определенное знание. Во-первых, если некое мнение претендует на статус знания, то есть на истинность, которую можно проверить доступными и понятными процедурами, то оно должно иметь общезначимый (интерсубъективный) характер или хотя бы претендовать на общезначимость. Именно это обстоятельство дает право научному сообществу навязывать некое мнение в качестве знания, в качестве нормативного, то есть общеобязательного для изучения.

Подчеркнем, что общезначимый характер знанию придает его, пусть относительная, истинность или претензия на истинность. Такая претензия должна быть логически обоснована по определенным методологическим процедурам. Это

означает, что теория (гипотеза, высказывание) должна описывать мир нашего опыта, то есть некоторый универсум, в котором существует класс явлений или предметов, составляющих значение данной теории (высказывания). При этом важно, чтобы теория описывала такое положение дел в мире, которым эту теорию можно проверить. То есть должны существовать хотя бы гипотетические способы проверки ее истинности или ложности. Эти способы вырабатываются конкретными науками и зависят от конкретного исследовательского опыта. Если таких способов нет, это означает, что теория не может претендовать на общезначимый характер и на то, чтобы быть знанием. Поэтому не могут определяться как нормативные и обязательные для изучения в вузе те учебные предметы, которые оперируют системой подобных принципиально не проверяемых теорий.

В естественных, инженерно-технических и обществоведческих науках все эти логико-методологические требования в целом, так или иначе, выполняются. Если же попытаться применить их к философии, то за пределами вузовских программ останется значительный пласт философских учений и направлений. Что это значит?

Для дальнейшего анализа является важным различие философии, с одной стороны, как явления культуры и, с другой, – как учебного предмета. Выше было выяснено, что единственным обоснованием и оправданием чего-либо, претендующего на статус нормативного знания, является его общезначимый характер. Поэтому вывод о том, что подобный отбор материала в курс философии объединит интеллектуальное и духовное развитие студентов, неправилен. Суть в том, что материал, который при таком отборе останется вне учебной дисциплины «Философия», не добавляет знаний и интеллектуальных умений студентам потому, что не соответствует описанному выше логико-методологическому критерию и, следовательно, не объединит их интеллектуальное и духовное развитие. Такие философские учения в некоторых случаях могут иметь ценность как интересное явление культуры, но это еще не является достаточным основанием для их преподавания в вузе как нормативной дисциплины.

Упомянутому критерию общезначимости соответствует только такая система философских рассуждений, которая оперирует однозначными понятиями, имеет свою фактическую базу для изучения и в качестве метода описания применяет законы логики. Данные свойства превращают выводы такой системы в общезначимые, то есть в intersubjectively проверяемые на предмет истинности или ложности. Чтобы соответствовать им, философия должна иметь в качестве объекта своего изучения анализ путей и способов получения знания, а также средств его выражения в целом или в конкретных науках или заниматься созданием метатеории на основе обобщения теорий среднего уровня конкретных наук. Такая система рассуждений может быть названа научной философией и именно ее было бы уместно преподавать в вузе как нормативную дисциплину.

Поскольку ниже пойдет речь о философии как о научном знании, целесообразно было бы подробнее остановиться на классификации различных типов (способов) философствования. Это поможет объяснить суть дискуссий ученых и философов о положении философии в культуре в целом, относительно науки и как учебного

вузовского предмета, обосновать необходимость обновления этой учебной дисциплины.

Когда философы различных направлений дискутируют между собой о степени приближенности или удаленности философии относительно науки или о том, можно ли философию считать самостоятельным явлением культуры, они, в зависимости от собственного понимания сути философии, имеют в виду совершенно разные интеллектуальные явления. По избранному логико-методологическому критерию общезначимости, с помощью которого мы определяли содержание учебного предмета «Философия», можно с известной долей условности классифицировать разнообразие философских направлений по трем типам в порядке приближения их к стандартам научного знания:

1. Философия как особый жанр литературного творчества – «литературная», «публицистическая» философия. Ее характерной чертой является насыщенность рассуждений литературными приемами: оперирование нечеткими, метафорическими понятиями; некоторая поэтизация изложения материала; применение переносных смыслов и эпитетов; отсутствие в рассуждениях четкой логической структуры; гиперболизация ситуаций или явлений; обращение к ментальным или эмоциональным состояниям человека. Обобщения при этом делаются на неполном и ненаучном материале – скорее, на материале собственного и непосредственного жизненного опыта. Такой жанр литературного творчества можно определить как «*философско-публицистические эссе*». Примерами могут быть произведения Ф. Ницше, Э. Фромма, французских экзистенциалистов, а также многих русских мыслителей конца XIX – начала XX веков. Этот тип философии может существовать самостоятельно, то есть как совокупность отдельных размышлений, специально применяемых для постановки разных проблем (употребление термина «исследование» здесь нецелесообразно) и формирования эмоционального отношения человека к определенным явлениям, а может встречаться в литературных произведениях. Художественный, литературный текст – естественная и наиболее подходящая форма выражения для такого рода рассуждений; в качестве примера можно назвать размышления Л. Толстого о ходе и движущих силах исторического процесса в его романе «Война и мир», работы Ж.-П. Сартра, А. Камю и др. Особенностью данного типа философствования является преобладание ценностных, мировоззренческих суждений. Такие высказывания вряд ли можно безоговорочно считать философией. Это скорее литературное, писательское творчество, в той или иной степени претендующее на философско-метафизическую проблематизацию определенных явлений человеческой жизни или общества. К этому первому типу можно отнести многие так называемые «постмодернистские» течения философии, экзистенциализм (особенно в его французском варианте), значительную часть философской антропологии.

Первый тип философствования может встречаться в чистом виде, а может быть разбавлен вторым (о нем пойдет речь ниже), который можно назвать философской метафизикой.

2. Философия как метафизика, то есть теоретическая философия, которая изучает на очень абстрактном уровне первые принципы существования бытия вообще

и наиболее общие условия познания окружающего мира. Предмет исследования данной философии настолько общий, что он не может изучаться ни одной из частных наук. Это обстоятельство порождает сугубо умозрительный подход к рассмотрению окружающего мира и человека как главную особенность метафизики.

С одной стороны, метафизика не имеет собственного опытного материала и, следовательно, не является наукой (как, например, физика или социология). С другой, метафизика не в состоянии выводить свои наиболее значимые положения дедуктивно, поскольку не имеет более общих положений, чем ее собственные, которые могли бы выполнять роль аксиом. По этой причине она не является дедуктивной теоретической системой, как математика или формальная логика [6].

Что принципиально отделяет метафизику от первого типа философствования и, вместе с тем, приближает ее к науке, так это попытка строить философские рассуждения с использованием однозначно определенных понятий и с соблюдением основных законов и правил логики и, прежде всего, требования непротиворечивости, а также стремление подкреплять собственные умозрительные теории данными конкретных наук или частным опытом. Поэтому метафизические учения представляют собой логически последовательную и четко организованную систему теоретических понятий, напоминающую научные теории. Благодаря этому качеству такая философия была длительное время благодатной средой, в которой вызревали, формировали свои специфические методы и собственный понятийный аппарат будущие науки, заимствуя у спекулятивных и умозрительных рассуждений метафизики свои понятия и термины.

Приведенные выше свойства предопределяют специфику метафизического знания, когда оно не может быть безоговорочно отнесено к научному, но в то же время резко отличается от религиозных систем и от первого типа философствования. Можно сказать, что метафизика – это рационалистическая интеллектуальная деятельность в широком смысле слова.

Первый и особенно второй типы философии могут быть поставлены наряду с наукой как особое явление культуры. Причем первый тип философствования скорее является частью письменного литературного творчества, нежели самостоятельным явлением культуры. Лишь метафизика может быть признана как отдельное и относительно самостоятельное культурное явление, которое хоть и не является наукой в узком значении этого слова, но все же связано с ней некоторыми логическими параметрами построения системы высказываний.

С развитием положительных наук роль метафизики в построении научных теорий неизбежно приходит в упадок, а значение ее научной составляющей уменьшается. В то же время несколько увеличивается ценностно-мировоззренческое значение такого рода философии. Она преобразуется в рационально обоснованную мировоззренческую систему. С середины XIX века эта философия находится в состоянии кризиса [7], подвергаясь критике как со стороны «публицистической» философии, так и со стороны аналитической философии – научного направления в философии, о котором речь далее.

3. Научная (аналитическая) философия. Предмет исследования научной философии составляют логико-методологические проблемы конкретных наук и

логический анализ научного знания в целом, а также междисциплинарные исследования, осуществляемые на основе обобщения научных теорий среднего уровня.

Этот тип философствования начал формироваться одновременно с обособлением от философии конкретных научных дисциплин. Собственно, появление научной философии было обусловлено возникновением опытных наук как самостоятельного вида познания со своими специфическими методами исследований и развитым понятийным аппаратом. Но можно сказать, что и вычленение отдельных наук из метафизики произошло под влиянием этого типа философии. Логический анализ языка науки, а затем анализ языка как такового, предпринятый в ходе «лингвистического поворота» в философии, создали новое философское направление – аналитическую философию – и способствовали появлению новых направлений в лингвистике, социологии и пр.

Поскольку предмет этой философии тесно связан с существованием конкретно-научного знания, научная философия появляется и развивается одновременно с появлением и развитием отдельных наук. Если соотнести приведенную здесь характеристику третьего типа философствования с содержанием обновленного вузовского учебного предмета «Философия», то становится понятно, что под научной философией, которая и должна давать материал для учебной дисциплины «Философия», понимается этот третий, исторически самый молодой тип философии.

Выше говорилось о том, какие логико-методологические критерии должны лечь в основу отбора материала в обновленный курс учебной дисциплины «Философия». Но содержание любого учебного предмета формируется из теоретических наработок соответствующей науки, которая исследует определенную сферу объективной действительности. Выяснив вопрос о том, какого рода знаний не дают профильные учебные дисциплины, но в которых объективно нуждается образованный специалист с высшим образованием, мы очертили, во-первых, круг того теоретического материала, который мог бы лечь в основу обновленного вузовского курса «Философия», во-вторых – предметную сферу исследований научной философии как собственно научной деятельности. В этой связи необходимо различать научную философию и философию науки; это не одно и то же.

Саму науку как особое общественное явление рассматривают многие иррациональные направления и учения философии, что не делает их научной философией. Иррациональная философия оценивает науку с ненаучных и даже антинаучных позиций так же, как оценивает и все остальные проблемы: например, природу, человека, его сознание, общество, политику и пр.

В то же время для научной философии наука является всего лишь одним из объектов изучения наряду с иными объектами – сознанием, обществом, правом, государством и др. Поэтому существуют и развиваются научные философии со своим особым предметом исследования в каждой отрасли научного знания как обоснование соответствующей науки – философия математики, логики, физики, политики, права, которые являются разделами (отраслями) научной (аналитической) философии. Философия науки в этом ряду исследует особенность научного знания как такового независимо от конкретной предметной отрасли знания – его

происхождение и логическую структуру, язык науки, что видно по огромному пласту научных работ в мире в этой области, начиная с XX века.

Требуется ли сама наука каких-либо исследований тех логико-методологических процедур, с помощью которых она решает свои специфические задачи? Анализ взаимодействия научной философии и науки убеждает нас в положительном ответе. Да, сама наука заинтересована в результатах деятельности научной философии. Знакомство с выводами научной философии позволяет превратить в систему применение методов и логических приемов, с помощью которых ученые добывают знания, что делает их труд более производительным и результативным. Вряд ли целесообразно ученому исследовать методы собственной работы, поскольку его усилие направлено в совершенно ином направлении. Исследовать методы работы ученого, создавать из них определенную систему может и должна деятельность иного рода, а именно – научная философская деятельность. Вместе с тем этот вопрос как раз и надо детально исследовать, поскольку в процессе будут совершенствоваться собственные цель и задачи научной философии. Здесь интересны несколько направлений.

Первое – изучение способов получения научных знаний. Это анализ средств их выражения, то есть логический анализ языка науки (продолжение работы, начатой еще позитивистами и неопозитивистами), а также анализ логической структуры научной теории и свойств научного знания применительно к его отдельным отраслям.

Второе – обобщение специальных научных теорий с целью создания целостной метатеории, которая бы системно объясняла всю совокупность явлений в пределах данной науки, могла бы соотносить их с результатами исследований других родственных наук и подсказывала бы ученым общие идеи для будущих гипотез. Такие метатеории должны базироваться на теориях наук среднего уровня обобщения, которые, в свою очередь, уже поддаются непосредственной проверке опытным путем и могут быть по отношению к науке общей методологией. Они влияют на конкретно-научное мышление системой своих понятий и категорий, способствуя созданию и обоснованию новых научных теорий. Поэтому, чтобы философия не превратилась в набор необоснованных бездоказательных утверждений и фантазий, она должна как можно ближе подойти к логико-методологическим стандартам науки. Что касается второго направления, то именно интересами формирования гуманитарного мировоззрения как ценности очень часто защищается тезис о философии как о таком искусстве рассуждений, которое не только не является наукой, но даже и в чем-то противостоит ей. Однако есть веские основания считать, что, исходя из ценностных соображений, необходимо усилить научный, рациональный характер преподавания философии в вузе. Суть в том, что наука и научно-технический прогресс как культурное явление являются одними из высших ценностей и одновременно неотъемлемыми свойствами человеческого общества. При всех издержках и проблемах, которые они порождают, сама наука со временем дает способы и технические средства для решения этих проблем.

Чтобы обеспечить науку молодыми кадрами, поднять ее авторитет как высшего проявления человеческой рациональности, а следовательно, и культуры,

необходимо создать в обществе, в частности среди студенчества, ориентацию на рациональность, знание, науку и образование как фундаментальные ценности мировоззрения. Поэтому если исходить исключительно из ценностных соображений, то и в этом случае целесообразно оставить в вузовском курсе философии лишь те философские дисциплины, которые в состоянии обеспечить рационалистическую ориентацию мировоззрения студентов.

Таким образом, только третий тип философии, который мы можем назвать научной философией, исследует междисциплинарные отношения в науке, анализирует факты науки, способы получения научного знания и средства проверки его истинности. Научная философия имеет важнейшие логические характеристики знания, в частности претензии на истинность, выраженные объективными логико-методологическими процедурами. Именно такое знание можно назвать философским знанием, которое целесообразно изучать в вузе наряду с конкретными науками.

Совершенствование преподавания философии в вузе должно идти в русле решения главной задачи философии как учебного предмета: оказание помощи студентам в понимании особенностей общей методологии науки и в усвоении наук непосредственно по выбранной ими специальности. На занятиях по философии необходимо обсуждать прежде всего методологические проблемы изучаемых ими наук, как точно отмечал М. А. Розов [2, с. 31], то есть давать студентам не только знания, но и систематизированное представление об обще- и конкретно-научных способах их получения. Также вузовский курс философии должен рассматривать не только логико-методологические проблемы науки, но и роль науки в решении общественных проблем, ее места в культуре.

В соответствии с этим представляется необходимым внести некоторые изменения в учебные программы по философским дисциплинам не только для магистров, но и для бакалавров. В их создании должны участвовать также специалисты из разных областей знаний. Результатом обновления философии как учебной дисциплины должно стать появление интеллектуальной элиты, которая сможет ввести моду на науку и образование и поддержать в современном обществе ценность рациональности.

Список использованных источников

1. Магистерская программа «Философия» // Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fgosvo.ru/uploadfiles/pv/2/32/20111216090929.pdf> (дата обращения: 20.07.2022).
2. О преподавании философии. Круглый стол // Вопросы философии. – 1997. – № 9. – С. 3–35.
3. Программа по дисциплине «Философия» // МГИМО, Международно-правовой факультет, кафедра философии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mgimo.ru/files/240102/philosophy.pdf> (дата обращения: 20.07.2022).

4. Магистерская программа «Современная философия» // Уральский гуманитарный институт Уральского федерального университета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://programs.edu.urfu.ru/ru/10178/> (дата обращения: 20.07.2022).

5. Безрукова А. А., Триль Ю. Н. История и философия науки: Учебное пособие. – Майкоп: МГТУ, 2016. – 132 с.

6. Бочаров В. А. Что такое философия? (Материалы круглого стола) // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. – 1995. – № 2. – С. 8–11.

7. Ажимов Ф. Е. Антиметафизическое движение в контексте становления гуманитарных наук в XIX в. // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. – 2022. – № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://philos.msu.ru/science/vestnik/content/2022/1> (дата обращения: 20.07.2022).

References

1. Magisterskaya programma «Filosofiya» // Tambovskii gosudarstvennyi universitet im. G. R. Derzhavina [Elektronnyĭ resurs]. – Rezhim dostupa: <https://fgosvo.ru/upload-files/pv/2/32/20111216090929.pdf> (data obrashcheniya: 20.07.2022).

2. O prepodavanii filosofii. Kruglyi stol // Voprosy filosofii. – 1997. – № 9. – S. 3–35.

3. Programma po distsipline «Filosofiya» // MGIMO, Mezhdunarodno-pravovoi fakul'tet, kafedra filosofii [Elektronnyĭ resurs]. – Rezhim dostupa: <https://mgimo.ru/files/240102/philosophy.pdf> (data obrashcheniya: 20.07.2022).

4. Magisterskaya programma «Sovremennaya filosofiya» // Ural'skii gumanitarnyi institut Ural'skogo federal'nogo universiteta [Elektronnyĭ resurs]. – Rezhim dostupa: <https://programs.edu.urfu.ru/ru/10178/> (data obrashcheniya: 20.07.2022).

5. Bezrukova A. A., Tril' Yu. N. Istoriya i filosofiya nauki: Uchebnoe posobie. – Mai-kop: MGTU, 2016. – 132 s.

6. Bocharov V. A. Chto takoe filosofiya? (Materialy kruglogo stola) // Vestnik MGU. Ser. 7. Filosofiya. – 1995. – № 2. – S. 8–11.

7. Azhimov F. E. Antimetafizicheskoe dvizhenie v kontekste stanovleniya gumanitarnykh nauk v XIX v. // Vestnik MGU. Ser. 7. Filosofiya. – 2022. – № 1 [Elektronnyĭ resurs]. – Rezhim dostupa: <https://philos.msu.ru/science/vestnik/content/2022/1> (data obrashcheniya: 20.07.2022).

UDC 378.016:811.161.1:378.147(510)

Lidiia Pyrozhenko,
Doctor of Sciences, Professor;
Multicultural Research Center,
Huzhou University
(China)
lidiia17@yandex.ru

USING INTERACTIVE TECHNOLOGIES IN TEACHING RUSSIAN AT A CHINESE UNIVERSITY

The article deals with the problem of formation of communicative competence among Chinese students studying Russian outside the language environment by means of interaction; the relationship between the methods and technologies used in teaching and the students' communication skills is emphasized. In the process of interaction, students learn to use the foreign language they are studying to solve diverse problems, improve interpersonal communication skills, the ability to cooperate and interact, develop critical thinking, and form the skills and abilities necessary for their future professional activities.

Keywords: interaction; interactive teaching methods; communicative competence; foreign language; teaching Russian as a foreign language.

莉迪娅·彼洛仁科

在中国大学应用互动技术进行俄语教学

本文探讨了在语言环境之外，通过互动方式使中国学生在学习俄语时形成交际能力的问题；强调了教学中使用的方法和技术与学生沟通能力之间的关系。在互动的过程中，学生学会使用所学的外语来解决各种各样的问题，提高人际沟通能力，合作与互动能力，培养批判性思维，形成未来从事专业活动所必需的技能 and 能力。

关键词: 互动；互动式的教学方法；交际能力；外国语言；把俄语作为外语来教。

Лидия Пироженко

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В КИТАЙСКОМ ВУЗЕ

В статье рассматривается проблема формирования у китайских студентов, изучающих русский язык вне языковой среды, коммуникативной компетенции средствами интеракции; подчеркивается взаимосвязь между применяемыми в обучении методами, технологиями и коммуникативными навыками студентов. В процессе интеракции студенты учатся использовать изучаемый иностранный язык для решения разнообразных проблем, совершенствуют навыки в области межличностного общения; развивают способность к сотрудничеству и взаимодействию, критическое мышление; формируют необходимые для их будущей профессиональной деятельности умения и навыки.

Ключевые слова: интеракция; интерактивные методы обучения; коммуникативная компетентность; иностранный язык; преподавание русского как иностранного.

Пандемия и ковидные ограничения во всем мире за короткое время изменили условия организации учебного процесса, понимание его возможностей и перспектив дальнейшего развития. Учебные заведения вынуждены быстро и гибко реагировать на постоянные вызовы, вносить фундаментальные изменения в способы работы, адекватно реагировать на сложившуюся ситуацию. Новые условия потребовали от преподавателей срочного освоения новых инструментов для работы в цифровой среде, адаптации к новым способам коммуникации в системе «преподаватель – студент», активного сочетания различных форм, методов и технологий обучения, в том числе инновационных, навыков применения их не только в аудиторном, но и в электронном обучении.

Изменения требуют не только от руководства университетов, преподавателей, но и от студентов наличия определенных знаний и компетенций в различных сферах деятельности, без которых сам процесс обучения в новых условиях теряет смысл. К таким ключевым компетенциям исследователи относят способность действовать согласованно с партнерами; работать в группе, идти на компромисс; умение работать с компьютером, понимая, что полученная таким путем информация является средством, а не целью обучения; умение саморазвиваться и самоорганизовываться [10].

Формирование этих компетенций у студентов, в свою очередь, тесно связано с применяемыми в процессе обучения формами и методами. Кроме того, целевые установки коммуникативных курсов обучения русскому языку как иностранному обуславливают необходимость такого построения учебного процесса, который позволял бы выводить учащихся на новый, более высокий уровень общения как с преподавателем, так и друг с другом. Дополнение присущих китайскому образованию преимущественно грамматико-переводных методов обучения иностранным языкам (с использованием разнообразных видео- и аудиоматериалов, «хорового принципа» обучения, заучивания больших по объему текстов, многократного переписывания текстов, отдельных слов и т. п.) [2; 5] инновационными технологиями, в том числе интерактивными, значительно оптимизирует процесс обучения, способствует активному взаимодействию студентов, повышению уровня их коммуникативной компетентности. В процессе парной и групповой работы, взаимного обучения, дискуссий, имитационных и ролевых игр и т. п. студенты учатся использовать изучаемый иностранный язык для решения разнообразных проблем, совершенствуют навыки в области межличностного общения, развивают способность к сотрудничеству и взаимодействию, развивают критическое мышление, формируют необходимые для их будущей профессиональной деятельности умения и навыки.

Актуализируют использование интерактивных методов обучения и такие специфические условия обучения русскому языку в китайских университетах, как обучение вне языковой среды и отсутствие возможности совершенствовать речевые навыки помимо занятий; большие группы, которые часто достигают 30 человек, когда на каждого студента приходится в среднем около одной минуты на одном

занятии, что очень затрудняет контроль знаний и умений, особенно в процессе обучения устной речи; нехватка времени для отработки коммуникативных навыков; проведение единого государственного экзамена по русскому языку для студентов-филологов письменно, в форме тестирования. Поскольку карьерный рост преподавателей напрямую зависит от баллов, полученных студентами при прохождении тестов, то основные усилия в учебном процессе направляются на изучение лексики и грамматики.

Все вышесказанное неблагоприятно отражается на преподавании и снижает качество обучения русскому языку китайских студентов. Одним из путей решения этой непростой задачи может быть использование в учебном процессе инновационных методик обучения, способствующих формированию у студентов иноязычной коммуникативной компетенции. Такими компетентностно-ориентированными методами, помогающими студентам включиться в реальную коммуникативную деятельность и направленными на практическое владение русским языком как иностранным, являются интерактивные методы обучения. На особенностях использования интеракции при изучении русского языка в китайских университетах мы и остановимся в нашей статье.

За последние два десятилетия различным аспектам интерактивного обучения посвящено огромное количество публикаций. Даже поверхностный анализ этих материалов показывает, что исследователи неоднозначно трактуют как само понятие «интерактивное обучение», так и его сущностные характеристики, дидактические цели и т. п. Поэтому мы сочли необходимым коротко остановиться на нашем понимании сущности понятия «интерактивное обучение», которое в нашей статье мы будем отождествлять с понятием «интеракция». Под интерактивным обучением (интеракцией) мы будем подразумевать организацию преподавателем с помощью определенной системы способов, приемов и методов образовательного процесса, основанного на:

- субъект-субъектных отношениях в учебном процессе (паритетности);
- многосторонней коммуникации;
- конструировании знаний самим учеником;
- использовании в образовательном процессе самооценки и обратной связи;
- постоянной активности обучающегося [9, с. 27-28].

В научной литературе есть множество классификаций интерактивных методов обучения. При этом исследователи (Л. Н. Вавилова, Т. Н. Добрынина, Е. Я. Голант, О. А. Голубкова, В. В. Гузеев, М. В. Кларин, Е. Е. Лушникова, В. В. Николина, Т. С. Панина, Л. В. Пироженов, Е. И. Пометун, Г. С. Харханова, А. Ю. Прилепо и др.) берут за основу различные грани интеракции: формирование мотивации конфликта (Г. С. Харханова), дидактические цели (В. В. Николина, Г. С. Кулинич), коммуникативные функции (О. А. Голубкова, А. Ю. Прилепо) и др. Для данного исследования все интерактивные методы мы распределили в зависимости от форм организации учебной деятельности студентов [9] на четыре группы:

- методы кооперативного обучения («работа в парах», «работа в малых группах», «аквариум», «два-четыре-все вместе» и др.);

- методы коллективно-группового обучения («обсуждение в общем круге», «мозговой штурм», «обучая – учусь», «case-метод» и др.);
- методы ситуативного моделирования (имитации, ролевые игры, ситуативное моделирование);
- методы обработки дискуссионных вопросов («метод “ПРЕС”», «займи позицию», дискуссия, ток-шоу и др.) [9].

Если при традиционной системе обучения преподаватель и учебник (компьютер или любой другой носитель информации) являются основными и наиболее компетентными источниками знаний, то при интерактивном обучении преподаватель выступает в роли организатора самостоятельной познавательной деятельности обучающихся, компетентным консультантом и помощником – знания студенты получают в результате своей активной познавательной деятельности. Задачей преподавателя на интерактивных занятиях является не собственно передача знаний или контроль деятельности студентов, а активное участие в процессе, направление деятельности обучающихся на достижение целей занятия. Преподаватель приобретает функции консультанта и координатора учебного процесса, уступая при этом ведущее место активности обучающихся.

Таким образом, главной отличительной чертой интерактивного обучения является активность студентов. В правильно организованном интерактивном обучении обучающиеся постоянно взаимодействуют друг с другом, с преподавателями, с окружающей средой, с изучаемым содержанием. При этом все виды активности студентов, участвующих в интеракции, должны быть взаимосвязаны, разнообразны, тесно связаны с содержанием и направлены на достижение цели занятия. В таблице ниже представлены виды активности студентов в интерактивном обучении.

Таблица 1

Основные виды активности студентов в интерактивном обучении

Физическая	Социальная	Познавательная
Смена рабочего места, свободное передвижение по аудитории, живое общение, активное слушание и т. д.	Активная коммуникация всех участников учебного процесса, обмен мнениями в группах, взаимное обучение, участие в организации работы группы, участие в дискуссии и т. п.	Предлагают план решения поставленных на занятии задач, самостоятельно собирают информацию, находят решение проблемы, вносят дополнения и поправки в результаты работы

Правильная организация интерактивного обучения, при которой все виды активности постоянно взаимодействующих друг с другом участников интеракции взаимосвязаны, разнообразны и направлены на достижение цели занятия, требует тщательного планирования и подготовки. Кроме того, правильно спланированное и проведенное интерактивное занятие имеет свой алгоритм, включающий как

подготовительный этап, собственно интерактивное взаимодействие, так и рефлексивный этап, реализуемый в двух плоскостях – учебной и коммуникативной. Последний этап интеракции требует также тщательного планирования, подготовки и времени на проведение.

Для эффективного применения интерактивного обучения, в частности для того, чтобы максимально задействовать всех обучающихся и охватить весь необходимый объем материала (а не превратить интеракцию в бессмысленные «игры ради самих игр»), преподаватель должен ответственно отнестись к планированию занятия:

- глубоко изучить и продумать материал, в том числе дополнительный, например, разнообразные тексты, образцы документов, примеры, ситуации, задания для групп, раздаточный материал (при необходимости), цветные маркеры, карты и т. п.;

- при планировании дискуссий или кооперативного обучения формулировка темы должна обязательно содержать проблему, поле незнания, неясности, иначе пропадает сама основа для обсуждения (проблема может как иметь содержательный характер, так и быть внешней, формальной);

- отобрать методы и приемы, наиболее соответствующие задачам урока, уровню языковой подготовки студентов;

- продумать мотивацию студентов путем отбора наиболее интересных для них случаев, проблем;

- обязательным является четкое определение хронометража как всего занятия, так и отдельных элементов интеракции;

- необходимо заранее разработать и донести до сведения студентов критерии оценки их работы на занятии, сформулировать и объявить ожидаемые результаты (цели) занятия;

- предусмотреть различные методы для привлечения внимания студентов, настроить их на работу; этому, в частности, могут способствовать разнообразные короткие упражнения на повторение или угадывание слов, упражнения-разминки с изучением скороговорок, письменное распределение ролей в группах и т. д.;

- продумать и дать задание студентам для предварительной подготовки: прочитать, перевести, выучить слова, выполнить самостоятельные подготовительные задания (например, собрать необходимые сведения по истории или культуре России);

- важной составляющей интеракции, требующей тщательной подготовки, является подведение итогов: обсуждаются как полученные знания, умения и навыки, так и чувства, переживания участников, их отношение к полученному на занятии опыту, к новым видам деятельности.

При подготовке интерактивного обучения необходимо учитывать основные правила его организации:

- в процесс интеракции должны быть включены все студенты без исключения; для этого при отборе методов и технологий учитываются не только особенности содержания, но и специфические требования к организации интерактивного обучения, возможности подготовки аудитории к проведению интерактивного занятия;

- не все студенты психологически готовы к непосредственному включению в разные формы работы; в связи с этим необходимо позаботиться о психологической подготовке участников интеракции, их поощрении, создании возможности самореализации независимо от уровня языковой подготовки;
- при организации кооперативной работы, выборе технологий необходимо учитывать количество участников занятия;
- необходимо подготовить помещение для интерактивного занятия, продумать удобную расстановку мебели или учитывать имеющуюся при выборе интеракции;
- использовать формальный или неформальный подход в формировании групп интерактивного занятия в зависимости от состава групп.

Как показывает практика работы со студентами разного уровня подготовки, независимо от умений и опыта преподавателя, его желания использовать интеракцию есть категория обучающихся, не готовых к подобным формам работы. Существуют также специфические особенности студенческой аудитории, требующие учета при подготовке к проведению интеракции в группах китайских студентов. Материалом для анализа изложенных ниже этнопсихологических особенностей студентов в контексте использования в учебном процессе интеракции послужил как эмпирический опыт автора, которая имеет опыт преподавания русского языка китайским студентам в Университете Хучжоу (КНР), так и исследования Ю. А. Антоновой, Т. Б. Кашпиревой, Е. Кошелевой, Е. Овсий, И. Пак, Э. Чернобыльски, С. И. Шевелевой и других [1; 3; 4; 8; 12].

Для традиционной китайской школы, первоочередной задачей которой является овладение иероглифическим письмом, копирование образцов, признанных эталонами, всегда было основным методом обучения. Поэтому и умение подражать, воспроизводить, придерживаться общепринятых правил и канонов всегда ценилось выше индивидуального творчества. Соответственно, интеракция на занятиях, особенно языковых, с выходом на качественно новый уровень коммуникации, часто воспринимается как уход от основной цели занятия.

Как мы уже отмечали выше, методика обучения языкам в Китае на первый план выдвигает грамматику, а не устную коммуникацию, поэтому китайские студенты с большими сложностями преодолевают языковой барьер и принимают участие в обсуждении проблемы только после тщательной предварительной подготовки: перевода слова, его многократного проговаривания, заучивания фраз и отдельных фрагментов. У китайских студентов очень хорошо развита память, они могут заучивать и воспроизводить очень большие объемы текста – часто не вникая в содержание. Специфика обучения в китайских школах способствует преимущественному развитию зрительной памяти. Эту особенность следует учитывать при планировании и организации групповой работы, дискуссий, имитаций, сложных интеракций.

Китайские студенты относятся к некомуникативному (рационально-логическому) психологическому типу овладения иностранным языком [12]. Они чрезвычайно трудолюбивы, готовы к многочасовым повторениям, дисциплинированы, упорны в достижении цели, традиционно испытывают уважение не только к преподавателю, но и к знанию, учению. Они наблюдательны и любознательны, однако на начальном этапе обучения испытывают трудности в преодолении

психологического барьера при общении, особенно с преподавателем-иностранцем, медленно осваивают речевые навыки (особенно говорения). Кроме того, китайские студенты в большинстве своем не готовы взаимодействовать с преподавателем на равных, дискутировать, отстаивать свою точку зрения в ходе публичных прений. Для них является более привычным и комфортным традиционное обучение, при котором педагог выступает в роли информатора и транслятора новых знаний, обеспечивает координацию учебно-познавательной активности студентов и постоянный контроль не только результатов, но и процесса их учебной деятельности. В силу этого многие китайские студенты, изучающие русский язык, при выполнении коммуникативных заданий на интерактивных занятиях в первое время чувствуют себя скованно, и требуется определенная работа для формирования мотивации к вступлению в коммуникацию, особенно при свободном обсуждении проблемы, без опоры на заученные ранее речевые шаблоны.

При выборе тем для обсуждения и проведении интеракции следует помнить, что в конфуцианском Китае коллективное сознание занимает доминирующие позиции в межличностном общении. Общественная традиция поведения молодого человека отражена в стереотипе конфуцианского мышления, сущность которого заключается в равенстве учеников в классе, студентов в группе, подчиненности индивидуума мнению и интересам группы. С детства китайца приучают проявлять вежливость и уважение в официальном общении, молча и спокойно, не перебивая слушать собеседника.

Согласно конфуцианской традиции, важным является строгое соблюдение традиционных порядков и обычаев, в том числе в общении. Общественные отношения, отношения в коллективе, в частности студенческом, строятся по конфуцианской модели семейных отношений (безоговорочного подчинения младших – старшим, детей – родителям, подчиненных – начальникам). Как следствие, у студентов отмечаются боязнь нестандартных, непривычных действий или решений, опасения выйти за рамки привычной формы общения с преподавателем, низкий уровень приспособляемости к нестандартным ситуациям. Так, в учебном заведении не принято спорить с преподавателем, поскольку одна из сторон должна проиграть, а значит, «потерять лицо». И, конечно, это не может быть преподаватель, который в Китае был и остается непререкаемым авторитетом как для студентов, так и для их родителей. Но и студент тоже не хочет опозориться и «потерять лицо» перед своими однокурсниками и друзьями. Поэтому он предпочитает высказывать ту точку зрения, которая является общепринятой. Требуются дополнительные усилия, чтобы добиться эмоционального обсуждения проблемы, втянуть студентов, не привыкших демонстрировать свою индивидуальность, в дискуссию с преподавателем.

Предпочтительнее начинать с постепенного включения элементов интеракции в учебный процесс, давая возможность студентам привыкнуть к активному взаимодействию на занятиях. В первую очередь целесообразно вводить такие методы и технологии интерактивного обучения, как работа в парах и малых группах, мозговой штурм и т. д. Целесообразным нам кажется использование простых коммуникативных упражнений, развивающих устную коммуникацию, упражнений на

языковую догадку, подстановочных упражнений. Постепенно такие занятия будут проходить гораздо легче, а подготовка не потребует много времени.

Применение интеракции в учебном процессе невозможно без определенного порядка учебной деятельности (мотивация; формирование нового опыта; применение и осмысление нового опыта; рефлексия). Кроме того, интерактивное обучение, на наш взгляд, требует от преподавателя реализации определенных условий в организации учебного процесса. К таким условиям относятся:

- 1) организация учебного процесса как многосторонней, партнерской, интенсивной коммуникации;
- 2) благоприятная, позитивная психологическая атмосфера в аудитории;
- 3) специальная организация учебного пространства.

Рассмотрим эти условия подробнее.

Перед первой в группе интеракцией необходимо провести особое «организационное занятие» и вместе со студентами создать «правила работы в группе», которые помогут подготовить их к активной многосторонней коммуникации. Активность коммуникации зависит не только от уровня владения языком, наличия мотивации, благоприятной атмосферы в группе, но и от уровня овладения студентами навыками межличностного общения (умение слушать себя и других, воспроизводить услышанное, объяснять, задавать вопросы), что далеко не всегда присутствует в студенческой группе. Кроме того, доступные и понятные студентам правила работы помогут не отвлекаться на организационные моменты в будущем.

Важным является основательное представление программы будущей совместной деятельности. Это способствует снятию напряжения в аудитории, позволяет студентам увидеть перспективу овладения курсом, четко понять, что от них требуется.

Одним из простых и действенных способов создания благоприятной, позитивной психологической атмосферы в аудитории является применение метода знакомства, который помогает привлечь к совместной работе всех студентов, сплотить коллектив. Важно, чтобы знакомство проходило в условиях, не вызывающих соперничества, противостояния, недоверия. Атмосфера доверия, как пишет американский психолог Р. Чалдини в книге «Психология влияния», улучшает отношение к тому индивиду, с которым происходит знакомство [8]. Если первое впечатление от начала взаимодействия будет связано с положительными эмоциями, преподавателю будет проще организовать эффективную работу в группе: это позволит избежать деления группы на «мы» и «они», проявлений неуважения студентов друг к другу. Для реализации метода знакомства на занятиях по практике речи лучше выбирать темы, дающие возможность оценить или изменить эмоциональное состояние обучающихся. Это могут быть темы семьи, карьеры, работы. В достаточно подготовленных группах вопросы для знакомства («В будущем я...», «Мне не нравится быть...», «В будущем я хочу иметь детей потому, что...» и др.) могут предварять дискуссию или ролевую игру, создавать нужный эмоциональный фон для обсуждения других важных проблем.

При проведении интеракции важным является организация учебного пространства таким образом, чтобы сделать коммуникацию учащихся легкой и удобной. В

современных студенческих аудиториях не всегда возможна перестановка столов (а иногда и стульев), современные средства обучения расположены с учетом традиционных форм обучения, при которых преподавателю отводится центральное место перед группой. Все это необходимо учитывать, планируя интеракцию: количество человек в группе, возможности размещения групп, движение студентов по аудитории и т. п. Так, при классическом размещении столов в аудитории можно проводить работу в парах, использовать в учебном процессе методы коллективно-группового обучения, некоторые приемы имитации или ролевые игры. Однако весьма затруднительно будет организовать дискуссию или работу в малых группах, реализовать метод «аквариум» и т. п.

Необходимо акцентировать внимание и на том, что пренебрежение основными принципами интеракции превратит ее в средство развлечения студентов на занятии. Создаваемая интеракцией благоприятная психологическая атмосфера не может быть единственным и достаточным результатом занятия. Даже нетрадиционные методы не могут сами по себе гарантировать успех образовательного процесса. Только отработанное и обдуманное применение интеракции в сочетании с основательной подготовкой к ее проведению обеспечивает эффективность интерактивного обучения.

Список использованных источников

1. Антонова, Ю. А. О некоторых тонкостях преподавания РКИ китайским студентам // Педагогическое образование в России. – 2016. – № 12 [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-tonkostyah-prepodavaniya-rki-kitayskim-studentam> (дата обращения: 22.07.2022).
2. Ван Шуан. Методика использования учебного перевода в обучении китайских студентов-филологов устной речи на русском языке. Дисс. канд. фил. наук. по специальности 13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания. – М., 2016 [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/metodika-ispolzovaniya-uchebnogo-perevoda-v-obuchenii-kitaiskikh-studentov-filologov-ustnoi-> (дата обращения: 24.08.2022).
3. Кашпирева, Т. Б. Социально-культурные аспекты обучения русскому языку студентов из КНР в педагогическом вузе [Электронный ресурс]: cyberleninka.ru. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-kulturnye-aspekty-obucheniya-russkomu-yazyku-studentov-iz-knr-v-pedagogicheskom-vuze> (дата обращения: 22.07.2022).
4. Кошелева, Е., Пак, И., Чернобыльски, Э. Этнопсихологические особенности модели обучения китайских студентов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=8695> (дата обращения: 22.07.2022).
5. Крапивкина, О. А., Синева, Ю. О. О традициях и инновациях в методике преподавания иностранных языков // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2013. – № 9 [Электронный ресурс]: cyberleninka.ru. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-traditsiyah-i-innovatsiyah-v-metodike-prepodavaniya-inostrannyh-yazykov> (дата обращения: 22.07.2022).

6. Кузнецова, С. В., Старостина, Н. В. Использование интерактивных методов в обучении английскому и немецкому языкам студентов неязыковых специальностей [Электронный ресурс]: cyberleninka.ru. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-interaktivnyh-metodov-v-obuchenii-angliyskomu-i-nemetskomu-yazykam-studentov-neyazykovyh-spetsialnostey-vuza> (дата обращения: 22.07.2022).

7. Курешева, И. В. Классификация интерактивных методов обучения в контексте самореализации личности учащихся [Электронный ресурс]: cyberleninka.ru. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-interaktivnyh-metodov-obucheniya-v-kontekste-samorealizatsii-lichnosti-uchaschihsya/viewer> (дата обращения: 22.07.2022).

8. Овсянко, Е. С. Учет этнопсихологических особенностей китайских обучающихся при использовании коммуникативного подхода к обучению русскому языку как иностранному // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – № 2 [Электронный ресурс]: cyberleninka.ru. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchyot-etnopsihologicheskikh-osobennostey-kitayskih-obuchayuschihsya-pri-ispolzovanii-kommunikativnogo-podhoda-k-obucheniyu-russkomu> (дата обращения: 22.07.2022).

9. Пометун, О. І., Пироженко, Л. В. Сучасний урок. Інтерактивні технології навчання. Науково-методичний посібник / за ред. О. І. Пометун. – К.: Видавництво А.С.К., 2004. – 192 с.

10. Поначугин, А. В., Лапыгин, Ю. Н. Организация интерактивного взаимодействия в электронном обучении // Вестник Мининского университета. – 2017. – № 4 [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-interaktivnogo-vzaimodeystviya-v-elektronnom-obuchenii-1/viewer> (дата обращения: 22.07.2022).

11. Чалдини, Р. Б. Психология влияния; [пер. с англ. Е. Бугаева и др.]. – 5-е изд. – М. [и др.]: Питер, 2012. – 294 с.

12. Шевелева, С. И. Учет национальных особенностей студентов из стран Азиатско-Тихоокеанского региона при обучении русскому языку как иностранному // Вестник ТГПУ. – 2010. – № 12 (102) [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchet-natsionalnyh-osobennostey-studentov-iz-stran-aziatsko-tihookeanskogo-regiona-pri-obuchenii-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu> (дата обращения: 22.07.2022).

References

1. Antonova, Yu. A. O nekotoryh tonkostyakh prepodavaniya RKI kitajskim studentam // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. – 2016. – № 12 [Elektronnyj resurs]: – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-tonkostyakh-prepodavaniya-rki-kitajskim-studentam> (data obrashcheniya: 22.07.2022).
2. Van Shuan. Metodika ispol'zovaniya uchebnogo perevoda v obuchenii kitajskih studentov-filologov ustnoj rechi na russkom yazyke. Diss. kand. fil. nauk. po special'nosti 13.00.02 – Teoriya i metodika obucheniya i vospitaniya. – M., 2016 [Elektronnyj resurs]: – Rezhim dostupa: <https://www.dissercat.com/content/metodika-ispolzovaniya-uchebnogo-perevoda-v-obuchenii-kitajskih-studentov-filologov-ustnoi-> (data obrashcheniya: 24.08.2022).
3. Kashpireva, T. B. Social'no-kul'turnye aspekty obucheniya russkomu yazyku studentov iz KNR v pedagogicheskom vuze [Elektronnyj resurs]: cyberleninka.ru. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-kulturnye-aspekty-obucheniya-russkomu-yazyku-studentov-iz-ksnr-v-pedagogicheskom-vuze> (data obrashcheniya: 22.07.2022).
4. Kosheleva, E., Pak, I., Chernobyl'ski, E. Etnopsihologicheskie osobennosti modeli obucheniya kitajskih studentov [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=8695> (data obrashcheniya: 22.07.2022).
5. Krapivkina, O. A., Sineva, YU. O. O traditsiyah i innovatsiyah v metodike prepodavaniya inostrannyh yazykov // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. – 2013. – № 9 [Elektronnyj resurs]: cyberleninka.ru. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-traditsiyah-i-innovatsiyah-v-metodike-prepodavaniya-inostrannyh-yazykov> (data obrashcheniya: 22.07.2022).
6. Kuznecova, S. V., Starostina, N. V. Ispol'zovanie interaktivnyh metodov v obuchenii anglijskomu i nemeckomu yazykam studentov neyazykovykh special'nostej [Elektronnyj resurs]: cyberleninka.ru. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-interaktivnyh-metodov-v-obuchenii-anglijskomu-i-nemetskomu-yazykam-studentov-neyazykovykh-spetsialnostey-vuza> (data obrashcheniya: 22.07.2022).
7. Kuryshcheva, I. V. Klassifikatsiya interaktivnyh metodov obucheniya v kontekste samorealizatsii lichnosti uchashchihsya [Elektronnyj resurs]: cyberleninka.ru. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-interaktivnyh-metodov-obucheniya-v-kontekste-samorealizatsii-lichnosti-uchashchihsya/viewer> (data obrashcheniya: 22.07.2022).
8. Ovsij, E. S. Uchyot etnopsihologicheskikh osobennostej kitajskih obuchayushchihsya pri ispol'zovanii kommunikativnogo podhoda k obucheniyu russkomu yazyku kak inostrannomu Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. – 2019. – № 2 [Elektronnyj resurs]: cyberleninka.ru. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchyot-etnopsihologicheskikh-osobennostey-kitajskih-obuchayushchihsya-pri-ispolzovanii-kommunikativnogo-podhoda-k-obucheniyu-russkomu> (data obrashcheniya: 22.07.2022).
9. Pometun, O. I., Pirozhenko, L. V. Suchasnij urok. Interaktivni tekhnologii navchannya. Naukovo-metodichnij posibnik / Za red. O. I. Pometun. – K.: Vidavnicтво A.S.K., 2004. – 192 s.

10. Ponachugin, A. V., Lapygin, YU. N. Organizaciya interaktivnogo vzaimodejstiya v elektronnom obuchenii // Vestnik Mininskogo universiteta. – 2017. – № 4 [Elektronnyj resurs]: – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-interaktivno-go-vzaimodeystviya-v-elektronnom-obuchenii-1/viewer> (data obrashcheniya: 22.07.2022).

11. Chaldini, R. B. Psihologiya vliyaniya; [per. s angl. E. Bugaeva i dr.]. – 5-e izd. – M. [i dr.]: Piter, 2012. – 294 s.

12. Shevelyova, S. I. Uchyot nacional'nyh osobennostej studentov iz stran Aziatsko-Tihookeanskogo regiona pri obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu // Vestnik TGPU. – 2010. – № 12 (102) [Elektronnyj resurs]: – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchet-natsionalnyh-osobennostey-studentov-iz-stran-aziatsko-tihookeanskogo-regiona-pri-obuchenii-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu> (data obrashcheniya: 22.07.2022).

UDC 37.011; 37.013

Iryna Shauliakova-Barzenka,
PhD, Associate Professor;
Multicultural Research Center,
Huzhou University
(China)
shauliakova@yandex.ru

CONVERGENCE OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT AS A METAFACOR OF ITS INNOVATIVENESS

In the modern interdisciplinary discourse, convergence is becoming one of the dominant factors in the development of science, technology and society itself. In education, we consider convergence as a systemic phenomenon with the parameters of openness, dynamism, adaptability, mobility and revealing the properties of stochasticity. The growth of convergence processes also means paradigm changes in learning models, which, in turn, actualizes the problem of the operational formation of an appropriate educational environment for the effective implementation of these models. The convergence of the educational environment becomes a metafactor for its innovative development, strategically aimed at maximizing the potentials of the personality as the basic condition for the sustainable development of society. The criterion basis for assessing the quality of the educational environment in the aspect of convergence is made up of such integral indicators as the coverage of convergence levels, variable 'technologicity' of the environment, the range of opportunities for the disclosure of a complex of personal potentials, etc.

Keywords: convergence paradigm; convergent education; convergence; educational environment; metafactor; innovativeness; personality potentials.

伊丽娜·沙利娅科娃·巴赞卡

教育环境的融合是创新的元因素

在现代跨学科话语中，融合正成为科学技术和社会自身发展的主导因素之一。在教育中，我们认为融合是一种系统现象，具有开放性、动态性、适应性、流动性和揭示随机性的特性。融合过程的增长也意味着学习模式的范式变化，这反过来又实现了为有效实施这些模式而形成适当的教育环境的操作问题。教育环境的融合成为其创新发展的元因素，其战略目标是以最大限度地发挥人格潜能作为社会可持续发展的基本条件。在融合方面，评估教育环境质量的标准基础由诸如融合水平的覆盖率、环境的可变«技术性»、人格潜能综合体的披露机会的范围等综合指标组成。

关键词：融合模式；融合教育；融合性；教育环境；元因素；创新性；人格潜能。

Ирина Шевлякова-Борзенко

КОНВЕРГЕНТНОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ КАК МЕТАФАКТОР ЕЕ ИННОВАЦИОННОСТИ

В современном междисциплинарном дискурсе конвергенция становится одним из доминирующих факторов развития науки, технологий и самого социума. Конвергенция в образовании рассматривается в статье как феномен системного типа, обладающий параметрами открытости, динамичности, адаптируемости, мобильности и обнаруживающий свойства стохастичности. Рост процессов конвергенции означает парадигмальные изменения в моделях обучения, что, в свою очередь, актуализирует проблему оперативного формирования соответствующей образовательной среды для эффективной реализации этих моделей. Конвергентность образовательной среды становится метафактором ее инновационного развития, стратегически нацеленного на максимальное раскрытие потенциалов личности как базовое условие устойчивого развития социума. Критериальную основу оценки качества образовательной среды в аспекте конвергентности составляют такие интегральные показатели, как охват уровней конвергенции, вариативная «технологичность» среды, спектр возможностей для раскрытия комплекса потенциалов личности и др.

Ключевые слова: парадигма конвергенции; конвергентное образование; конвергентность; образовательная среда; метафактор; инновационность; потенциалы личности.

За последние полвека «*парадигма конвергенции*» из футурологического прогноза превратилась во вполне осязаемую реальность. Взаимовлияние сложной совокупности разноуровневых процессов и факторов привело к осознанию конвергенции как одного из доминирующих факторов развития науки, технологий и самого социума. В дискурсе гуманитаристики первых десятилетий XXI столетия конвергентный подход становится концептуально-«инструментальным» выражением формирующейся исследовательской культуры.

Развитие научной сферы определяется как движение к «реконструкции» (возврату) целостной картины мира; среди основных черт этого глубинного процесса фигурируют «изменение парадигмы развития от анализа к синтезу» и «междисциплинарный подход вместо узких специализаций» [1]. В этой системе координат все более очевидно обнаруживает себя *парадигмальный потенциал конвергенции*. Трансформации научной картины мира имеют не просто существенный, но радикальный характер, изменяющий основы, базовые структуры научного познания. Так, например, в естественнонаучных дисциплинах аналитический подход к познанию структуры материи сменяется синтетическим, междисциплинарный вектор поиска становится доминирующим, при этом «интеграция наук приобретает трансдисциплинарный характер», а «дифференциация из особого направления эволюции науки становится моментом доминирующего в ней интеграционного процесса; процессы дифференциации и интеграции сливаются в единый интегрально-дифференциальный синтез; усиливается взаимодействие между внешним и внутренним единством науки, часто они становятся неразличимыми. Такая парадигма научного знания может быть названа *конвергентной*» [2, с. 28].

Для междисциплинарного исследовательского дискурса своего рода «триггером» резкого роста интереса к понятиям «конвергенция», «конвергентность» стало как раз оформление в очерченное явление так называемой NBIC-конвергенции

(конвергенции нанотехнологий, биотехнологий, информационных и когнитивных технологий). К середине 1990-х годов фиксируется интенсивное нарастание конвергенции разного рода технологий в так называемых высокоинтегрированных системах, хотя уже анализ сформулированных ранее «концепций развития современного общества указывает на предчувствие объединительных подходов: “новая эра синтеза” Э. Тоффлера, “холистический альянс” Э. Ласло и др. Концепция информационной эпохи М. Кастельса ставит границу, водораздел двух эпох: “докастелевской” и “посткастелевской”» [3].

В современной гуманитаристике конвергентный подход может быть рассмотрен и как своего рода «технологическое» выражение новой методологической культуры, становление которой, в свою очередь, указывает на формирование принципиально новой парадигмы научного поиска. Содержательная и структурно-функциональная суть ее, на наш взгляд, выражается в понятиях *симультанности*, *синкретичности* как принципиально нового качества сближения и взаимовлияния концептуальных идей, методов и целых методологических систем. Строго говоря, более точным было бы говорить не столько о сближении различных методологий научного исследования и осмысления явлений, процессов, закономерностей и т. д., но об их *диффузионном взаимодействии*, что в поле напряжения междисциплинарного и трансдисциплинарного поиска актуализирует в каждом из «акторов» («субъектов» взаимодействия) потенциал, прежде не осознаваемый либо мало востребованный.

Под влиянием процессов конвергентного типа формируется *конвергентное образование*. На уровне общеметодологическом его перспективы могут быть связаны с расширением границ и влияния понятия трансдисциплинарности, «предполагающей синкретическое осмысление результатов различных научно-исследовательских практик на более высоком концептуальном уровне. Основой такого концептуального осмысления является принцип трансдисциплинарного синкретизма, в рамках которого социальная реальность рассматривается как целостная упорядоченная система, носящая эмерджентный характер» [4]. Рост процессов конвергенции для образования, в числе прочего, может означать парадигмальные изменения в моделях обучения, что, в свою очередь, еще больше обострит необходимость оперативного формирования соответствующей образовательной среды для эффективной реализации этих моделей.

Рост процессов конвергентности в образовании имеет «обоюдонаправленный характер».

С одной стороны, тенденции развития постиндустриального общества (на нынешнем этапе – общества, стремящегося утверждать собственную компетентность, сущностно похожую на осведомленность «неоэнциклопедического» толка) указывают на неизбежность конвергенции как методологического базиса новой образовательной парадигмы. Иначе говоря, жить в эпоху конвергенции и «не замечать» ее – попросту невозможно. Соответственно, образование, которое как социальный институт всегда ориентировано на выполнение ожиданий заказчиков образовательных услуг (государства, общества, родительской общественности), будет вынуждено готовить подрастающее поколение к жизни (адаптации и разноплановой

реализации) в новой научно-технической парадигме, «перенастраивая» свои подсистемы (либо существенно их реорганизуя) под выполнение задач опережающего типа. Совершенствование образовательной среды в аспекте развития ее конвергентности представляется одним из базовых, стартовых условий эффективной реализации долгосрочных образовательных стратегий.

С другой стороны, парадигмальные сдвиги в образовании оказывают влияние и на процессы развития самого социума. Например, чем выше готовность человека – профессиональная и личностная – не просто к жизни в мире стремительно развивающихся НБИКС-технологий, но к их активному использованию с целью преобразования окружающего мира, тем интенсивнее становятся соответствующие процессы и тенденции.

Таким образом, мы рассматриваем понятие «конвергентное образование» в достаточно широком – универсализированном – значении: за основу берется понимание конвергенции в смысле общефилософском, как обозначение разноуровневых потоков «схождения», сближения феноменов и явлений, обусловленного различными факторами и причинами. Вместе с тем вполне оправданно рассматривать конвергентное образование и как функциональный, эффективный инструмент универсализации личностных компетенций, поскольку оно «обеспечивает платформу, которая катализирует инновации, творчество и общение» [5, с. 151].

Продуктивность конвергентных процессов как своего рода обеспечение перспективного развития образовательной среды в некотором роде предопределена самой спецификой развития научно-технического дискурса во второй половине XX – первых десятилетиях XXI веков. Еще 20 лет назад в отчете «Конвергирующие технологии для улучшения природы человека» (в котором, собственно, и появился впервые термин NBIC [6]) М. Роко и У. Бейнбридж указывали на то, что «сейчас научно-технологические области человеческой деятельности – как эволюционно-сопряженной совокупности практик познания, изобретения и конструирования – достигли такого уровня инструментального развития, при котором они должны вступить в интенсивное синергетическое взаимодействие. Результатом последнего явится становление качественно новой нанотехнонауки, открывающей перед человеком и человечеством новые горизонты собственной эволюции как осознанно направляемого трансформативного процесса» [7, с. 78]. В последние десятилетия эффективная познавательная деятельность самым тесным образом *синергично* связана с намерениями, интенциями преобразующего («опережающего») типа. Соответственно, сама «экосистема», в которой формируются и развиваются различного рода компетенции обучающихся, должна представлять собой место «встречи» знаний о мире, о человеке, об обществе – и их персонализации, личностной аксиологизации, «присвоения» на личностном уровне.

Формирование конвергентности как одного из структурообразующих свойств образовательной среды – это результат симультанных (одновременных) процессов как концептуально-методологического, так и собственно практического типа. Они являются своего рода «ветвящимся» продолжением процессов, запущенных в конце прошлого столетия. Подобно тому, как «в 1990-х годах происходит сближение и взаимодействие биологии, электроники и информатики... на разных уровнях:

концептуального подхода и результата практик в виде открытия новых материалов» [3], в пространстве гуманитаристики интенсифицируется – на трансдисциплинарной основе – сближение процессов и явлений, прежде рассматриваемых как сущности «оппонирующие» (многоплановая технологизация процесса обучения и воспитания – только один из примеров, лежащих буквально на поверхности). Иначе говоря, одним из ключевых *факторов* эффективности конвергентных процессов, «формующих» содержание, структуру и функции современной образовательной среды, является *резонируемость экзогенных и эндогенных факторов развития образовательных систем*. Смысл совершенствования образовательной среды во многом определяется движением и тенденциями развития «внешнего контекста»: среда рассматривается как некая совокупность условий, которые максимально благоприятствовали бы актуализации и развитию компетенций и потенциалов личности, необходимых для жизни в «цивилизации конвергентных технологий» [7].

Не менее важное значение приобретает и *принципиально эволюционный характер процессов и феноменов, связанных с конвергенцией в образовании*; речь идет об эволюционном сближении и «диффузии» (содержательно-функциональной) различных сегментов и компонентов, как внутренних, так и внешних по отношению к системе образования, в контексте развития образовательной среды в культурно-образовательное пространство инновационного типа, своего рода уникальную развивающую «экосистему». При этом в самом способе функционирования образовательной среды-«экосистемы» должен быть заложен механизм саморазвития, однако соответствующие процессы должны иметь направляемый и управляемый характер; то есть важным фактором эффективности процессов конвергентности, влияющих на качество образовательной среды, является *баланс потенциалов самоорганизации и управляемости*.

Движение к «человекомерному будущему», которое становится возможным благодаря «инновационным подходам и инструментам его конструирования в рамках становящейся парадигмы сложности», связано с актуализацией инновационного потенциала конвергентных технологий, но «эти надежды могут быть оправданы при том неременном условии, что в этот процесс будет вовлечено и социогуманитарное знание» [8]. Главной целью формирования конвергентности образовательной среды является создание условий, адекватных, достаточных и необходимых для подготовки личности не просто к жизни в стохастически меняющемся мире, но к личностной и профессиональной самореализации, постоянному саморазвитию как к основе гармонии человека с самим собой и окружающим миром. В контексте анализа специфики и возможностей среды-«экосистемы» эта цель предполагает *последовательную реализацию идей «персонализированности» образовательной среды*. Уже сегодня становится очевидно, что взвешенное, сбалансированное использование новейших технологий конвергентного типа «позволит создать более эффективные, интерактивные подходы к персонализированному образованию», поскольку именно такие технологии «способны предоставить новые усовершенствованные возможности взаимодействия – такие как 3D-видео, отображения текста, звуковые средства обучения (в том числе интерактивные диалоги и другие голосовые функции), создание виртуальных реальностей или усиления

органов чувств и множество других средств, предназначенных для персонализации учебного процесса и развитие интереса обучаемых» [2, с. 19].

Определение конвергентности в качестве одного из основных стратегических направлений совершенствования образовательной среды основывается на понимании самой этой среды как динамичной, сложно структурированной «экосистемы» открытого типа, которая образуется взаимодействием условий, материальных и нематериальных (информационных, знаково-символических) компонентов, социальных отношений и которая нацелена на личностное развитие всех субъектов образовательного процесса как стратегическую цель непрерывного образования опережающего типа [подробнее об этом см., например: 9].

Образовательная среда инновационного типа с феноменологической точки зрения – пространство коммуникации, представляющее собой сложно структурированную систему, которая в содержательном, функциональном и результативном планах направляется таксономией современного образования. В числе ключевых особенностей последней – ориентированность на опережающий характер обучения; приоритет комплексного развития (как личности обучающегося, так и самой образовательной системы); расширение функций от собственно обучающих до комплексных социокультурных и др. Даже приведенный (далеко не полный) перечень целей современного образования указывает на неизбежность глубинного (парадигмального) изменения качества среды-«экосистемы». То есть мы рассматриваем *конвергентность образовательной среды как метафактор ее инновационного развития, стратегически нацеленного на максимальное раскрытие потенциалов личности субъектов образовательного процесса* (прежде всего, обучающихся), как одно из условий устойчивого развития социума.

С одной стороны, качество конвергентности может быть обеспечено сбалансированным и направляемым взаимодействием различных компонентов и ресурсов образовательной системы: основного, дополнительного, профессионально ориентированного; формального, неформального и информального и т. п. Речь идет о необходимости *концептуального сдвига* в восприятии сути и предназначения образовательной среды, который был бы связан со стремлением обеспечить на практике *«симфоничность» ее воздействий, эффектов.*

Конвергентность как метафактор инновационности образовательной среды изначально предполагает вариативность и даже своего рода «избыточность» ресурсов и возможностей для (само)развития участников образовательного процесса. Мы считаем, что именно конвергентность среды-«экосистемы» обеспечивает саму возможность и, главное, результативность формирования у обучающихся комплекса компетенций (жизненных, личностных, социальных, профессионально ориентированных), которые в дальнейшем позволят реализоваться в непростых условиях так называемого компетентного общества (*knowledgeable society*) [см., например: 10]. При этом сама специфика развития конвергентных процессов в образовании формулирует спектр задач опережающего развития, в числе которых одной из ключевых видится концептуализация подходов и принципов разработки *«глобальной образовательной среды»* [2, с. 19].

При оценке качества конвергентности как параметра среды-«экосистемы» могут быть задействованы различные механизмы конвергенции ее компонентов (подсистем): концептуально-методологический, организационно-управленческий, материально-технический, финансовый, оценочно-корректирующий и др. Очевидно, что с точки зрения эффективности мер и усилий, направленных на формирование и развитие конвергентности образовательной среды, наиболее результативным было бы согласованное использование комплекса указанных механизмов. Концептуальные представления об эффективной оценке качества образовательной среды в аспекте конвергентности должны, на наш взгляд, «конкретизироваться» в интегральных показателях и максимально инструментальных индикаторах (заслуживающих отдельного анализа и описания). Критериальная основа комплексной оценки конвергентности образовательной среды теоретически может включать и количественную, и качественную составляющие.

Поверхностное решение первой проблемы очевидно связано с количеством компонентов образовательных или иных систем, вовлеченных в процесс конвергенции для создания нового качества образовательной среды (например, различные сегменты неформального, информального образования, компоненты социокультурного пространства и т. д.). Однако, на наш взгляд, результаты такой оценки будут бесполезными без понимания качественного наполнения каждого из компонентов. Поэтому мы предлагаем учитывать в процессе комплексной оценки качества образовательной среды не количество, а широту охвата уровней конвергенции ее компонентов, включая содержательный, физический (пространственно-предметный), материально-технический, организационно-управленческий и др.

В перечень интегральных показателей качества конвергентности образовательной среды целесообразно включить достаточность количественного состава и качественных характеристик «акторов» конвергенции (то есть компонентов образовательной системы и социокультурного пространства, вовлеченных в процессы, формирующие конвергентность как новое качество / параметр среды-«экосистемы») для решения задач опережающего образования. При этом важным условием устойчивого развития образовательной среды в направлении конвергентности представляется то, чтобы указанная «достаточность» содержала потенциал «избыточности»: образовательная среда-«экосистема», обладающая параметрами трансформируемости, мобильности, способности к самоорганизации, ориентирована не только на функционирование в соответствии с текущими образовательными задачами, но на направляемое стратегическое саморазвитие.

Одним из ключевых «метаиндикаторов» качества образовательной среды является ее способность развивать комплекс личностных потенциалов, включая гносеологический (познавательный), аксиологический (ценностный, морально-нравственный), творческий (созидательный), социально-коммуникативный, художественно-эстетический, инновационный. Соответственно, оценка спектра возможностей среды для раскрытия комплекса потенциалов личности, по сути, связана с анализом необходимости и достаточности содержательного наполнения и структурно-функциональных особенностей среды-«экосистемы», поскольку именно

качество конвергентности позволяет актуализировать личность как сложностный феномен, как «симфонию» активных и потенциальных способностей.

Показатель *вариативной «технологичности» среды* также содержит основу для разноуровневой – содержательно-методологической и практико-предметной – оценки качества ее конвергентности. С одной стороны, имеется в виду спектр возможностей и ресурсов среды для организации образовательного процесса синергического типа (меж- и одновременно метапредметного, индивидуализированного и коллективного, практико-, деятельностно-, компетентностно-центрированного). С другой стороны, речь идет о своего рода функциональной универсальности и мобильности, способности среды оперативно трансформироваться под реализацию технологий конвергентной направленности.

Наконец, чрезвычайно важное значение для конвергентной образовательной среды, где наряду с ростом возможностей и ресурсов для обучения, воспитания и развития личности возникают все новые и новые риски, приобретает показатель *опережающего здоровьесбережения*. Имеется в виду своего рода концептуальный и практически обеспеченный (нормативно и методически) переход от идеи «безопасной среды», гарантирующей сохранение здоровья участников образовательного процесса, обеспечение их безопасности и психологического комфорта, – к активной, действенной профилактике заболеваний, укреплению и развитию физического и умственного здоровья за счет рационализации использования ресурсов и возможностей конвергентных технологий.

Таким образом, в современном междисциплинарном дискурсе конвергенция рассматривается как один из доминирующих факторов развития науки, технологий и самого социума. Конвергенцию в образовании целесообразно рассматривать как самоорганизующийся, саморазвивающийся и вместе с тем направляемый феномен системного типа, обладающий параметрами открытости, динамичности, адаптируемости, мобильности и обнаруживающий определенные свойства стохастичности. Рост процессов конвергенции может означать, в числе прочего, и парадигмальные изменения в моделях обучения, что, в свою очередь, актуализирует проблему оперативного формирования соответствующей образовательной среды.

Оценка качества конвергентности – как ключевого параметра инновационной среды-«экосистемы» – должна осуществляться на основе понимания механизмов конвергенции ее компонентов (подсистем). Критериальную основу эффективной оценки качества образовательной среды в аспекте конвергентности в настоящее время, на наш взгляд, составляют такие интегральные показатели, как охват уровней конвергенции, достаточность количественного состава и качественных характеристик ее «акторов» («субъектов-объектов») для решения задач опережающего образования, вариативная «технологичность», спектр возможностей для раскрытия комплекса потенциалов личности, показатель опережающего здоровьесбережения.

Список использованных источников

1. Ковальчук, М. В. Конвергенция наук и технологий – прорыв в будущее / М. В. Ковальчук // Российские нанотехнологии. Том 6. – 2011. – № 1–2. – С. 13–23 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publichenko.ru/articles/nano/124.asp> (дата обращения: 04.05.2022).
2. Баксанский, О. Е. Мироззрение будущего: конвергенция как фундаментальный принцип / О. Е. Баксанский // Педагогика и просвещение. – 2014. – № 3 (15). – С. 17–29.
3. Алиева, Н. З. Конвергенция в контексте концепций инновационного развития общества / Н. З. Алиева // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7735> (дата обращения: 02.05.2022).
4. Свечкарев, В. П. Конвергентное образование: социальный аспект / В. П. Свечкарев, А. С. Фролова, О. Р. Гура, Я. Я. Рязанова // Сетевой научный журнал «Инженерный вестник Дона» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ivdon.ru/magazine/archive/n1y2016/3543> (дата обращения: 17.05.2022).
5. Лебедева, Т. Н. Реализация конвергентного подхода в образовательной среде лица для мотивации обучающихся к научно-техническому творчеству: монография / Т. Н. Лебедева, О. Р. Шефер, А. О. Белоусов; Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет. – Челябинск: Южно-Уральский научный центр РАО, 2021. – 321 с.
6. Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science / Edited by Mihail C. Roco and William S. Bainbridge, National Science Foundation. – Arlington, 2002 [Electronic resource]. – Access mode: http://www.wtec.org/ConvergingTechnologies/Report/NBIC_report (access date: 24.05.2022).
7. Басалаева, О. Г. Технологический уклад и культура в контексте концепции цивилизации конвергенции наук и технологий: методологический аспект / О. Г. Басалаева, Н. П. Лукина // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 38. – С. 76–80.
8. Аршинов, В. И. Парадигма сложности и социогуманитарные проекции конвергентных технологий / В. И. Аршинов, В. Г. Буданов // Вопросы философии. – 2016. – № 1. – С. 59–70 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1332 (дата обращения: 27.05.2022).
9. Шевлякова-Борзенко, И. Л. Образовательная среда как объект современных научных исследований: исторический и теоретический аспекты // И. Л. Шевлякова-Борзенко // Педагогическая наука и образование. – 2021. – № 3. – С. 42–47.
10. Басалаева, О. Г. Новая парадигма образования в условиях перехода от общества знания к обществу конвергенции наук и технологий / О. Г. Басалаева, А. С. Вальяина, А. В. Салебо // Научный интернет-журнал «Мир науки». – 2015. – Вып. 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mir-nauki.com/PDF/12PDMN315.pdf> (дата обращения: 23.05.2022).

References

1. Koval'chuk, M. V. Konvergentsiya nauk i tekhnologii – proryv v budushchee / M. V. Koval'chuk // Rossiiskie nanotekhnologii. Tom 6. – 2011. – № 1–2. – S. 13–23 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://publichenko.ru/articles/nano/124.asp> (data obrashcheniya: 04.05.2022).
2. Baksanskii, O. E. Mirovozzrenie budushchego: konvergentsiya kak fundamental'nyi printsip / O. E. Baksanskii // Pedagogika i prosveshchenie. – 2014. – № 3 (15). – S. 17–29.
3. Alieva, N. Z. Konvergentsiya v kontekste kontseptsii innovatsionnogo razvitiya obshchestva / N. Z. Alieva // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – 2012. – № 6 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7735> (data obrashcheniya: 02.05.2022).
4. Svechkarev, V. P. Konvergentnoe obrazovanie: sotsial'nyi aspekt / V. P. Svechkarev, A. S. Frolova, O. R. Gura, Ya. Ya. Ryazanova // Setevoi nauchnyi zhurnal «Inzhenernyi vestnik Dona» [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.ivdon.ru/ru/magazine/archive/n1y2016/3543> (data obrashcheniya: 17.05.2022).
5. Lebedeva, T. N. Realizatsiya konvergentnogo podkhoda v obrazovatel'noi srede litseya dlya motivatsii obuchayushchikhsya k nauchno-tekhnicheskomu tvorchestvu: monografiya / T. N. Lebedeva, O. R. Shefer, A. O. Belousov; Yuzhno-Ural'skii gosudarstvennyi gumanitarno-pedagogicheskii universitet. – Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skii nauchnyi tsentr RAO, 2021. – 321 s.
6. Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science / Edited by Mihail C. Roco and William S. Bainbridge, National Science Foundation. – Arlington, 2002 [Electronic resource]. – Access mode: http://www.wtec.org/ConvergingTechnologies/Report/NBIC_report (access date: 24.05.2022).
7. Basalaeva, O. G. Tekhnologicheskii uklad i kul'tura v kontekste kontseptsii tsivilizatsii konvergentsii nauk i tekhnologii: metodologicheskii aspekt / O. G. Basalaeva, N. P. Lukina // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – 2017. – № 38. – S. 76–80.
8. Arshinov, V. I. Paradigma slozhnostnosti i sotsiogumanitarnye proektsii konvergentnykh tekhnologii / V. I. Arshinov, V. G. Budanov // Voprosy filosofii. – 2016. – № 1. – S. 59–70 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1332 (data obrashcheniya: 27.05.2022).
9. Shevlyakova-Borzenko, I. L. Obrazovatel'naya sreda kak objekt sovremennykh nauchnykh issledovaniy: istoricheskii i teoreticheskii aspekty // I. L. Shevlyakova-Borzenko // Pedagogicheskaya nauka i obrazovanie. – 2021. – № 3. – S. 42–47.
10. Basalaeva, O. G. Novaya paradigma obrazovaniya v usloviyakh perekhoda ot obshchestva znaniya k obshchestvu konvergentsii nauk i tekhnologii / O. G. Basalaeva, A. S. Valyalina, A. V. Salebo // Nauchnyi internet-zhurnal «Mir nauki». – 2015. – Vyp. 3 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://mir-nauki.com/PDF/12PDMN315.pdf> (data obrashcheniya: 23.05.2022).

UDC 94 (41/99)

Olga Ershova,
PhD, Associate Professor;
Belarusian State University
(Belarus)
ershova_olga@tut.by

THE ROLE OF THE COMMUNIST PARTY IN THE CREATION OF THE SOVIET SYSTEM OF PUBLIC EDUCATION IN THE BSSR

The article reveals the mechanism of realization of the leading role of the Communist Party in the creation of the Soviet system of public education in Belarus in the 1920s – 1930s; explains when and for what purpose it was developed, analyzes its components. The evaluation of the results of the activity of this mechanism by the end of the 1930s is given, in particular, we are talking about the creation of a public education system in Soviet Belarus, which ensured the accessibility and free of charge of pre-school, school and vocational education, unity and continuity of training stages, education in the spirit of communist ideology, training of specialists for the national economy. The features of Soviet and post-Soviet studies of the place and role of the Communist Party in the political and public life of the BSSR, primarily in the development of public education, are characterized.

Keywords: Communist Party; Central Committee of the Party; party committees; party apparatus; one-party system; state power; public education; People's Commissariat of Education.

奥尔加·埃尔绍娃

共产党在白俄罗斯苏维埃社会主义共和国的苏联公共教育体系创建中的作用

本文揭示了 20 世纪二三十年代白俄罗斯苏维埃公共教育制度创建过程中共产党主导作用的实现机制；解释其形成的时间和目的，分析其组成部分。本文对这一机制到 20 世纪 30 年代末的活动结果进行了评价。我们特别谈到在苏联白俄罗斯建立一种公共教育制度，该制度确保学前教育、学校教育和职业教育的普及性和免费，培训阶段的统一性和连续性，以共产主义意识形态的精神进行教育，为国民经济培训专家；描述了苏联和后苏联时期对共产党在白俄罗斯苏维埃社会主义共和国政治和公共生活中的地位和作用（主要是公共教育的发展）的研究的典型特征。

关键词: 共产党；党的中央委员会；党委；党组织；一党制；国家权力；公共教育；人民教育委员会。

РОЛЬ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В СОЗДАНИИ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В БССР

В статье раскрывается механизм реализации руководящей роли Коммунистической партии в создании советской системы народного образования в Беларуси в 1920-1930-х годах; объясняется, когда и с какой целью он был разработан, анализируются его составляющие. Дается оценка результатам деятельности данного механизма к концу 1930-х годов, в частности, речь идет о создании в Советской Беларуси системы народного образования, обеспечившей общедоступность и бесплатность дошкольного, школьного и профессионального образования, единство и преемственность ступеней обучения, воспитание в духе коммунистической идеологии, подготовку специалистов для народного хозяйства. Характеризуются особенности советских и постсоветских исследований места и роли Коммунистической партии в политической и общественной жизни БССР, прежде всего, в развитии народного образования.

Ключевые слова: коммунистическая партия; Центральный комитет партии; партийные комитеты; партийный аппарат; однопартийность; государственная власть; народное образование; народный комиссариат просвещения.

Важным условием изучения советского периода истории Беларуси является определение фактического места и роли Коммунистической партии в политической и общественной жизни. Коммунистическая партия (большевиков), пришедшая к власти в России в результате Октябрьской революции 1917 года, обладала особым статусом. Этот статус сложился исторически благодаря совокупности определенных условий общественно-политической жизни: однопартийности и, как следствие, установления партийной идеологии как господствующей; сращивания партийного и государственного аппарата; примата партии над государством. Современные исследователи считают, что Коммунистическая партия смогла сформировать на новых началах государственную систему огромной страны – СССР, превратившись в сердцевину ее властно-управленческого механизма [24, с. 14].

В советской исторической науке изучение деятельности Коммунистической партии осуществлялось в рамках историко-партийного направления. Проблеме руководящей роли партии в народном образовании посвящалось большое количество работ. Представлены они и в белорусской историографии [10-11; 22; 31-33]. Однако исследователи, прежде всего, изучали программные установки партии в области народного образования и их практическую реализацию: создание и рост сети учебных заведений, подготовку педагогических кадров, изменение содержания, форм и методов обучения. Подчеркивая руководящую роль Коммунистической партии, историки не уделяли должного внимания механизму осуществления партийной политики в сфере народного образования. Это объясняется тем, что данные исторические исследования имели апологетический характер, следовали заданной схеме, являлись прямолинейными, схематичными, описательными, а партийным мероприятиям в отношении народного образования давалась исключительно положительная оценка [2]. В советской историографии не было создано специальных работ, в которых авторы давали бы комплексный и объективный анализ проблем руководства

Коммунистической партией народным образованием. Одной из причин выступало действовавшее в тот период ограничение на доступ к материалам партийных архивов [23]. Архивы Коммунистической партии Белоруссии (далее – КП(б)Б) также были малодоступны исследователям. Их научно-справочный аппарат не в полной мере раскрывал состав и содержание хранившихся документов. Не имелось опубликованных путеводителей или справочников по партийным архивам [45-46].

В постсоветское время историки получили доступ к ранее закрытым архивным материалам, отражающим деятельность Коммунистической партии [37]. Часть из них опубликованы [40-42]. После обретения независимости в Республике Беларусь в государственные архивы поступило более 3 миллионов дел из центрального и областных партийных архивов. В Национальном архиве Республики Беларусь в настоящее время хранятся материалы бывшего партийного архива Центрального комитета КП(б)Б (далее – ЦК КП(б)Б) [47-48]. Документы архивов областных партийных организаций хранятся в Государственных архивах областей Республики Беларусь [45-46]. Объективный анализ опубликованных документальных источников и архивных материалов дает возможность исследователям воспроизвести механизм реализации руководящей роли Коммунистической партии в советском обществе.

На рубеже XX-XXI веков в российской и белорусской историографии появились работы, в которых с новых методологических позиций и на основе опубликованных документов и архивных материалов рассматриваются различные аспекты руководящей роли Коммунистической партии в советском обществе [3; 17-18; 24; 30; 34]. Ряд специальных исследований посвящены кадровой политике Коммунистической партии, деятельности партийного аппарата [4-7; 12-13; 21; 29; 35-36; 43]. Эти исследования могут стать основой для изучения механизма реализации руководящей роли Коммунистической партии в народном образовании. В современных работах вопрос о партийно-государственном руководстве народным образованием рассматривается с учетом новейших исследований о деятельности Коммунистической партии [1; 8; 14-16]. Однако специальные исторические работы, в которых раскрывается механизм реализации Коммунистической партией руководящей роли в сфере народного образования, в современной историографии отсутствуют.

При изучении роли Коммунистической партии в народном образовании Советской Беларуси (далее – БССР), созданной в 1919 году и в 1922 году вошедшей в состав СССР в статусе союзной республики, следует учитывать организационную структуру партии, иерархию партийных организаций. КП(б)Б, созданная в декабре 1918 года, имела статус национальной региональной организации Российской коммунистической партии большевиков (далее – РКП(б)), построенной на принципах строгой партийной иерархии. Данный статус прописывался в Уставе Всесоюзной Коммунистической партии большевиков (новое название партии с декабря 1925 г.) – сокращенно ВКП(б). Коммунистические партии союзных республик, входивших в СССР, в своей деятельности должны были руководствоваться общими постановлениями РКП(б) – ВКП(б) и ее руководящих органов [44, с. 477-480].

В своей деятельности КП(б)Б ориентировалась на реализацию программных установок и решений РКП(б) – ВКП(б) на территории республики. Для этого

создавалась соответствующая организационная структура и партийный аппарат. КП(б)Б состояла из местных партийных организаций (в административно-территориальных единицах), которыми руководили партийные комитеты. Коммунисты, работавшие на предприятиях и в учреждениях, объединялись в партийные ячейки во главе с избранными на партийных собраниях секретарями. Партийный аппарат управления в БССР представлял собой совокупность комитетов партии, начиная от низших (районных) и кончая высшим – ЦК КП(б)Б. В их составе работали не только члены партии, избранные на партийных съездах и конференциях, но и назначавшиеся сотрудники, которые исполняли определенные деловые функции. Во всех партийных комитетах действовала одинаковая структура партийного аппарата: инструкторы, секторы, отделы, секретари, бюро. На партийный аппарат возлагались функции проведения в жизнь политической линии партии, осуществления политического и идеологического руководства и контроля органов государственной власти [43].

Пути реализации Коммунистической партией руководящей роли в советском государстве были названы ее руководителем И. В. Сталиным в беседе с первой американской рабочей делегацией 9 сентября 1927 года: 1) «на основные посты государственной работы в нашей стране компартия старается проводить через Советы и их съезды своих кандидатов, своих лучших работников, преданных делу пролетариата и готовых служить пролетариату верой и правдой»; 2) «партия проверяет работу органов управления, работу органов власти, исправляя ошибки и недочеты, без которых не обходится, помогая им проводить решения правительства и стараясь обеспечить им поддержку масс, причем ни одно важное решение не принимается ими без соответствующих указаний партии»; 3) «при выработке плана работы тех или иных органов власти по линии ли промышленности и сельского хозяйства или по линии торговли и культурного строительства партия дает общие руководящие указания, определяющие характер и направление работы этих органов за время действия этих планов» [цит. по: 39, с. 101-102].

Анализ опубликованных и архивных документальных источников подтверждает сталинскую характеристику и дает основания рассматривать в механизме реализации руководящей роли Коммунистической партии в сфере народного образования БССР в качестве его составляющих: 1) разработку концепции и программы создания системы народного образования, а также решений, направленных на их практическую реализацию; 2) подбор и распределение управленческих кадров в сфере народного образования; 3) организацию и контроль выполнения программных установок и решений партии по созданию системы народного образования.

В 1918 году советское государство монополизировало сферу образования, перевело все учебные заведения в ведение Народного комиссариата просвещения (далее – Наркомпрос) и сосредоточило управление ими в руках государства [26, с. 13-14]. Общеобразовательная школа и другие учебные заведения стали рассматриваться как часть системы государственных учреждений, призванных воспитывать подрастающее поколение в коммунистическом духе. В программе РКП(б), принятой в марте 1919 года на VIII съезде, школе предписывалось стать «орудием коммунистического перерождения общества», «проводником идейного,

организационного, воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания, связь обучения с общественно-производительным трудом, подготовляющих всесторонне развитых членов коммунистического общества» [цит. по: 9, с. 11]. Декларировались преподавание на родном языке, совместное обучение детей обоего пола, светскость школы, «проводящей тесную связь обучения с общественно-производительным трудом, подготовляющей всесторонне развитых членов коммунистического общества» [цит. по: 9, с. 11]. Реализация этих установок конкретизировалась в ряде документов, принятых на партийных съездах, конференциях и совещаниях [9]. КП(б)Б руководила осуществлением партийной программы в области народного образования с учетом особенностей хозяйства, социальной и национальной структуры населения в БССР [19, с. 104-107, 338-341; 20, с. 420-422].

Организовывали выполнение партийных программных установок члены партии, направленные на руководящую работу в органы управления народным образованием и действовавшие под контролем партийного аппарата. В директиве ЦК РКП(б) в 1921 году, данной коммунистам в связи с реорганизацией Наркомпроса, подчеркивалось, что основное руководство наркоматом должно находиться в руках членов Коммунистической партии, а специалисты-беспартийные должны им помогать [9, с. 117]. Это указание в дальнейшем строго соблюдалось на уровне наркомпросов республик СССР и местных отделов народного образования (далее – ОНО). Такая кадровая политика обеспечивала проведение в сфере народного образования задач, поставленных партией [26, с. 452-453; 38]. ЦК КП(б)Б в соответствии с указаниями ЦК РКП(б) – ВКП(б) во второй половине 1920-х годов создал систему учета работников, согласно которой они распределялись по отдельным спискам – номенклатурам (всего 14 отраслей) [27, л. 1-15]. Наркомпрос БССР разработал ведомственную номенклатуру, утверждавшуюся ЦК КП(б)Б. В номенклатурных списках указывалось, какие должности в органах управления народным образованием должны занимать коммунисты и какие партийные комитеты утверждают кандидатуры на эти должности [28, л. 224-228].

Контроль за выполнением партийных решений органами управления народным образованием, в которых руководящие посты занимали коммунисты, осуществляли партийные комитеты [43]. В КП(б)Б данную функцию выполняли ЦК КП(б), окружные и районные/городские партийные комитеты [25, с. 33-45, с. 107-116, 128-135]. Непосредственно проверяли и контролировали деятельность Наркомпроса БССР и местных отделов народного образования отделы партийных комитетов, относившиеся к идеологическому аппарату: отдел агитации и пропаганды (с 1920 по 1930 годы), отдел культуры и пропаганды (с 1930 по 1934 годы), отдел культуры и пропаганды ленинизма (с 1934 по 1935 годы), отдел школ и науки (с 1935 по 1939 годы), отдел пропаганды и агитации (с 1939 по 1941 годы) [48].

Таким образом, Коммунистическая партия заняла доминирующее положение в структуре власти, что определило и ее руководящую роль в народном образовании. Все государственные органы были подчинены партийным комитетам и в своей деятельности руководствовались, прежде всего, директивами и решениями партии. Важнейшие должности в государственном аппарате занимали только коммунисты,

утверждавшиеся соответствующими партийными комитетами. В итоге произошло слияние партийного и государственного аппарата, когда государственные руководители входили в состав партийных органов, а партийные – в состав государственных. Партийные органы наделялись правом контроля над государственными структурами. Изучение механизма реализации руководящей роли коммунистической партии в сфере народного образования на основе объективного анализа опубликованных документальных источников и архивных материалов будет содействовать углублению исторических знаний о процессах формирования советской системы народного образования в Беларуси в 1920-1930-х годах.

Список использованных источников

1. Анайкина, Л. И. Партийно-государственная политика в сфере народного образования в РСФСР: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Л. И. Анайкина. – М., 2001. – 46 с.
2. Белазаровіч, В. А. Гістарыяграфія гісторыі Беларусі: дапаможнік / В. А. Белазаровіч; падагульн. рэд. І. П. Крэня, А. М. Нечухрына. – Гродна: ГрДУ, 2006. – 346 с.
3. Божанов, В. А. Восхождение к абсолютной власти. Большевики и советское государство в 20-е годы / В. А. Божанов. – Минск: Тесей, 2004. – 72 с.
4. Бондарь, В. А. Создание большевистских партийных организаций на местах в контексте раннесоветского социального проекта / В. А. Бондарь // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: сборник научных трудов. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. – С. 216–223.
5. Борисова, Ю. Партийные комитеты как органы политической власти в 20–30-х гг. XX века: региональный аспект / Ю. Борисова // Власть. – 2008. – № 9. – С. 114–118.
6. Восленский, М. С. Номенклатура / М. С. Восленский. – М.: Захаров, 2015. – 639 с.
7. Гузаров, В. Н. Партийный аппарат Российской коммунистической партии большевиков. 1917–1925 гг. / В. Н. Гузаров. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. – 390 с.
8. Дайч, З. Г. Школьная политика в СССР. Уроки партийно-государственного руководства: перспективы развития / З. Г. Дайч. – М., 1991. – 123 с.
9. Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения / сост. А. Я. Подземский; под ред. И. Д. Давыдова и И. Г. Клабуновского. – Л.: М.: Нар. ком. прос. РСФСР – ОГИЗ, 1931. – 496 с.
10. Дробышевская, М. С. Деятельность Компартии Белоруссии по осуществлению перехода от всеобщего начального ко всеобщему среднему образованию: Материал в помощь лекторам, преподавателям и слушателям нар. ун-тов пед. знаний / М. С. Дробышевская. – Минск: Об-во «Знание» БССР, 1973. – 24 с.
11. Дробышевская, М. С. Деятельность Коммунистической партии Белоруссии по развитию народного образования в годы третьей пятилетки (1938 – июнь 1941 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01 История КПСС / М. С. Дробышевская. – Минск, 1974. – 21 с.

12. Елизаров, С. А. «Номенклатурный эмбрион»: зарождение советской номенклатурной системы в ССРБ – БССР (1920–1924) / С. А. Елизаров // Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2020. – № 3. – С. 34–43.

13. Зеленов, М. В. Политический архив XX века. Рождение партийной номенклатуры / М. В. Зеленов // Вопросы истории. – 2005. – № 2. – С. 3–24.

14. Ершова, О. И. Александр Григорьевич Червяков – первый народный комиссар просвещения Беларуси / О. И. Ершова // Гістарычны лес беларускай савецкай дзяржаўнасці (да стагоддзя абвяшчэння Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікі Беларусі): зб. артыкулаў / рэдкал.: А.А. Каваленя [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларуская навука, 2021. – С. 85–90.

15. Ершова, О. И. А. А. Воронченко: забытый нарком / О. И. Ершова // Пічэ-таўскія чытанні – 2019: універсітэцкая навука і гістарычная адукацыя ў Беларусі XX – пачатку XXI ст. Да 85-годдзя стварэння гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта: матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 23–24 кастр. 2019 г. / Беларус. дзярж. ун-т.; рэдкал.: А.Г. Каханоўскі (старш.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2019. – С. 116–121.

16. Ершова, О. И. Народный комиссар просвещения БССР А. М. Платун как представитель советской номенклатуры / О. И. Ершова // История и историография: объективная реальность и научная интерпретация: сборник научных статей по материалам международной научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения академика В. И. Пичеты, Минск, 5 октября 2018 г. / редколлегия: А. Д. Король (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2018. – С. 36–44.

17. Измозик, В. Подлинная история РСДРП(б) – РКП(б) – ВКП(б). Краткий курс. Без умолчаний и фальсификаций / В. Измозик, Б. Павлов, С. Рудник, Б. Старков. – СПб.: Питер, 2010. – 492 с.

18. История Коммунистической партии Советского Союза / отв. ред. А. Б. Безбородов; науч. ред. Н. В. Елисеева. – М.: Политическая энциклопедия, 2013. – 671 с.

19. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. – Т. 1. (1918–1927). – Минск: Беларусь, 1983. – 527 с.

20. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. – Т. 2. (1928–1932). – Минск: Беларусь, 1984. – 511 с.

21. Коржихина, Т. П. Советская номенклатура: становление, механизмы действия / Т. П. Коржихина, Ю. Ю. Фигатнер // Вопросы истории. – 1993. – № 7. – С. 25–38.

22. Краснова, Н. Г. Партийнае кіраўніцтва народнай асветай / Н. Г. Краснова. – Мінск: Народная асвета, 1970. – 253 с.

23. Куренков, Г. А. От конспирации к секретности: защита партийно-государственной тайны в РКП(б) – ВКП(б). 1918–1941 гг. / Г. А. Куренков. – М.: АИРО-XX, 2015. – 256 с.

24. Лившин, А. Я. Коммунистическая партия в системе власти СССР / А. Я. Лившин // Контуры глобальных трансформаций. – 2018. – Т. 11. – № 3. – С. 13–35.

25. Народное образование в БССР: сб. документов и материалов. – Т. II. 1928–1941 гг. / сост. Р. С. Васильева, Э. Л. Козловская, Л. П. Нартыш-Блук, К. Ф. Плехотникова. – Минск: Нар. асвета, 1980. – 462 с.

26. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973. – М.: Педагогика, 1974. – 560 с.
27. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 4п. – Описание 1. – Дело 3345.
28. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 42. – Описание 9. – Дело 4.
29. Нефедов, В. Н. Номенклатура империи: исследование кризиса / В. Н. Нефедов. – Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятского кадрового центра, 1994. – 81 с.
30. Никулин, В. В. Политическая доктрина и состав правящей партии (Регулирование социального состава РКП(б) – ВКП(б) в 1920-е годы: цели, специфика, итоги) / В. В. Никулин // Genesis: исторические исследования. – 2017. – № 1. – С. 78–97.
31. Новик, Е. К. Деятельность Коммунистической партии Белоруссии по развитию народного образования (1926–1932 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07570 История КПСС / Е. К. Новик. – Минск, 1971. – 23 с.
32. Новик, Е. К. Партийное руководство формированием кадров народного образования, 1917–1941 гг. (на материалах парторганизаций Белоруссии): автореф. дис. ... докт. ист. наук: 070001 / Е. К. Новик. – М., 1988. – 33 с.
33. Новик, Е. К. Формирование кадров народного образования Белоруссии (1917–1941) / Е. К. Новик. – Минск: Наука и техника, 1981. – 295 с.
34. Павлов, Б. В. Коммунистическая партия в советской политической системе (1917–1925) / Б. В. Павлов. – СПб.: СЭТУ, 2003. – 164 с.
35. Пашин, В. П. Кадры коммунистической номенклатуры. Методы подбора и воспитания / В. П. Пашин, Ю. П. Свириденко. – М.: ГАСБУ, 1998. – 236 с.
36. Пашин, В. П. Партийная номенклатура в СССР (1917–1930-е годы): зарождение, развитие, безраздельное могущество / В. П. Пашин. – Белгород: ГП «Белгородская областная типография», 2004. – 243 с.
37. Путеводитель по фондам и коллекциям документов КПСС (25 октября (7 ноября) 1917 – август 1991 гг.) / Справочно-информационные материалы к документальным и музейным фондам РГАСПИ. – Вып. 4. – М.: РОССПЭН, 2008. – 463 с.
38. Руководящие кадры РКП (большевиков) и их распределение. – М.-Л.: Госиздат, 1925. – 176 с.
39. Сталин, И. В. Беседа с первой американской рабочей делегацией 9 сентября 1927 г. / И. В. Сталин // Сталин, И. В. Сочинения. – Т. 10. – М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1949. – С. 92–148.
40. Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б), 1923–1938 гг.: в 3 т. – М.: Россия, 2007.
41. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1923–1928: в 3 т. – М.: РОССПЭН, 2007.
42. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928–1929: в 5 т. – М.: МФД, 2000.
43. Туфанов, Е. В. К проблеме формирования структуры партийных органов в 1920–1930-е гг. / Е. В. Туфанов // Вестник Калмыцкого университета. – 2019. – № 2 (42). – С. 27–35.
44. Устав Всесоюзной коммунистической партии большевиков // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов,

конференций и Пленумов ЦК (1898–1988): в 16 т. – Т. 3: 1922–1925. – М.: Изд-во политической литературы, 1984. – С. 474–489.

45. Фонды бывших архивов Коммунистической партии Белоруссии: краткий справочник: в 2 ч. – Ч. 1 / сост. Г. С. Данилова, В. Д. Селеменев. – Минск: НАРБ, 1997. – 104 с.

46. Фонды бывших архивов Коммунистической партии Белоруссии: краткий справочник: в 2 ч. – Ч. 2 / сост. Г. С. Данилова, В. Д. Селеменев. – Минск: НАРБ, 1998. – 288 с.

47. Фонды Национального архива Республики Беларусь: краткий справочник. – Минск: Национальная библиотека Беларуси, 2012. – 229 с.

48. Центральный комитет Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии, 1918–1941 гг. Фонд 4п. Опись 1 / сост.: Ю. И. Анейчик, Ж. А. Лиходиевская, Г. И. Плавская; ред. кол.: В. Д. Селеменев (гл. ред.) [и др.]. – Минск: НАРБ, 2007. – 704 с.

References

1. Anaikina, L. I. Partiino-gosudarstvennaya politika v sfere narodnogo obrazovaniya v RSFSR: avtoref.dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02 / L. I. Anaikina. – M., 2001. – 46 s.

2. Belazarovich, V. A. Gistaryjagrafija gistoryi Belarusi: dapamozhnik / V. A. Belazarovich; pad agul'n. red. I. P. Krjenja, A. M. Nechuhryna. – Grodna: GrDU, 2006. – 346 s.

3. Bozhanov, V. A. Voskhozhdenie k absolyutnoi vlasti. Bol'sheviki i sovetskoe gosudarstvo v 20-e gody / V. A. Bozhanov. – Minsk: Tesei, 2004. – 72 s.

4. Bonda', V. A. Sozдание bol'shevistskikh partiinykh organizatsii na mestakh v kontekste rannesovetskogo sotsial'nogo proekta / V. A. Bondar' // Sovetskii proekt. 1917 – 1930-e gg.: etapy i mekhanizmy realizatsii: sbornik nauchnykh trudov. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2018. – S. 216–223.

5. Borisova, Yu. Partiinye komitety kak organy politicheskoi vlasti v 20-30-kh gg. XX veka: regional'nyi aspekt / Yu. Borisova // Vlast'. – 2008. – № 9. – S. 114–118.

6. Voslenskii, M. S. Nomenklatura / M. S. Voslenskii. – M.: Zakharov, 2015. – 639 s.

7. Guzarov, V. N. Partiinyi apparat Rossiiskoi kommunisticheskoi partii bol'shevikov. 1917– 1925 gg. / V. N. Guzarov. – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2007. – 390 s.

8. Daich, Z. G. Shkol'naya politika v SSSR. Uroki partiino-gosudarstvennogo rukovodstva: perspektivy razvitiya / Z. G. Daich. – M., 1991. – 123 s.

9. Direktivy VKP(b) po voprosam prosveshcheniya / sost. A. Ya. Podzemskii; pod red. I. D. Davydova i I. G. Klabunovskogo. – L.: M.: Nar. kom. pros. RSFSR – OGIZ, 1931. – 496 s.

10. Drobyshevskaya, M. S. Deyatel'nost' Kompartii Belorussii po osushchestvleniyu perekhoda ot vseobshchego nachal'nogo ko vseobshchemu srednemu obrazovaniyu: Material v pomoshch' lektoram, prepodavatelyam i slushatelyam nar. un-tov ped. znaniy / M. S. Drobyshevskaya. – Minsk: Ob-vo «Znanie» BSSR, 1973. – 24 s.

11. Drobyshevskaya, M. S. Deyatel'nost' Kommunisticheskoi partii Belorussii po razvitiyu narodnogo obrazovaniya v gody tret'ei pyatiletki (1938 – iyun' 1941 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.01 Istoriya KPSS / M. S. Drobyshevskaya. – Minsk, 1974. – 21 s.

12. Elizarov, S. A. «Nomenklaturnyi embrion»: zarozhdenie sovetskoi nomenklaturnoi sistemy v SSRB – BSSR (1920–1924) / S. A. Elizarov // Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. – 2020. – № 3. – S. 34–43.
13. Zelenov, M. V. Politicheskii arkhiv XX veka. Rozhdenie partiinoi nomenklatury / M. V. Zelenov // Voprosy istorii. – 2005. – № 2. – S. 3–24.
14. Ershova, O. I. Aleksandr Grigor'evich Chervyakov – pervyi narodnyi komissar prosveshcheniya Belarusi / O. I. Ershova // Gistarychny ljos belaruskaj saveckaj dzjarzhawnasci (da stagoddzja abvjashchjennja Sacyjalistychnaj Saveckaj Rjespubliki Belarusi): zb. artykulaw / rjedkal.: A. A. Kavalenja [i insh.]; Nac. akad. navuk Belarusi, In-t gistoryi. – Minsk: Belaruskaja navuka, 2021. – S. 85–90.
15. Ershova, O. I. A. A. Voronchenko: zabytyi narkom / O. I. Ershova // Pichjetawskija chytanni – 2019: universitjeckaja navuka i gistarychnaja adukacyja w Belarusi XX – pachatku XXI st. Da 85-goddzja stvarjennja gistarychnaga fakul'tjeta Belaruskaga dzjarzhawnaga wniversitjeta: matjeryjaly mizhnar. navuk.-prakt. kanf., Minsk, 23–24 kastr. 2019 g. / Belarus. dzjarzh. un-t.; rjedkal.: A. G. Kahanowski (starsh.) [i insh.]. – Minsk: BDU, 2019. – S. 116–121.
16. Ershova, O. I. Narodnyi komissar prosveshcheniya BSSR A. M. Platun kak predstavitel' sovetskoi nomenklatury / O. I. Ershova // Istoriya i istoriografiya: ob'ektivnaya real'nost' i nauchnaya interpretatsiya: sbornik nauchnykh statei po materialam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 140-letiyu so dnya rozhdeniya akademika V. I. Pichety, Minsk, 5 oktyabrya 2018 g. / redkollegiya: A. D. Korol' (gl. red.) [i dr.]. – Minsk: BGU, 2018. – S. 36–44.
17. Izmozik, V. Podlinnaya istoriya RSDRP(b) – RKP(b) – VKP(b). Kratkii kurs. Bez umolchaniia i fal'sifikatsii / V. Izmozik, B. Pavlov, S. Rudnik, B. Starkov. – SPb.: Piter, 2010. – 492 s.
18. Istoriya Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuza / otv. red. A. B. Bezborodov; nauch. red. N. V. Eliseeva. – M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2013. – 671 s.
19. Kommunisticheskaya partiya Belorussii v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov i plenumov TsK. – T. 1. (1918–1927). – Minsk: Belarus', 1983. – 527 s.
20. Kommunisticheskaya partiya Belorussii v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov i plenumov TsK. – T. 2. (1928–1932). – Minsk: Belarus', 1984. – 511 s.
21. Korzhikhina, T. P. Sovetskaya nomenklatura: stanovlenie, mekhanizmy deistviya / T. P. Korzhikhina, Yu. Yu. Figatner // Voprosy istorii. – 1993. – № 7. – S. 25–38.
22. Krasnova, N. G. Partyinae kiraŭnitstva narodnai asvetai / N. G. Krasnova. – Minsk: Narodnaya asveta, 1970. – 253 s.
23. Kurenkov, G. A. Ot konspiratsii k sekretnosti: zashchita partiino-gosudarstvennoi tainy v RKP(b) – VKP(b). 1918–1941 gg. / G. A. Kurenkov. – M.: AIRO-XX, 2015. – 256 s.
24. Livshin, A. Ya. Kommunisticheskaya partiya v sisteme vlasti SSSR / A. Ya. Livshin // Kontury global'nykh transformatsii. – 2018. – T. 11. – № 3. – S. 13–35.
25. Narodnoe obrazovanie v BSSR: sb. dokumentov i materialov. – T. II. 1928–1941 gg. / sost. R. S. Vasil'eva, E. L. Kozlovskaya, L. P. Nartysh-Bluk, K. F. Plakhotnikova. – Minsk: Nar. asveta, 1980. – 462 s.

26. Narodnoe obrazovanie v SSSR. Obshcheobrazovatel'naya shkola. Sbornik dokumentov. 1917–1973. – M.: Pedagogika, 1974. – 560 s.
27. Natsional'nyi arkhiv Respubliki Belarus'. – Fond 4p. – Opis' 1. – Delo 3345.
28. Natsional'nyi arkhiv Respubliki Belarus'. – Fond 42. – Opis' 9. – Delo 4.
29. Nefedov, V. N. Nomenklatura imperii: issledovanie krizisa / V. N. Nefedov. – N. Novogorod: Izd-vo Volgo-Vyatskogo kadrovogo tsentra, 1994. – 81 s.
30. Nikulin, V. V. Politicheskaya doktrina i sostav pravyashchei partii (Regulirovanie sotsial'nogo sostava RKP(b) – VKP(b) v 1920-e gody: tseli, spetsifika, itogi) / V. V. Nikulin // Genesis: istoricheskie issledovaniya. – 2017. – № 1. – S. 78–97.
31. Novik, E. K. Deyatel'nost' Kommunisticheskoi partii Belorussii po razvitiyu narodnogo obrazovaniya (1926–1932 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk: 07570 Istoriya KPSS / E. K. Novik. – Minsk, 1971. – 23 s.
32. Novik, E. K. Partiinoe rukovodstvo formirovaniem kadrov narodnogo obrazovaniya, 1917–1941 gg. (na materialakh partorganizatsii Belorussii): avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk: 070001 / E. K. Novik. – M., 1988. – 33 s.
33. Novik, E. K. Formirovanie kadrov narodnogo obrazovaniya Belorussii (1917–1941) / E. K. Novik. – Minsk: Nauka i tekhnika, 1981. – 295 s.
34. Pavlov, B. V. Kommunisticheskaya partiya v sovetskoj politicheskoi sisteme (1917–1925) / B. V. Pavlov. – SPb.: SETU, 2003. – 164 s.
35. Pashin, V. P. Kadry kommunisticheskoi nomenklatury. Metody podbora i vospitaniya / V. P. Pashin, Yu. P. Sviridenko. – M.: GASBU, 1998. – 236 s.
36. Pashin, V. P. Partiynaya nomenklatura v SSSR (1917–1930-e gody): zarozhdenie, razvitie, bezrazdel'noe mogushchestvo / V. P. Pashin. – Belgorod: GP «Belgorodskaya oblastnaya tipografiya», 2004. – 243 s.
37. Putevoditel' po fondam i kolleksiyam dokumentov KPSS (25 oktyabrya (7 noyabrya) 1917 – avgust 1991 gg.) / Spravochno-informatsionnye materialy k dokumental'nym i muzeinym fondam RGASPI. – Vyp. 4. – M.: ROSSPEN, 2008. – 463 s.
38. Rukovodyashchie kadry RKP (bol'shevikov) i ikh raspredelenie. – M.-L.: Gosizdat, 1925. – 176 s.
39. Stalin, I. V. Beseda s pervoi amerikanskoi rabochei delegatsiei 9 sentyabrya 1927 g. / I. V. Stalin // Stalin, I. V. Cochineniya. – T. 10. – M.: OGIZ; Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1949. – S. 92–148.
40. Stenogrammy zasedanii Politbyuro TsK RKP (b) – VKP (b), 1923–1938 gg.: v 3 t. – M.: Rossiya, 2007.
41. Stenogrammy plenumov TsK VKP(b). 1923–1928: v 3 t. – M.: ROSSPEN, 2007.
42. Stenogrammy plenumov TsK VKP(b). 1928–1929: v 5 t. – M.: MFD, 2000.
43. Tufanov, E. V. K probleme formirovaniya struktury partiinykh organov v 1920–1930-e gg. / E. V. Tufanov // Vestnik Kalmytskogo universiteta. – 2019. – № 2 (42). – S. 27–35.
44. Ustav Vsesoyuznoi kommunisticheskoi partii bol'shevikov // Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsii i Plenumov TsK (1898–1988): v 16 t. – T. 3: 1922–1925. – M.: Izd-vo politicheskoi literatury, 1984. – S. 474–489.

45. Fondy byvshikh arkhivov Kommunisticheskoi partii Belorussii: kratkii spravoch-nik: v 2 ch. – Ch. 1 / sost. G. S. Danilova, V. D. Selemenev. – Minsk: NARB, 1997. – 104 s.

46. Fondy byvshikh arkhivov Kommunisticheskoi partii Belorussii: kratkii spravoch-nik: v 2 ch. – Ch. 2 / sost. G. S. Danilova, V. D. Selemenev. – Minsk: NARB, 1998. – 288 s.

47. Fondy Natsional'nogo arkhiva Respubliki Belarus': kratkii spravochnik. – Minsk: Natsional'naya biblioteka Belarusi, 2012. – 229 s.

48. Tsentral'nyi komitet Kommunisticheskoi partii (bol'shevikov) Belorussii, 1918–1941 gg. Fond 4p. Opis' 1 / sost.: Yu. I. Aneichik, Zh. A. Likhodievskaya, G. I. Plavskaya; red. kol.: V. D. Selemenev (gl. red.) [i dr.]. – Minsk: NARB, 2007. – 704 s.

UDC 070.19

Nigar Isgandarova,
Doctor of Sciences, Professor;
Sumgayit State University
(Azerbaijan)
isgani@gmail.com

EARLY AMERICAN PERIODICALS IN A SOCIAL AND HISTORICAL CONTEXT

The periodical literature of the colonial period stands at the very beginnings of the American literature. Periodical literature, as an initial genre of the literature of a rapidly developing American state, is used as the primary material that forms the American culture, the American nation and its relations in the world. Literary-critical articles are studied in dependence on the tasks set: to identify the role of the American periodicals in the historical and literary process, to analyze its forms and evaluate its perception in American culture and literature. The newspapers and magazines played a stimulating role in the developing of the creative potential of young authors and poets, for whom the opportunity to present their works to the public was an important means of their further growth. «The icons of the American literature» such as Edgar Allan Poe, Mark Twain, Walt Whitman and Ernest Hemingway have been directly associated with the American periodicals throughout their literary work. Periodical literature was also an indispensable medium for those who were interested in the American culture, as through these newspapers and magazines they learned about the Americans' way of thinking, their preferences and beliefs, reflected in the literature read.

Key words: periodicals; stereotypes; state policy; women's magazines; frontier theory.

尼加尔·伊斯肯德洛娃

社会和历史背景下的早期美国期刊

殖民地时期的期刊文学是美国文学的开端。期刊文学作为一个迅速发展的美国政府的文学的初始体裁，是形成美国文化、美国民族及其在世界关系的主要素材。文学批评文章的研究依赖于设定的任务：确定美国期刊在历史和文学过程中的作用，分析其形式，评价其在美国文化和文学中的感知。报纸和杂志在发展年轻作家和诗人的创作潜力方面发挥了激励作用；对他们而言，有机会向公众展示他们的作品是他们进一步成长的重要手段。「美国文学的偶像」埃德加·爱伦·坡、马克·吐温、沃尔特·惠特曼和欧内斯特·海明威在他们的文学作品中都与美国期刊有直接的联系。对于那些对美国文化感兴趣的人来说，期刊文学也是不可或缺的媒介，因为通过这些报纸和杂志，他们可以了解美国人的思维方式、他们的喜好和信仰，这些都反映在他们所读的文学作品中。

关键词：期刊；刻板印象；国家政策；女性杂志；前沿理论。

РАННЯЯ АМЕРИКАНСКАЯ ПЕРИОДИКА В СОЦИАЛЬНОМ И ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

У самых истоков формирования американской литературы стоят периодические издания колониального периода. Периодическая литература как начальный жанр литературы стремительно развивающегося американского государства привлекается в качестве первичного материала, формирующего как американскую культуру, так и американскую нацию и ее отношения в мире. Литературно-критические статьи анализируются в зависимости от поставленных задач: выявления роли американской периодики в историко-литературном процессе, анализа форм и оценки ее восприятия в американской культуре и литературе. Они сыграли стимулирующую роль в развитии творческого потенциала молодых американских авторов и поэтов, для которых возможность представить свои произведения на суд общественности послужила важным средством их дальнейшего роста. «Иконы американской литературы», такие как Эдгар Алан По, Марк Твен, Уолт Уитман и Эрнест Хемингуэй на протяжении всего своего творчества были непосредственно связаны с американской периодикой. Периодическая литература была также незаменимым средством для тех, кого интересовала американская культура, так как посредством этих газет и журналов они узнавали о способе мышления американцев, об их предпочтениях и убеждениях, отражавшихся в литературе, которую они читали.

Ключевые слова: периодические издания; стереотипы; политика государства; журналы для женщин, теория фронта.

С середины XVIII века вдогонку за английскими газетами стали публиковаться и американские газеты и журналы. Ни визуально, ни по своему содержанию они не походили на традиционные периодические издания, но сыграли важную роль в формировании американской идеологии и национальной идентичности.

Термин «периодическое издание», имеющий, по сути, вольное определение, включает в себя газеты, обзоры, еженедельные и ежемесячные брошюры – те публикации, которые, по формулировке Мотта, «имеют периодичность» [10, 1: 13]. Таким образом, термином «периодическое издание» мы обозначили публикации, которые появлялись в Новой Англии более или менее регулярно в определенные интервалы.

История американской периодики, последовательницы британских традиций, опирается на постоянно меняющуюся сеть ассоциаций и стереотипных представлений. Эти стереотипы касались убежденности в «избранности» американской нации, ее особых прав на колонизацию и захват чужих территорий, верховных полномочий вершить правосудие. Эти стереотипы подкреплялись идеей о «божественном провидении», одарившем американцев изолированным местоположением континента, и идеей неполноценности и неправильности развития восточных народов.

Миф о «нации избранных», воплотившийся в доктрину «предопределения судьбы», стал краеугольным камнем в летописи американской нации, равно как и компонентом психологического влияния на американское национальное сознание, и на неамериканскую часть населения мира, включавшего как западные, так и восточные народы. Так обосновывалась теоретическая и практическая правомочность экспансии земель американских аборигенов, планировались дальнейшие

планы захвата земель и народов, по своему историческому и культурному уровню превосходящих американцев. Таким образом, американцы опровергали пропагандировавшую равенство людей свою же Декларацию Независимости, называя ее положения «ошибочными». Миф о собственной исключительности, вуалировавший комплексы, ревность и зависть к культурным преимуществам древних народов и экономическим достижениям других стран, катализировал их страсть «руководить духовным возрождением мира» и постоянно расширять свои границы. Теории превосходства англо-саксонской расы, «цивилизаторской роли Нового Света», «ответственности» американцев за судьбы мира выдвигались в ту пору в поддержку активной империалистической внешней политики США. Так, сенатор А. Беверидж в 1900 году заявил с трибуны американского сената: «Декларация Независимости указывает нам путь в выполнении нашей роли в духовном возрождении мира. Если бы Декларация выступала против нашей миссии, тогда Декларация была бы ошибочной...» [2, 386].

Поиски национальных корней и попытки продемонстрировать национальное своеобразие постоянно находятся в центре внимания американоведческих исследований на всем протяжении недолгого исторического пути Северной Америки. Возможно, проблема кроется в том, что корни эти отнюдь не аристократические, а оправдать феномен супердержавы – дело чести всей нации.

Роль и место США в мире изменились коренным образом с конца XIX века. Именно на рубеже XIX-XX веков Соединенные Штаты превратились в одну из ведущих мировых держав, получив возможность оказывать влияние на общий ход международных событий, в частности, на решение одного из важнейших вопросов современности – войны и мира. В этих условиях вполне естественно и оправдано пристальное внимание, которое еще с конца прошлых веков внешний мир проявляет к событиям в этой стране, когда-то имевшим сугубо внутреннее политическое или экономическое значение, а сегодня отражающимся на ситуации во всем мире [5, 12].

В 1898 году в журнале *North American Review* была опубликована статья обозревателя газеты *New-York Journal of Commerce* Чарльза Конанта (*Charles Conant*) под названием «Экономическая основа империализма». Взгляды, изложенные в этой статье, являются настолько характерными для настроений, преобладающих в политических и деловых кругах США в конце XIX столетия и актуальных в XXI веке, что мы решили привести некоторые выдержки из этой публикации. Автор статьи писал: «Стремление к захвату территорий, которым руководствовались готы, вандалы и, наконец, наши саксонские предки, требует новые выходы для американского капитала и новые возможности для американской предприимчивости» [12]. Этим вызовом теоретически «обосновывалась» в Соединенных Штатах политика экспансионизма, которая составляла одну из важнейших отличительных черт внешнеполитического курса великих держав в те годы и от которой эта страна не отошла и сегодня.

Практическое применение теории фронта на территории Новой Англии, последовательное движение вглубь и захват западных территорий многое изменили в социальной и политической жизни новых колонистов. Большие пространства и

растущее рассредоточение населения затрудняли контроль над движением печатных станков и контроль за выпуском периодических изданий. Вскоре после Американской революции, по мере того как пресса продвигалась на запад, количество и разнообразие американских газет росло. В 1775 году, по словам Исаяи Томаса, одного из ведущих печатников того времени, во всех колониях было всего около 50 типографий и почти все они находились на побережье; к 1783 году ни в одном крупном городе страны не было недостатка в собственной прессе. Подобно мушкету, газета стала оружием и инструментом для завоевания леса и создания новых сообществ [3, 124].

В то время как первые английские газеты обычно начинались как литературные журналы и позже превращались в информационные бюллетени, первые газеты американского Запада чаще начинались как новый вид рекламных листовок и лишь позже превращались в информационные бюллетени. В Европе газеты возникали для удовлетворения эстетических и информационных потребностей небольшого литературного круга или просвещенного слоя населения, а позднее и более крупного читательского сообщества. Первые газеты на атлантическом побережье, часто начатые официальной «общественной типографией», выполняли несколько необычные функции и являлись «газетами-первопроходцами». Газета-первопроходец в новых поселениях, как и западная железная дорога, должна была вызвать к жизни то самое население, которому она предназначалась. Это придавало новым периодическим изданиям колониального периода отличительные черты, которые долгое время определяли американскую жизнь.

Другой характерной особенностью периодических изданий Новой Англии является приверженность ее населения к самоутверждению и закреплению на новых территориях посредством любых инструментов, например, рекламы. В старой и густонаселенной Европе, где каждый является ближайшим соседом и точно знает, кто чем живет, что покупает и продает, реклама является скорее роскошью, чем необходимостью. Однако в стране с пятью-шестью жителями на квадратную милю, в которой, вероятно, половина населения прибыла единственным паромом, необходимо, чтобы вновь прибывший янки объявил о своем приезде и о своем доброжелательном и коммерческом намерении, типа продажи галантерейных товаров, чтения лекций о спиритизме и т. д. В этом случае реклама являлась необходимостью для существования газеты [3, 128].

В Старом Свете даже в XIX веке пресса находилась под жестким контролем правительства. Позволить неуполномоченному лицу управлять прессой и издавать книги и газеты казалось столь же опасным, как и оставлять огнестрельное оружие в руках населения, ведь любая неосторожная информация о местных событиях могла взбудоражить людей. А потому государственный контроль над прессой вдоль атлантического побережья в колониальный период хотя и был более косвенным, чем в Европе, все же достаточно эффективно управлял ситуацией.

Таким образом, быстрый рост западных городов и расширение новых сообществ в Новой Англии способствовали заимствованию традиционных методов и институтов из Старого Света или из давно заселенных городов на восточном побережье. Одной из важных новинок, созданных на фоне колониального периода, была

газета [1, 10: 448]. Будучи первопроходцем, газета выполнила работу, доселе невиданную, для города, который существовал только лишь в воображении поселенцев. Она создавала имидж благополучной американской жизни, воплотившей американскую мечту многих тысяч поселенцев. Начав с рекламы несуществующего городка, в котором они надеялись провести счастливую жизнь, привлекая поселенцев со всей страны, газеты на восточном побережье Северной Америки стали первыми инструментами национальной рекламы. Кроме того, выгодное расположение городов восточного побережья обусловило контроль ввоза печатных станков для их эксплуатации в этих городах. Первой задачей типографии в этих городах было создание сообщества, в котором газета могла бы выжить. Таким образом, если в Старом Свете периодические издания отвечали потребностям читающей публики, здесь они создавали надежду на прекрасное будущее. Много позже эти газеты и журналы из рекламных форпостов трансформировались в печатные издания по распространению информации, а далее – некоторые из них – в литературные журналы, давшие жизнь лучшим произведениям выдающихся представителей американской литературы.

Развитие этих пропагандистских инструментов шло по одинаковой схеме, различаясь только в деталях, как и карьера бизнесменов, связанных с историей американской периодики. Когда 29 июля 1786 года вышел первый номер *Pittsburgh Gazette*, Питтсбург был маленькой деревушкой с населением около трехсот человек, хотя на страницах этой газеты его представляли как «большой мегаполис в зачаточном состоянии». Хью Генри Брэкенридж, юрист-первопроходец и автор книги «Современное рыцарство», переехал в Питтсбург в 1781 году, сделав ставку на свое будущее в этой местности, которая к тому времени представляла собой небольшое поселение в глуши. В 1786 году, с целью обеспечить будущий город прессой, он убедил Джона Скалла и его партнера Джозефа Холла переехать сюда из Филадельфии. Был куплен небольшой станок вместе со шрифтом, чернилами и бумагой и установлен в маленьком помещении в горах. У молодых печатников часто бывали проблемы со снабжением: по крайней мере, однажды, когда не хватало газетной бумаги, они использовали патронную бумагу, позаимствованную в Форт-Питте. Не имея почтовой связи, Скалл сначала сам доставлял газету в деревню и использовал случайных путешественников для доставки за ее пределы. Основная цель этой газеты состояла в том, чтобы привлечь поселенцев в Питтсбург. Если бы население увеличивалось, *Pittsburgh Gazette* процветала бы вместе с ним. До смерти Скалла в 1828 году Питтсбург превратился в процветающий город с населением около двенадцати тысяч человек, еще больше людей проживало в соседних городах-спутниках. Скалл был лидером сообщества, помог обеспечить почтовый путь в Питтсбург, стал почтмейстером, президентом второго банка, основанного в Питтсбурге, одним из учредителей Западного университета Пенсильвании (позже Университета Питтсбурга) и членом первого городского совета. Это всего лишь одна история одного бизнесмена, одного городка, одной газеты. А сколько их было по всей Америке [3, 129].

Сторонники все еще малонаселенной территории Кентукки в то самое время хотели, чтобы газета служила их делу. Они тоже стремились привлечь поселенцев

и таким образом оправдать свое требование стать штатом, отдельным от Вирджинии. Не сумев найти опытного газетчика, они в конце концов наняли предприимчивого юношу лет двадцати, который был индейским бойцом и геодезистом, но ничего не знал о печати. Его звали Джолин Хоулфорд Форд, но он не был родственником Брэдфордов из Массачусетса или Пенсильвании. Ему суждено было стать первым типографом и издателем Кентукки. В конце 1786 года, приняв это назначение и получив бесплатный участок в деревне Лексингтон, он отправил своего брата в Питтсбург учиться ремеслу у Джона Скалла. Брат Джона Брэдфорда привез прессу и типографию (заказал из Филадельфии) четыреста миль вниз по реке Огайо из Питтсбурга на плоской лодке, а затем по тропе в Лексингтон. Первый номер *Kentucke Gazette* (написание изменено на «Кентукки» в марте 1789 года) вышел из его типографии в бревенчатой хижине 11 апреля 1787 года. Ее основной целью было создание своего сообщества. Брэдфорд был первым, кто издал «Альманах Кентукки» (1788 год), первую брошюру Запада, и Акты сессии Законодательного собрания Кентукки (1792 год), которые стали первой книгой, напечатанной в Кентукки. Он получил прозвище «Кентуккийский Франклин», продолжая заниматься геодезией, занимаясь математикой и астрономией, помогая основать Трансильванскую семинарию, Трансильванский университет и Лексингтонскую библиотеку. Он представлял свою страну в Палате представителей Кентукки и тоже стал лидером сообщества, которое он помог построить [3, 132].

В американской периодике уделялось большое место публикациям о женском образовании, очеркам, посвященным воспитанию благородных манер и обучающим ведению домашнего хозяйства. Немало места в этих изданиях занимали сентиментальные и романтические сказки, в которых добродетельная американская женщина, готовая пожертвовать жизнью, не уступает посягательствам на ее моральные устои и показывает пример высокой нравственности. Вместе с тем основу этих сказок составляли темы любви и приключений на Востоке и их авторам всегда удавалось обратиться к «чувствительности» читателей. Это был век сентиментальных сказок, и писатели как бы «упражнялись в подыгрывании чувствам». Большинство авторов, казалось, держали в памяти «формулу удачной прозы», о которой один из них сказал в своем выступлении: «Не забывают смешивать достаточное количество вздохов, слез, обморочных истерик и все “душещипательные” приемы... Будьте уверены: вы создаете поединок; а если получится – не избежать и суицида» [4, 68].

Интерес читателей к такой литературной продукции был слишком велик, ибо «почти около 300 восточных сказок были опубликованы в различных периодических изданиях Америки с середины XVIII века до конца Гражданской войны (1797–1865)» [6, 3]. Распространенность таких литературных вкусов можно проследить на протяжении целого столетия, начиная с конца XVIII столетия и до середины XIX века. В периодической литературе данного периода мы встретили большое количество рассказов, историй, фрагментов, содержащих в своем названии восточные имена, типа Синдбад, Омар, Зейнаб, Фатима, Али, Мухаммед и др. Потому очередная сказка под названием «Омар и Фатима, или Аптекарь из Исфагана», опубликованная в 1807 году в *Literary Magazine and American Register*, привлекла наше

внимание [7, 86-92]. Авторство этой сказки вызывало много дискуссий у исследователей. Так, М. А. Исаани включил это произведение в список «восточных сказок» анонимных авторов [4, 45]. Исследователь А. Вебер считает автором этой восточной сказки Чарльза Брокдена Брауна и включает ее в список неизвестных широкому читателю произведений автора, опубликованных лишь в начале XIX века [15, 32]. Мнение А. Вебера об авторстве этой сказки позже поддержал и С. Уаттс [16, 143], и другие авторы [17]. Этому мнению придерживаемся и мы. «Омар и Фатима, или Аптекарь из Исфагана» можно считать пародией на восточную сказку, столь популярную в Америке конца XVIII века, а также сатирическим изображением лекарей и аптекарей, часто для зарабатывания денег прибегающих к всевозможным уловкам и ухищрениям. Ч. Б. Браун, принимавший близкое участие в формировании постреволюционной американской прозы и национальной идеологии, равно как и идеалов новой республики, должен был выразить свое отношение к негативным сторонам общественной жизни Америки. Восточная сказка для этой цели была самым подходящим средством. В написании восточной сказки ему содействовали прочитанные им отчеты о путешествиях на Восток, использованные из этих информационных бюллетеней исторические, географические и этнографические знания.

Десятилетия от начала XIX века и до его последней декады преобразовали американский литературный рынок. Внедрение в 1830 году технологических разработок в производстве бумаги, более дешевые почтовые маршруты, повышение уровня грамотности изменили процесс печатного дела и глубоко повлияли как на писателей, так и на читателей. 1820-е годы были отмечены бурным ростом числа периодических изданий в Соединенных Штатах. Канал Эри, заверченный в 1825 году, соединил Нью-Йорк и Буффало, что изменило характер маршрутов на запад и, следовательно, сблизило северовосточную и западную части страны как в экономическом, так и в политическом плане. Выборы первого популистского президента Эндрю Джексона в 1828 году вызвали значительные изменения как в институте президентства, так и в политике государства. То была эра развития и расширения, роста числа и охвата периодических изданий, что, несомненно, отразилось на развитии страны. К 1840 году около 1500 различных изданий печатались в стране, и, как заявил *New York Mirror*, «это был золотой век периодики». Интересно, что за период с 1830 по 1842 годы всего лишь 1 000 книг были изданы в стране, из которых примерно половину составляли перепечатки европейских книг [11, 1: 341].

Периодические издания очень скоро превратились в средство коммуникации, информации и развлечений. Вильям Киркланд, критик и обозреватель газеты *Godey's Lady Book*, заметил, что «периодика стала доступным и распространенным материалом для чтения того времени: «Большой процент опубликованных книг почти не находит покупателя; многие из купленных никогда не читаются, а многие из них читаются одним или двумя людьми, в то время как с периодическими изданиями *не-прочитанные* являются исключением» [13, 6].

В период между 1830 и 1890 годами американские периодические издания демонстрировали неоднородность, и содержательную, и эстетическую, поскольку даже самые престижные журналы, в том числе журналы *Harper's Monthly*, *Putnam's*, *Atlantic*, смешивали популярные и элитные формы литературного

творчества. Смешение стилей в этих изданиях не сильно сказывалось на их качестве, ибо границы между этими стилями не были столь четкими, как сегодня.

Начиная с середины XVIII века, в Америке наравне с газетами печатались также и литературные журналы, или своего рода антологии и альманахи, представлявшие образцы произведений национальной литературы. Естественно, что и периодическая литература новой нации была тесно связана со своими английскими корнями. К примеру, сам термин «magazine», имеющий значение «storehouse» (амбар, хранилище), происходит из названия английских ежемесячных популярных журналов, берущих свое начало с первого из них – *Gentleman's Magazine* (1731). Названия американских журналов начала века носили и сопутствующие заголовки, типа «museum», «repository», «casket», «cabinet», что также соответствовало общему назначению – хранилища художественной и научной мысли. Американские журналы XVIII века публиковали отрывки из художественных произведений, газет и журналов большей частью английского происхождения, хотя многие издатели искали незнакомых авторов и новые темы [5, 28].

«Принципиально первой литературной попыткой» называет С. Ломазов создание журнала *American Monthly Review (Literary Journal)*, издаваемого в Филадельфии в 1795 году, а Чарльза Брокдена Брауна – первым американским новеллистом и журналистом [8, 89]. Его новелла «Arthur Mervyn» впервые появилась в *The Weekly Magazine* в Филадельфии. Браун одним из первых начал издавать литературные журналы, где публиковал и свои произведения наравне со своими современниками. Первым из этих журналов был *Monthly Magazine and American Review*, основанный в 1799 году. Впоследствии Браун сотрудничал во многих литературных журналах [7, 86-92].

Первые журналы носили в основном локальный характер, распространялись тиражом в несколько сот экземпляров и существовали недолго. Историк периодической литературы Франк Лютер Мотт (*Frank Luther Mott*) считает, что «вряд ли общее количество публикуемых периодических изданий на данный исторический период превышало пять тысяч» [14, 82]. Многие из них являлись церковными изданиями, включали журналы для детей, музыкальные журналы и журналы для женщин. В остальном же как газеты, так и журналы существовали за счет суммы, вкладываемой подписчиками, и за счет предоставления места рекламе.

Журналы сохраняли тесные узы и верность английской печатной продукции. Они пиратским образом перепечатывали английские художественные произведения, избрав наилегчайший путь зарабатывания денег, и тем самым делали самое меньшее, что могли бы сделать для формирования американской национальной литературы. Эта практика продолжалась до тех пор, пока изменения в законе о пиратстве вынудили издателей выбрать альтернативный путь сотрудничества с американскими авторами [8, 23].

Один из основоположников американской республики Джордж Вашингтон, выделяя важность периодических изданий в формировании новой нации, утверждал, что они «рассчитаны и созданы для распространения политической, сельскохозяйственной, философской и другой значимой информации»; он также заявил, что «более важного литературного плана, заслуживающего внимания общественности в

Америке, доселе предпринято не было». Далее автор пишет: «Меня радует высокая идея полезности периодических изданий настолько, что я от души желал бы распространения газет, журналов и бюллетеней в каждом крупном и провинциальном городе и деревне Америки. Считаю, что такие доступные средства доставки знаний успешнее других направлены на сохранение независимости, регулирование экономики, воспитания нравственности просвещенных и свободных людей» [14, 2].

Создатель журнала *Massachusetts Magazine* Исайя Томас (*Isaiah Thomas*), выделяя роль газет и журналов в доставке информации общественности, в предисловии к первому изданию выпуска 1789 года предлагает представлять читателю информацию, подтвержденную научными доводами, взятыми из «Храма науки» (*Temple of Science*) [9]. И. Томас подчеркивал необходимость создания «храма науки» не только в своих редакторских заметках, но и выделял эту тему в изображениях на титульных листах выпусков. Для того чтобы создать научно-обоснованные журналы, нацеленные на просвещение и развлечение своих читателей, использовались визуальные и вербальные тексты. Визуальные элементы использовались для того, чтобы изобразить «world in a miniature» – города, мосты, правительственные здания, портреты выдающихся личностей, сцены из американской истории и из художественных произведений. Так, в *Massachusetts Magazine* эссе, подписанные псевдонимами «The Gleaner», «The Philanthropist», комментировали нравы, моду, социальную жизнь, различные персонажи и истории.

Художественная проза, публикуемая в этих газетах и журналах, обычно состояла из очерков, посвященных отдельным личностям, сентиментальных сказок, и восточных сказок; поэзия была представлена в образцах классической формы – оды, пасторали, элегии и сатирические произведения. Нередко в газетах и журналах появлялись публикации об известных личностях внутренней и внешней политики, которые сопровождалась их портретами: такие статьи были посвящены Джорджу Вашингтону и Франклину Рузвельту, героям американской и французской революций [5, 138].

Периодические издания конца исследуемого периода отражали также злободневные вопросы политического, религиозного и социального характера, например, отношение американской нации к Франции; публиковали статьи об археологических находках новой нации, исторические отчеты прошедшей Американской Революции, обзоры и рецензии книг и театральных постановок как в стране, так и за рубежом.

Список использованных источников¹

1. Schlesinger, A. *The Rise of the City, 1878–1898*, 10 Vols., New York, The Macmillan company, 1933, Internet Archive // *Critical essay on authorities*. – p. 437–474.
2. Bartlett, R. *The Record of American Diplomacy*. – New-York, 1947. – 386 p.
3. Boorstin, D. *The Americans: The National Experience*. New York: Vintage Books. 517 p.

¹ Список использованных источников для данной статьи, а также ссылки на него в тексте представлены в авторской редакции. – *Ред. журнала*.

4. Isaani, M. *Oriental Tale in America through 1865: A Study in American Fiction*. PhD diss. Princeton UP, 1962. 193 p.
5. Искендерова, Н. *Ориенталистский дискурс в американской литературе 18–19 веков*. LAP Lambert Academic Publishing, 2017. 328 с.
6. Kamrath, M. An «inconceivable pleasure» and the Philadelphia Minerva: Erotic Liberalism, Oriental Tales and the Female Subject In Periodicals of the Early Republic // *American Periodicals: Journal of History, Criticism, and Bibliography*, 14.1, 2004, p. 3–34
7. *Literary Magazine and American Register* 7, 1807, July-Dec., p. 86–92.
8. Lomazov, S. *American Literature in Magazines 1790's – 1950's*. Montclair: N. Jersey, 2005, 478 p.
9. *Massachusetts Magazine*, 1789, *Preface*.
10. Mott, F. *A History of American Magazines: 5 vols.* V. 1, Cambridge: Belknap University Press of Harvard University Press, 1741–1850, 1930, 934 p.
11. Mott, F. L. *A History of American Magazines, 1885–1905*, 5 vols. Volume 4. Cambridge: Belknap Press of Harvard UP, 1957, 858 p.
12. *North American Review*, September 1898, p. 326–340.
13. *Periodical Literature in Nineteenth-Century America*, ed. Kenneth M. Price and Susan Belasco Smith. Charlottesville and London: University Press of Virginia, 1995, 292.
14. *Preface // American Museum*, 1788.
15. *Uncollected Writings of Charles Brockden Brown*: Walstein's School of History / Ed. Alfred Weber. Ó 2001 [electronic resource], 31–39.
16. Watts, S. *The Romance of Real Life: Charles Brockden Brown and the Origins of American Culture*. Baltimore and London: John Hopkins University Press, 1994, 272 p., 142–144.
17. <http://www.brockdenbrown.ucf.edu>

References

1. Schlesinger, A. *The Rise of the City, 1878-1898*, 10 Vols., New York, The Macmillan company, 1933, Internet Archive // *Critical essay on authorities*: p. 437–474.
2. Bartlett, R. *The Record of American Diplomacy*. New-York, 1947. 386 p.
3. Boorstin, D. *The Americans: The National Experience*. New York: Vintage Books. 517 p.
4. Isaani, M. *Oriental Tale in America through 1865: A Study in American Fiction*. PhD diss. Princeton UP, 1962. 193 p.
5. Iskenderova, N. *Orientalistskii diskurs v amerikanskoi literature 18–19 vekov*. LAP Lambert Academic Publishing, 2017. 328 s.
6. Kamrath, M. An «inconceivable pleasure» and the Philadelphia Minerva: Erotic Liberalism, Oriental Tales and the Female Subject In Periodicals of the Early Republic // *American Periodicals: Journal of History, Criticism, and Bibliography*, 14.1, 2004, p. 3–34
7. *Literary Magazine and American Register* 7, 1807, July-Dec., p. 86–92.

8. Lomazov, S. *American Literature in Magazines 1790's – 1950's*. Montclair: N. Jersey, 2005, 478 p.
9. Massachusetts Magazine, 1789, *Preface*.
10. Mott, F. *A History of American Magazines: 5 vols.* V. 1, Cambridge: Belknap University Press of Harvard University Press, 1741–1850, 1930, 934 p.
11. Mott, F. L. *A History of American Magazines, 1885–1905*, 5 vols. Volume 4. Cambridge: Belknap Press of Harvard UP, 1957, 858 p.
12. North American Review, September 1898, p. 326–340.
13. *Periodical Literature in Nineteenth-Century America*, ed. Kenneth M. Price and Susan Belasco Smith. Charlottesville and London: University Press of Virginia, 1995, 292.
14. Preface // American Museum, 1788.
15. *Uncollected Writings of Charles Brockden Brown*: Walstein's School of History / Ed. Alfred Weber. Ó 2001 [electronic resource], 31–39.
16. Watts, S. *The Romance of Real Life: Charles Brockden Brown and the Origins of American Culture*. Baltimore and London: John Hopkins University Press, 1994, 272 p., 142–144.
17. <http://www.brockdenbrown.ucf.edu>

UDC 82.01 /09

Flora Najiyeva,
Doctor of Sciences, Professor;
Baku Slavic University
(Azerbaijan)
flora_nadji@mail.ru

MORAL PARAMETERS OF TEXTS IN RUSSIAN AND AZERBAIJANI PROSE ABOUT MODERNITY

The article deals with the problem of moral parameters of literature devoted to the present. The material of the analysis is the works of Russian and Azerbaijani prose. The chronological period of time that interests the author of the article is the 1970–1980s, which received the name «stagnation» in the post-Soviet literature. This choice is not accidental. The author examines how, under the conditions of a totalitarian regime, under conditions of a ban on free speech, writers express their moral position through the aesthetics of the text itself. The text in the considered works of both Russian and Azerbaijani writers becomes the bearer of morality. The typological parallels drawn between the works of Russian and Azerbaijani authors make it possible to reveal the commonality and differences in moral parameters dictated by the ethnic and cultural originality of each of the considered literatures.

Keywords: modernity; Russian and Azerbaijani prose; morality; era of «stagnation».

弗洛拉·纳吉耶娃

俄罗斯和阿塞拜疆散文中关于现代性的文本道德参数

本文探讨了当代文学的道德参数问题;分析的材料是俄罗斯和阿塞拜疆的散文作品。本文作者感兴趣的年代是 20 世纪 70 至 80 年代,这一时期在后苏联文学中被称为«停滞»。这一选择并非偶然。作者考察了在极权政权的条件下,在禁止言论自由的条件下,作家们如何通过文本本身的美学来表达他们的道德立场。俄罗斯和阿塞拜疆的作家们经过深思熟虑的作品中的文本成为道德的载体。俄罗斯和阿塞拜疆的作家们,其作品之间类型学上的相似使得揭示道德参数的共性和差异成为可能,这是由每一个经过斟酌的作品的民族和文化独创性决定的。

关键词: 现代性;俄罗斯和阿塞拜疆散文;道德;«停滞»的时代。

Флора Наджиева

ПРАВСТВЕННЫЕ ПАРАМЕТРЫ ТЕКСТОВ В РУССКОЙ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПРОЗЕ О СОВРЕМЕННОСТИ

В статье рассматривается проблема нравственных параметров литературы, посвященной современности. Материалом анализа являются произведения русской и азербайджанской прозы. Хронологический отрезок времени, интересующий автора статьи, – 1970–1980-е годы, получившие в постсоветской литературе название «застой». Рассматривается, как в условиях тоталитарного режима, запрета на свободное слово писатели выражают свою нравственную позицию через

эстетику самого текста. Текст в рассмотренных произведениях как русских, так и азербайджанских писателей становится носителем нравственности. Типологические параллели, проводимые между произведениями русских и азербайджанских авторов, позволяют выявить общность и различия нравственных параметров, продиктованных этническим, культурным своеобразием каждой из рассмотренных литератур.

Ключевые слова: современность; русская и азербайджанская проза; нравственность; эпоха «застоя».

Состояние литературы определяется преимущественным вниманием и интересом к проблемам современности. Этим литература становится необходимой для своих читателей, расширяя перед ними горизонты современной действительности. Выбор периода 1970–1980-х годов для анализа темы современности определяется в основном тем, что время тоталитаризма не благоприятствовало литературе в том, чтобы она могла быть полностью вовлечена в проблематику современности. Огосударствление всех идейных позиций ставило большие преграды между литературой и современностью. Призыв к освещению современности декларировался повсеместно, но фарисейство заключалось в том, что это был призыв к изображению заретушированной современности, содержащей лишь некоторые незначительные негативные моменты. Так, например, герои известных романов Ю. В. Бондарева рассматриваемого времени «Берег» [8], «Выбор» [9] и «Игра» [10] позволяют себе достаточно независимые от мнения большинства мысли, однако они не доходят до критики всей социально-политической системы советского общества. Тем не менее даже «дозированная» смелость литературы этих лет вносила свою лепту в культуру самостоятельного мышления в обществе. А литература, если не во всех произведениях, то в лучших из них старалась сохранить свой честный облик.

Проблема нравственности в азербайджанской и русской литературах имела огромное значение. Однако исследователи, прежде всего, имели в виду нравственную остроту конфликта, нравственные искания героев, нравственную проблематику произведений. Между тем нравственность произведения предполагает и качество самого текста, определяемое нравственностью автора-повествователя. Если с этих позиций рассматривать, например, повесть Максуда Ибрагимбекова «Кто поедет в Трускавец» [14], то можно увидеть, как волей автора его герой-волюнтарист превращается из человека-победителя в человека, терпящего поражение в любви.

В плане рассматриваемой проблемы весьма примечательным явлением стал роман Анара «Шестой этаж пятиэтажного дома» [3]. Свое понимание нравственности, противопоставленное обыденному, писатель выражает в образе главной героини Тахмины, которая вызывала упреки в отсутствии нравственности, присущей азербайджанской женщине. Но Тахмина, по существу, является единственно положительным персонажем романа, вызывающим своей личностью глубокое уважение. В сравнении с ней все остальные выглядят мелкими, не способными на поступок людьми. Роман этот был по достоинству оценен большей частью читателей и стал одним из самых читаемых произведений. Пьеса же, написанная на основе романа, по количеству зрителей побила все рекорды. Это означает, что между обыденным сознанием и глубинными уровнями нравственного сознания имеется зазор, возникший в результате их несовместимости и несогласия. На уровне обыденного

сознания азербайджанец без особого сопротивления принимает как должное определенные запреты в отношении поведения женщины, восхищается добродетелью женщины, принимающей на себя разные ограничения, касающиеся ее личной жизни. Но, с другой стороны, у этих же людей достаточно развито нравственное сознание, которое открыто и к пониманию униженности нераскрепощенности, к неперспективности многочисленных внешних запретов в области морали. Анар сумел активизировать по отношению к своему роману именно этот уровень азербайджанского сознания, что тут же дало результат – понимание и согласие с нравственностью произведения.

Нравственность – это многосложное образование с самыми разными уровнями понимания. Динамика духовной жизни общества определяется противоречиями между внешним слоем, больше определяемым наличными условиями жизни, и глубинным слоем, выводящим человека за пределы ограниченностей обыденной жизни. Поэтому можно говорить о произведениях, обращенных к внешнему слою нравственности, и произведениях, ориентированных на ее глубинный слой. То, что со знаком плюс превращено в предмет исследования в романе Анара «Шестой этаж пятиэтажного дома», в романе Василия Белова «Все впереди» [7] художественно изучено как кризисное явление. В этих произведениях один и тот же феномен рассмотрен в разных возможных последствиях, вытекающих из разных национально-культурных условий. У Анара Тахмина – личность, осознающая свою глубину. От нее исходят мощные силы бытия, тайны экзистенции, сокровенного существования. В своей неудовлетворенности собою и другими, в своем несоответствии наличной жизни, в своей проблемности для самой себя она становится проблемой и для других, особенно для молодого человека, которого любит, – Заура. В этих смятениях Тахмины есть прорыв в мир с другим измерением, однако, каков этот мир, ни она, ни мы, читатели, не знаем. Известно одно: этот мир не совместим с существующими «рамками» жизни. В романе Василия Белова «Все впереди» эмансипированная натура Любы раскрывается как причина усложнения мира мужчин. Медведев, в котором автор, по-видимому, усматривает воплощение русской природы, переживает полосу жизненных потрясений. Причина этого в его жене, ее нравственной неосмотрительности, а может, и безответственности. Спасает его от духовного разложения переоценка ценностей, выбор другого жизненного пути. На этом пути стремлению к материальному благополучию противопоставляется высокая духовность.

Художественные тексты отличаются друг от друга широким спектром нравственных характеристик: есть тексты-страдания, тексты-исповеди, тексты-презрения, тексты-созерцания и т. п. В 1970–1980-е годы как в Азербайджане, так и в России поступательное движение литературного процесса дает о себе знать в освоении всех этих возможностей текста. Например, повесть Мовлуда Сулейманлы «Мельница» [16] и его же роман «Голос» [17] могут быть квалифицированы в признаках текста-презрения. Когда мы говорим о тексте-презрении, конечно же, имеем в виду доминантность именно этого нравственного параметра. Как недоминантные в тексте наряду с этим могут быть самые различные нравственные характеристики.

«Мельница» М. Сулейманлы существенно отличалась от литературных текстов 1970-х годов, в которых демонстрировалось презрение к антиподам советского общества («коррупционерам», «цеховикам» и т. п.), представленное с государственных позиций. У М. Сулейманлы это презрение выражено в тексте с позиции рядового азербайджанца, то есть как бы очеловечено и поднято до уровня человеческой нравственности. Поэтому повесть в отличие от рядовых читателей была с неприязнью воспринята представителями господствующей официальной критики.

Роман М. Сулейманлы «Голос» в указанном аспекте стал продолжением повести «Мельница», но продолжением, написанным уже в 1980-е годы. Здесь объектом презрения становятся лабиринты большого городского дома (символически – города), в котором живут, каждый со свойственным ему «голосом», воры, спекулянты, взяточники и т. п. Перед нами возникает созданный в духе критического реализма образ городского мира, в котором каждый по-своему испорчен и в котором нищета духа и быта переплетены и неразрывно связаны друг с другом. Автор вводит в роман два образа, которые наблюдают за всем происходящим. Это Гаджи и собака. Гаджи – «носитель совести», разоблачитель. Но не в том смысле, что его высокая нравственность и гражданственность не позволяют ему мириться с людьми, творящими зло. В предельно коррумпированном обществе злу противостоит зло, только в другом облики, в образе Гаджи. И писатель находит нравственные устои не в образах людей, а в образе собаки. Именно этот образ, показывающий инстинктивную вражду собаки ко всякого рода нечистоплотным людям, создает нравственный баланс в романе. И еще один носитель нравственности в романе – Халей, человек с ущербной психикой. Отсюда мощное нравственное начало, которое пронизывает роман «Голос».

Лучшие азербайджанские писатели, такие как Анар, Эльчин, И. Гусейнов, Н. Расулзаде, М. Сулейманлы интуитивно или осознанно концентрировали внимание на сфере нравственности, избегая политических проблем, тем самым способствовали становлению нравственного облика самого текста. В русской прозе 1970–1980-х годов становление нравственного облика художественного текста приобретает еще более многогранный характер. Существенная причина этого в том, что в русской нравственной культуре диапазон нравственных разрешений намного шире, чем в азербайджанской. Так, например, отношение текста к изображаемой действительности, имеющее место в произведении Виктора Астафьева «Печальный детектив» [5], по крайней мере, в 1970–1980-х годах для азербайджанской литературы является немыслимым. Вдумаемся в это отношение. Текст «Печального детектива» с беспощадностью дает страшную в своей бездуховности, бедности, антиэстетичности действительность русского провинциального городка. Однако интонация его – это не интонация глубоко возмущенного человека, обвинителя и разоблачителя, не печальная интонация страдальца, хотя и называется повесть «Печальный детектив». Создается ощущение, что чувства повествователя от всего происходящего вокруг притуплены, а «печаль» дана без особых внешних проявлений и как бы находится где-то в глубинных слоях текста. Естественно, что «Печальный детектив» В. Астафьева выглядел предельно инородным по отношению к тому благополучию, которое провозглашалось официальной идеологией и находило

отражение в официальной прессе. Нужно помнить, что данное произведение появилось раньше, чем наступили времена гласности. Оно было напечатано в самом начале переломного времени и для некоторых последующих произведений послужило своеобразным сигналом.

Замечательным явлением в литературном процессе 1970-х годов стали и рассказы Василия Шукшина [18]. В них мир представлен хотя и в жестких, но окрашенных юмором красках. При этом сам текст представляет собой воплощенную суровость и безжалостность. Возникает это ощущение, на наш взгляд, отчасти потому, что рассказы В. Шукшина в описании мира и людей скупы на слова. В них мир, вещи и люди раскрываются в жестко отсеченных контурах, без особых психологических углублений. Русский человек в рассказах В. Шукшина, как правило, немногословен, суров, не любит излишней чувств. И тут возникает вопрос о том, действительно ли он таков или же именно эта ипостась русского человека интересна В. Шукшину для создания картины русского национального мира. Скорее всего, второе.

В рассказах В. Шукшина преобладала объектность, давались реалии современного мира в их естественных физических и нравственных качествах. Здесь же примат сознания переделывал мир в причудливые структуры, создавая тайну текста. У В. Астафьева, Б. Белова («Привычное дело», «Плотницкие рассказы»), В. Распутина («Пожар») отсутствие тайны текста компенсируется тайной мира, особенно мира русской природы, русской способности к поступкам и не-поступкам. В рассказах же, где авангардистски преобладает динамика повествовающего сознания, тайна текста становится важной целью художественного построения. Так, в рассказе «Темный лес» Евгения Попова [15] читателю предлагается ребус, заставляющий активизировать расшифровывающую способность восприятия. Свободное появление сознания повествователя в тексте открывает просторы для вторжения этого сознания с любым настроением в текст. А ведь эмоциональное состояние – это не только чисто психологические данные. Через него появляются и нравственные оценки, и нравственный настрой души. В рассказе «Темный лес» повествователь воспринимает мир с омерзением, с отвращением. Реалии окружающего мира даны в тексте как отвратительные, омерзительные, бездуховные взаимоотношения, и нет в них никакого просвета. Так же сделан, например, рассказ Светланы Василенко «Кто их полюбит» [12]. Здесь реальность воссоздана как грубый мир отвратительных реалий и мир людей, для которых одной из главных забот дня является желание выпить. Причем автор подает все это сквозь собственные ощущения, в которых главенствует чувство отвращения.

Возникает вопрос: в чем же смысл введения разных типов сознания, как, например, сознание повествователя, в литературный текст? Здесь коренятся существенные для художественного процесса 1970–1980-х годов явления. Официальная эстетика предполагала, что художник в тексте выступает носителем и хранителем «социалистической» духовности. В 1970-е, особенно со второй половины 1980-х годов все больше и больше этот канон официальной эстетики нарушается, а затем и полностью игнорируется. Между прочим, это направление в литературе противостояло другой художественной традиции, утверждающей, что если в произведении

отсутствует положительный персонаж, то положительным героем выступает сам писатель.

В рассматриваемые десятилетия в литературе удивительным образом сочетались реальные трудности жизни человека и общества с несгибаемым оптимизмом, повсеместно дающим о себе знать в средствах массовой информации. Казалось бы, что может быть лучше для человека, чем оптимизм, который может быть экстраполирован на идейную жизнь общества в целом? Таким путем идеи о совершенствовании человека и культуры в советском обществе в какой-то мере превращались в инструмент, с помощью которого подавлялись многие произведения искусства, раскрывавшие вопиющие проблемы человека и общества.

Идеология предзастойных годов и самого застоя предпочитала постановку реальных проблем в таком ракурсе, чтобы при этом ощущалась легкость их решения. В результате получалось, что любая проблема общества легко разрешима. Стоит государству и партии сосредоточить на них внимание, направить на них свою энергию, или же стоит центру с его высокими инстанциями получить о них сведения, как все образуется. Даже экологически нерадостные перспективы современного мира, угроза войны, экономические трудности собственной системы советской прессой 1970-х годов освещались большей частью в очень мягких и утешительных тонах.

С одной стороны, этот оптимизм, конечно же, служил ширмой для всяких беззаконий, происходящих в верхних эшелонах общества, и поддерживал авторитет руководства. Тем самым он становился коварным орудием лицемерия, всеобщего обмана, а значит, и орудием аморализма. С другой стороны, при трудностях жизни оптимизм, проповедуемый средствами массовой информации, создавал определенную иллюзию торжества справедливости, благополучия, которые наступят в конечном итоге. Хотя тут же надо добавить, что оптимизм, получив такой аргумент, сразу же использовал его для оправдания цензуры. Самое главное, оптимизм такого рода становится мощной цензурой для поисков человеческого духа, оправдывает запрет на всякий текст, в котором отсутствует светлое начало, надежда на благополучный исход. И, между прочим, требование к художнику – всегда оставлять надежду на благополучный исход (исключая смерть героя ради спасения советских людей, советской техники, советского престижа и т. п.) – изуродовало не одно произведение в советской литературе «застойного» периода. Однако многие тексты этого времени стремились квалифицироваться в таких нравственных признаках, как честность, достоинство, правдивость и т. п. вопреки официальным установкам. В Азербайджане «Шестой этаж пятиэтажного дома» Анара, «День казни» Юсифа Самедоглу в первой половине 1980-х были именно такими произведениями, которые полностью игнорировали этот надуманный оптимизм. В России также в застойные времена создавались произведения такого рода, но многие из них увидели свет лишь в эпоху гласности, появившись на волне «возвращенной литературы».

Штампы морализаторства, официального оптимизма были разрушены произведениями, в которых текст становился носителем нравственно неоднозначного сознания. Таким образом, литературный текст, который реализовал себя в разных нравственно-психологических типах сознания, вносил в культуру советского

общества значимое разнообразие, что сыграло свою роль в переходе к плюралистической культуре времен перестройки.

В процессе перестройки возникают благоприятные условия для развития литературы в данном направлении. Это относится, в основном, к России. В Азербайджане положение несколько отличается. Здесь и в 1970-е годы появлялось достаточное количество произведений, в которых нравственная особенность текста, текстового отношения к миру выходят за рамки, устанавливаемые официальной идеологией и эстетикой для литературного процесса. Однако сила традиционализма в культуре, большой нравственный ригоризм все-таки создавали определенные ограничения для текста в свободном проявлении нравственно-психологических возможностей.

Список использованных источников

1. Абрамов, Ф. Были-небыли // Огонек. – 1990. – № 13. – С. 13–15.
2. Азербайджанско-русские литературные взаимосвязи. Вопросы теории, истории, современной практики. – Баку: Элм, 1988. – 288 с.
3. Анар. Шестой этаж пятиэтажного дома. – Москва: Советский писатель, 1988. – 541 с.
4. Астафьев, В. Затеси // Астафьев В. Зрячий посох. Книга прозы. – Москва: Современник, 1988. – С. 271–590.
5. Астафьев, В. Печальный детектив // Роман-газета. – 1987. – № 5. – С. 5–128.
6. Байгушев, А. Романтика современности. Штрихи к эстетическому портрету литературы 80-х годов // Молодая гвардия. – 1982. – № 2. – С. 72–86.
7. Белов, В. Все впереди // Роман-газета. – 1987. – № 6. – С. 3–96.
8. Бондарев, Ю. Берег. – Москва: Советская Россия, 1986. – 397 с.
9. Бондарев, Ю. Выбор // Бондарев Ю. Собр. соч. в 6 т. Т. 5. – Москва: Художественная литература, 1986. – 623 с.
10. Бондарев, Ю. Игра. – Москва: Молодая гвардия, 1985. – 333 с.
11. Бондарев, Ю. Мгновения. – Москва: Современник, 1987. – 453 с.
12. Василенко, С. Кто их полюбит // Работница. – 1989. – № 10. – С. 12–18.
13. Гусейнов, Ч. Магомед, Мамед, Мамиш // Гусейнов Ч. Семейные тайны. – Москва: Известия, 1987. – С. 4–179.
14. Ибрагимбеков, М. Кто поедет в Трускавец // Ибрагимбеков М. И не было лучше брата. – Москва: Известия, 1983. – С. 106–177.
15. Попов, Е. Темный лес // Новый мир. 1989. № 10; Свиные шашлычки // Огонек. 1988. № 52.
16. Сулейманлы, М. Кочевье. Роман повести. – Москва: Советский писатель, 1986. – 272 с.
17. Сулейманлы, М. Голос // Азербайджан. – 1988. – № 1. – С. 5–96.
18. Шукшин, В. Рассказы. – Москва: Советский писатель, 1984. – 179 с.
19. Эльчин. Поле притяжения: Критика, проблемы и суждения. – Москва: Советский писатель, 1987. – 288 с.

References

1. Abramov, F. Byli-nebyli // Ogonek. – 1990. – № 13. – S. 13–15.
2. Azerbaidzhansko-russkie literaturnye vzaimosvyazi. Voprosy teorii, istorii, sovremennoi praktiki. – Baku: Elm, 1988. – 288 s.
3. Anar. Shestoi etazh pyatietazhnogo doma. – Moskva: Sovetskii pisatel', 1988. – 541 s.
4. Astaf'ev, V. Zatesi // Astaf'ev V. Zryachii posokh. Kniga prozy. – Moskva: Sovremennik, 1988. – S. 271–590.
5. Astaf'ev, V. Pechal'nyi detektiv // Roman-gazeta. – 1987. – № 5. – S. 5–128.
6. Baigushev, A. Romantika sovremennosti. Shtrikhi k esteticheskomu portretu literatury 80-kh godov // Molodaya gvardiya. – 1982. – № 2. – S. 72–86.
7. Belov, V. Vse vpered // Roman-gazeta. – 1987. – № 6. – S. 3–96.
8. Bondarev, Yu. Bereg. – Moskva: Sovetskaya Rossiya, 1986. – 397 s.
9. Bondarev, Yu. Vybor // Bondarev Yu. Sobr. soch. v 6 t. T. 5. – Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1986. – 623 s.
10. Bondarev, Yu. Igra. – Moskva: Molodaya gvardiya, 1985. – 333 s.
11. Bondarev, Yu. Mgnoveniya. – Moskva: Sovremennik, 1987. – 453 s.
12. Vasilenko, S. Kto ikh polyubit // Rabotnitsa. – 1989. – № 10. – S. 12–18.
13. Guseinov, Ch. Magomed, Mamed, Mamish // Guseinov Ch. Semeinye tainy. – Moskva: Izvestiya, 1987. – S. 4–179.
14. Ibragimbekov, M. Kto poedet v Truskavets // Ibragimbekov M. I ne bylo luchshe brata. – Moskva: Izvestiya, 1983. – S. 106–177.
15. Popov, E. Temnyi les // Novyi mir. 1989. № 10; Svine shashlychki // Ogonek. 1988. № 52.
16. Suleimanly, M. Kochev'e. Roman povesti. – Moskva: Sovetskii pisatel', 1986. – 272 s.
17. Suleimanly, M. Golos // Azerbaidzhan. – 1988. – № 1. – S. 5–96.
18. Shukshin, V. Rasskazy. – Moskva: Sovetskii pisatel', 1984. – 179 s.
19. El'chin. Pole prityazheniya: Kritika, problemy i suzhdeniya. – Moskva: Sovetskii pisatel', 1987. – 288 s.

UDC 81-11; 811.512.133

*Durdona Khudayberganova,
Doctor of Sciences, Professor*

*Zokhida Mukimova,
PhD;
Institute of Uzbek Language, Literature and Folklore of the
Academy of Sciences of Uzbekistan (Uzbekistan)
uztafi@academy.uz*

THEORY OF LINGUO-CULTURAL CODES AND UZBEK PROVERBS

Linguistic and cultural codes are the product of human categorization of the universe, in which, as mentioned above, human language is considered one of the most important exponents of cultural content. Linguocultural codes are reflected in such linguocultural units as proverbs, phraseological units, stable comparisons, metaphors, curses, blessings and spells, which reflect the figurative thinking of the people. In linguocultural codes, a person's ideas about the material and spiritual world, national thinking, and axiological views are clearly expressed. This article highlights the role and meaning of linguocultural codes on the example of Uzbek proverbs.

Keywords: linguoculturology; cultural code; linguocultural code; somatic code; temporal code; spatial code; subject code; spiritual code; biomorphic code.

杜尔多娜·霍代依别尔嘎诺娃

佐希达·穆基莫娃

语言文化代码理论与乌兹别克谚语

语言和文化代码是人类对宇宙进行分类的产物，如上所述，人类语言被认为是文化内容最重要的表征之一。语言文化代码体现在谚语、短语、稳定的比较、隐喻、诅咒、祝福和符咒等语言文化单位中，反映了人们的形象思维。在语言文化代码中，一个人对物质和精神世界的想法、民族思维和价值论观点都得到了清楚的表达。本文以乌兹别克谚语为例，着重阐述了语言文化代码的作用和意义。

关键词: 语言文化学；文化代码；语言文化代码；语义代码；时间代码；空间代码；主题代码；精神代码；生物形态代码。

Дурдона Худайберганова
Зохида Мукимова

ТЕОРИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ КОДОВ И УЗБЕКСКИЕ НАРОДНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ

Лингвокультурные коды являются продуктом категоризации человеком вселенной, при котором язык человека считается одним из важнейших выразителей культурного содержания. Лингвокультурные коды отражаются в таких лингвокультурных единицах, как пословицы, фразеологизмы, устойчивые сравнения, метафоры, проклятья, благословения и заклинания, которые отражают образное мышление народа. В лингвокультурных кодах ярко выражаются представления человека о материальном и духовном мире, национальное мышление, аксиологические взгляды. В этой статье рассматриваются роль и значение лингвокультурных кодов на примере узбекских пословиц.

Ключевые слова: лингвокультурология; культурный код; лингвокультурный код; соматический код; временной код; пространственный код; предметный код; духовный код; биоморфный код.

Лингвисты на разных этапах развития языкознания обращались к идее специфики языковой картины мира. Рассуждения В. фон Гумбольдта о том, что язык есть дух народа, теория Л. Вайсгербера о «языковой картине мира» [1] подготовили почву для становления антропоцентрического языкознания. В мировой лингвистике начиная с конца XX века укрепляется антропоцентрический подход к изучению языка, то есть исследование языка с учетом его носителя, национального менталитета, национальной культуры говорящего. В результате появились такие направления «антропоцентризма как прагмалингвистика, психолингвистика, социолингвистика, когнитивное языкознание, лингвокультурология» [2].

Общеизвестно, что лингвокультурология является отраслью, изучающей связь языка и культуры, этноса, национальной ментальности на основе принципов антропоцентрической парадигмы. В антропоцентрическом подходе «объекты науки, в первую очередь, изучаются с точки зрения важности для человека, его жизненной деятельности, развития личности» [3], ибо «языкознание XXI века не должно ограничиваться описанием языковых явлений», ведь «язык есть гордость народа, условие его существования, дух народа, показатель его национальной культуры. Закрепленные правила нравственности, ценности, свойственные национальному менталитету, особо ярко проявляются в устойчивых единицах языка. Ибо в устойчивых единицах сохраняются сформированные на протяжении веков культурные коды – образы общенационального характера» [4].

Лингвокультурологическая специфика определенного языка отражается в образцах устного народного творчества данного языка, афоризмах и поговорках, метафорах и сравнениях и др. Изучение народных пословиц в непосредственной связи с культурными кодами является одной из актуальных проблем узбекского языкознания.

Язык есть уникальное явление, передающее из поколения в поколение огромную культурную информацию. При этом он предстает и как продукт культуры, и

как один из его основных выразителей. Лингвокультурология, сформированная на стыке языкознания, культурологии, этнографии, психолингвистики и являющаяся продуктом интеграции наук, привнесла в науку ряд новых понятий: лингвокультурная единица, лингвокультурология, лингвокультурное сообщество, национально-культурная коннотативность, культурная сема, прецедентные единицы, языковое сознание, языковая картина мира, ценностная картина мира. Особое место в этом ряду занимают культурные коды.

Формирование трудно определяемых основных опорных кодов культуры требует много времени, впрочем, они редко меняются. По мнению некоторых исследователей, некоторые коды отдельных культур можно считать его константами, их исчезновение неизменно приводит к изменению или утрате культуры [5]. У каждой национальности есть «своеобразное видение, своеобразный порядок мышления, в целом своеобразный принцип мышления. Именно поэтому такие простые понятия, как “национальное сознание”, “национальное мышление”, “национальное чувство” вот уже несколько тысячелетий, дарят светлой душе человечества силу и охват. ...Язык, прежде всего, средство видения, слышания, познания мира» [6]. Жизненный опыт, знания, культура, накопленные определенным обществом, порождают своеобразную форму познания мира. Они показывают, как языковое сообщество видит и воспринимает мир. «Национальное видение мира и порядок мышления определенного народа» отражаются в «языковой картине мира данного народа» [7]. Как утверждает Ф. Усмонов, «понятие “национальный дух”, о котором так часто пишут известные философы и лингвисты, следует понимать как “национальный взгляд”. Национальный взгляд это – мир через призму культуры, это – не мировоззрение, а видение мира. Поэтому язык отражает не реальную, “примитивную” картину мира, а ценностное отношение к его составляющим. Язык передает будущему поколению эти национально-культурные знания народа с помощью лингвокультурных единиц» [4]. Влияние культуры на язык реализуется с помощью языковой личности, которая является «рычагом, реализующим влияние языка на культуру» [8]. Ибо языковая личность, несомненно, является представителем определенной культуры, «субъект культуры является носителем культурных кодов, точкой пересечения динамически меняющихся текстов» [9]. Следовательно, «любая разновидность речи – это результат деятельности человека определенной социально-культурной среды, имеющего психологические и когнитивные особенности» [10].

Комплекс привычных и обязательных методов познания мира, исторически сформированных и закрепленных в сознании каждого языкового сообщества, формирует языковую картину мира. Языковая картина мира – это совокупность универсальных и в то же время национально обусловленных методов познания о концептуализации мира. Основная функция языка – формирование и передача определенной информации с помощью знаков. Кроме того, в лингвокультурологии выделяются также функции: 1) хранения культурной информации и передачи ее следующему поколению в качестве наследия; 2) формирования языковой картины мира; 3) реализации межкультурной коммуникации. Согласно этим функциям, язык

является не только средством передачи и принятия информации, но и культурным кодом определенного народа, этноса.

Узбекское языкознание XXI века активно развивает направление, которое рассматривает язык не только как средство связи и познания, но и как культурный код народа. Язык может стать мостом к менталитету народа. Определение кодов культуры, скрывающихся в устойчивых единицах языка, и их правильное толкование является условием вступления в полноценную коммуникацию.

Знаки широко используются в различных отраслях науки и повседневной жизни. Причиной насыщения собственного мира человека знаками можно считать потребность в сжатой передаче информации, стремление к экономии. Передача информации в небольших по объему условных единицах – кодах – является универсальным средством вступления в коммуникацию.

Как утверждает американский психолог и бизнес-консультант К. Рапай, «коды определяют образы, связанные в нашем сознании с определенными понятиями», «для осмысления содержания образа, утвержденного в определенной культуре, необходимо постичь его код» [11]. «Коды культуры могут иметь разную материальную оболочку – иметь форму бытовых реалий, представителей флоры и фауны и других. В сознании человека они отражаются в виде знаний, представлений, ассоциаций» [12]. Следовательно, культурный код можно определить как комплекс основных понятий, ценностей и норм, отражающих культурные приоритеты.

В некоторых исследованиях авторы не разграничивают термины «код культуры» и «лингвокультурный код», тогда как лингвокультурный код является вербализованной формой кода культуры: «Известно, что в вербальном языке можно выразить все. Вербальный язык впитывает в себя образные коды культуры. При этом происходят изменения в плане выражения кода, а культурные коды, вербализуясь, превращаются в лингвокультурные коды» [13]. Поэтому нам представляется целесообразным называть коды культуры лингвокультурными кодами.

Этнокультурная коннотация лингвокультурных кодов в основном проявляется в тропах, сравнениях, устойчивых сочетаниях. С помощью лингвокультурных кодов осознаются нормы, ценности культуры. Национально-ментальные особенности народа, его ценности, национальное мышление ярко отражаются в лингвокультурных кодах.

В лингвокультурологии лингвокультурные коды признаются важнейшей составляющей языковой картины мира. По мнению В. Н. Телии, коды культуры – это вторичная система знаков, состоящая из различных материальных и формальных средств, используемая в целях кодирования определенного культурного содержания. Исследователи, занимающиеся изучением кодов культуры, очень часто ссылаются на образное определение русского лингвиста В. В. Красных, приведенное в его статье «Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору)». Как утверждает ученый, код культуры можно представить как сетку, набрасываемую на окружающий мир. Эта «сетка» нашего мышления членит, категоризирует, структурирует и оценивает окружающий мир [14]. Коды культуры являются ключом к пониманию культуры, они помогают определить закодированную культурную информацию.

Исходя из научных определений и толкований кодов культуры можно утверждать, что данный термин обозначает систему материальных или идеальных знаков, символически выражающих определенное культурное содержание. Лингвокультурные коды – продукт процесса категоризации человеком окружающего мира, при котором, как было указано выше, язык человека считается одним из важнейших выразителей культурного содержания. Лингвокультурные коды в языке в основном отражаются в лингвокультурных кодах – пословицах, фразеологизмах, устойчивых сравнениях, метафорах, проклятьях, заклинаниях, благословениях, репрезентирующих образное мышление народа. В лингвокультурных кодах отражаются представления людей о материальном и духовном мире, национальное мышление.

В научной литературе в качестве разновидностей лингвокультурных кодов указываются соматический, пространственный, темпоральный, предметный, биоморфный, духовный, антропоморфный, космологический, код войны, медицинский код, архитектурный, спортивный, геометрический, гастрономический, код одежды, мифологический код, теоморфный, цветовой. Некоторые исследователи зооморфный и фитоморфный коды считают разновидностью биоморфного кода, биоморфный код иногда именуется ботаническим-ландшафтным кодом.

В лингвокультурологии для разграничения основных видов лингвокультурных кодов руководствуются классификацией В. В. Красных, который основными видами кодов культуры признает соматический, пространственный, темпоральный, предметный, биоморфный, культурный коды. По его мнению, содержание, выраженное в данных кодах, представляет первичные примитивные представления о строении вселенной.

Изучение вселенной человек начинает с самопознания. Это была первая попытка культуризации мира. Сначала человек характеризовал вселенную исходя из собственных ощущений (например, *тоғнинг боши* (голова горы) позже таким образом характеризует и себя (например, *Бош омон бўлса, дўпти топилади* (будь голова цела, тубетейка найдется)). В этом случае названия органов человеческого тела имели символический (переносный) смысл. В. В. Красных в качестве примера приводит устойчивые сочетания ‘считать по головам’, ‘на ее плечах лежала большая ответственность’, ‘не хватает рабочих рук’, в которых слова *голова*, *плечи*, *руки* имеют значение ‘человек’.

В результате эволюции человеческого мышления некоторые соматические коды превратились в пространственные коды. При этом ученый обосновывает это тем, что сердце человека воспринимается как локация чувств, а голова – мыслей, что находит свое отражение в ряде фразеологизмов. Это наблюдается в лингвокультуре многих народов мира, в частности в узбекском языке. Известно, что одна из семем лексем *ич* является синонимом соматизмов *юрак*, *кўнгил*, *қалб*, *дил*. С. Икромова указывает на то, что лексема *ич* выступает в качестве опорного компонента во фразеологизмах *ичи ачиди*, *ичига солмоқ*, *ичига ютмоқ*, *ичини бўшатмоқ*, *ичини ит тирнади*, *ичи қизимоқ*, *ичи тошмоқ*, *ич-этини емоқ*; она служит образному выражению ситуаций, связанных с человеческой психологией и обозначающих пространство: фразеологизмы *ичи ачиди* (внутри защемило), *ичига солмоқ* (класть во

внутри), *ичига ютмоқ* (глотать во внутрь), *ичини ит тирнади* (внутри собаки скребут), *ич-этини емоқ* (съесть нутро) обозначают душевное страдание; *ичини бўшатмоқ* – душевное облегчение; *ичи тошди* (внутри переполнилось), *ичи қизиди* (внутри закипело) – нетерпеливость. Исследователь также обращает внимание, что лексема *ич* в узбекской языковой картине мира выражает душевное пространство.

Пространственный код в лингвокультурологии также считается одним из основных кодов. Онтологически связан с темпоральным кодом, поскольку понятия времени и пространства в человеческом сознании воспринимаются ассоциативно и взаимотребуют друг друга. Пространственный код связан с семантическими оппозициями *свой – чужой*, *далеко – близко*, *высоко – низко*, *восток – запад* и является продуктом членения человеком вселенной.

Представления человека о флоре и фауне отражаются в биоморфных кодах. Как утверждает В. В. Красных, большинство эталонов в различных лингвокультурах появляются как продукт биоморфных кодов. Это наблюдается в узбекских эталонах *муравей* (символ трудолюбия), *лиса* (символ хитрости), *лев* (символ храбрости), *осел* (символ глупости).

Предметные коды появляются в результате приобретения бытовыми предметами символических значений: слова *қозон*, *чўмич*, *кўрпа*, *белбоғ*, *тўн*, *галвир* в составе таких выражений, как *қозонда бори чўмичга чиқади* (что есть в казане, то и в половнике), *шоҳи кўрпага бўз ямоқ* (бархатному курпа (покрывалу) заплатка из бязи), *белида белбоғи бор* (с кушаком на поясе), *тўнини тескари киймоқ* (одевать халат наизнанку), *галвирни сувдан кўтармоқ* (поднять сито из воды) демонстрируют, каким образом понятия о бытовых предметах выступают средством выражения действительности и социальных отношений у представителей узбекской лингвокультуры.

Духовный код отражает такие культурные оппозиции, как *хороший – плохой*, *красивый – безобразный*, *высокий – низкий*, нравственные или религиозные ценности народа. По мнению В. В. Масловой, духовный код имеет онтологическую природу, оценка и выражение отношения являются его основными признаками. В вербальном выражении предметные коды очень часто сочетаются с культурными кодами. Например: *Она юртинг – олтин бешик* (Родина – колыбель золотая); *Дастурхонга боққан дўст эмас* (Тот, кто смотрит на твоё угощение, – не друг); *соясига кўрпача солмоқ* (стелить курпачу под тень кого-либо – подхалимничать).

Следует отметить, что научные взгляды о кодах культуры, сформированные в русском языкознании, оказывают влияние и на другие научные традиции. В узбекском языкознании малоизучены коды культуры. В толковом словаре лингвокультурологических терминов представлены такие термины, как «коды культуры», «соматический код», «временной код», «пространственный код», «предметный код», «духовный код», «биоморфный код». В исследовании С. Икромовой, посвященном лингвокультурологическим особенностям выражения категории пространства в языковой картине мира, проанализированы лишь некоторые коды, сформированные с помощью фразеологизмов.

В узбекских пословицах широко используются культурные коды общенационального характера; в узбекских народных пословицах встречаются практически все виды лингвокультурных кодов, выделенных в лингвокультурологии.

В узбекских народных пословицах такие слова, как *арслон*, *эчки*, *қарға*, *тойча*, *ари*, *илон*, *ит*, *бўри*, *эшак*, *сичқон* выполняют функцию лингвокультурологической основы в метафорическом выражении заключений, сформированных как результат опыта народа. Например: *Ҳар тойча ўзи сув ичган булогини мақтар* (Каждый жеребенок хвалит родник, из которого пьет воду); *Юки енгил эшак етагон бўлар* (Осел, у которого груз легкий, много лежит); *Арслон боласи арслон бўлур, Сичқон боласи – сичқон* (Дитя тигра – тигренок, дитя мыши – мышонок); *Арслоннинг ўлиги – сичқоннинг тириги* (Мертвый тигр – живая мышь); *Гўнқарға бўлиб минг йил яшагандан, Шер бўлиб бир йил яшаган афзал* (Лучше жить один год львом, чем тысячу лет грачом); *Эчки юзга етмас, Юзга етса ҳам кузга етмас* (Коза не доживет до ста, а даже если доживет, то не доживет до осени); *Подшоҳ қарға бўлса, еганинг гўнг бўлар* (Если твой начальник ворон, то есть будешь навоз); *Емон илон тегиримон бошида айланар* (Плохая змея крутится вокруг мельницы); *Бургага аччиқ қилиб, кўрпага ўт қўйма* (Обидевшись на блоху, постель не сжигают); *Ит ҳураар, карвон ўтар* (Собака лает, а караван идет). Основное условие постижения их – понимание сути кодов.

В зооморфных кодах в народных пословицах можно увидеть, как узбекский народ ценит трудолюбие. В частности, в пословице *Ари захрин чекмаган Бол қадрини билмас* (Тот, кто не пробовал пчелиного яда, не знает цену меда) слово *ари* выражает трудолюбие, *бол* является символом благосостояния. С помощью зооморфного кода *ари* и предметного кода *бол* утверждается, что трудолюбие, честность являются достоинствами человека. Как известно, пчелы не спят зимой. Зимой растения не цветут, поэтому пчелы все лето работают без усталости, собирают много меда. «Не зря в нашем народе трудолюбие пчел превратилось в пословицу. Она летает со скоростью 60 км/ч, ежедневно садится примерно на 7 тысяч цветов» [15].

В пословице *Бировнинг юртида бек бўлгунча, Ўзингнинг юртингда ит бўл* (Лучше быть собакой на родине, чем беком на чужбине) с помощью зооморфного кода *ит* утверждается, что свобода превыше всякого богатства, должности. Известно, что собака обычно живет в конуре в углу двора. Собака хоть и живет на крыльце, зато она свободна в доме своего хозяина. Подобный смысл в узбекском языке выражается с помощью зооморфного кода *този*: *Ўзга юртнинг қозиси бўлгандан, Ўз юртингнинг тозиси бўл* (Лучше быть собакой на родине, чем казием на чужбине).

Узбекский народ уделяет огромное внимание воспитанию детей. В пословице *Мол боқсанг, оғзи-бурнинг – мой, Бўри боқсанг, оғзи-бурнинг* (Если кормить скотину, рот и нос будут набиты маслом, если кормить волка, рот и нос будут в крови) культурные коды *мол*, *бўри* входят в одну группу, то есть в группу зооморфных кодов. В пословице *мол* выражает тихого, кроткого человека, а *бўри* – жестокого, злого человека. В переносном значении пословица гласит, что, если вырастишь воспитанного ребенка, жизнь твоя будет хорошей, а если вырастишь невоспитанного ребенка, тебя ждут неприятности.

В узбекских народных пословицах также часто используются биоморфные коды. При этом такие слова, как *дарахт*, *терах*, *тол*, *бугдой*, *чинор*, *дўлана*, *олма*, *чиллаки* (*узум*), *ўрик*, *қовун* являются средством выражения определенного лингвокультурного содержания. Например: *Дарахт бир жойда кўкаради* (Дерево зеленеет в одном месте); *Чинордек бўйинг бўлгунча, Тумордек ақлинг бўлсин* (Лучше иметь мозги с амулет, чем рост как у чинары); *Қорамик донаси бўлгунча, Бугдой нинг сомони бўл* (Чем быть зерном тысячеголова, будь мякиной пшеницы); *Олма олмадан ранг олар* (Яблоко берет цвет у другого яблока); *Чиллаки чиллакини кўриб чумак уради* (Виноград краснеет от другого винограда). В пословице *Дўланани кўрганда тоғ эсингдан чиқмасин* (При виде боярышника не забывай о горе) с помощью биоморфного кода *дўлана* и пространственного кода *тоғ* констатируется, что, достигнув цели, нельзя забывать людей, которые тебе помогли в этом. В пословице *Магиз аччиқ бўлса, нўстига ҳам урар* (Если ядро горькое, то горечь передается и на косточку) слово *магиз* является символом ребенка, а *нўст* – символом родителей. С помощью этого сравнения передается следующее содержание: в узбекском народе ошибка детей, один неверный шаг может стать укором для родителей, люди могут проклинать их за проступки детей. С помощью биоморфных кодов *ўрик* и *данак* выражается детолюбие народа, любовь к внукам, которая иногда даже сильнее любви к собственным детям: *Ўригидан данаги ширин* (Ядро вкуснее урюка).

В народных пословицах слова *ариқ*, *даре*, *ирмоқ*, *сув*, *тош*, *бўрон*, *зилзила* реализуются в качестве природных кодов. Например: *Бирлашган даре бўлар, Тарқалган ирмоқ бўлар* (Вместе рекой быть, а врозь – ручейками); *Халқ пуфласа – бўрон бўлар, Халқ тепинса – зилзила* (Народ дунет – поднимется буря, народ пнет – будет землетрясение).

В пословице *Халқ – тош, амалдор – сув* (Народ – камень, а чиновник – вода) слово *тош* (камень) – твердое вещество, то есть это непобедимая сила; а чиновник – *сув* (вода) – жидкое вещество, то есть одинок. В пословице с помощью образа камня возвеличивается сплоченность, единство, а с помощью символа воды подчеркивается брэнность, непостоянство должности, чина (должность, как и вода, непостоянна). А с помощью символического образа воды реализуется мечта народа о справедливом чиновнике. Известно, что в произведении Юсуфа Хос Ходжиба «Кутадгу билиг» («Благодатное знание») вода возвеличивается в качестве символа справедливости: *Зулм – ениб турган ўт, адолат – оқиб турган сув* (Гнет – горящее пламя, справедливость – бегущая река). Следовательно, в данной пословице образ воды можно понять двояко: первое – это образ немогности, а второе – величество.

В узбекских народных пословицах также велика роль пространственного кода. В узбекской лингвокультуре такие слова, как *уя*, *боғ*, *тоғ*, *бозор*, *юрт* очень часто используются в качестве пространственного кода. Например: *Куш уясида кўрганини қилади* (Птица делает то, что видит в своем гнезде), *Отанг – бозор, онанг – бозор* (Мать – базар, отец – базар).

В пословице *Боқсанг – боғ, боқмасанг – тоғ* пространственные коды *тоғ*, *боғ* являются основным средством в формировании содержания пословицы. В данной пословице *боғ* (сад) является символом цветника (место, у которого есть владелец), *тоғ* (гора) – каменистой местности (*тиканзор* – место, у которого нет владельца).

С помощью культурных кодов *тоғ* и *боғ* возвеличивается благоустройство того или иного пространства, вкладывание в него труда. То есть с помощью культурных кодов *тоғ* и *боғ* наш народ обосновывает идею «кто не работает, тот не ест». В пословицах *Богбонга тоғ ярашмас, Биебонга – боғ* (Садовнику не к лицу гора, а степи – сад); *Богни боқсанг – боғ бўлур, Ботмон даҳсар ег бўлур* (Если ухаживать за садом, он будет садом, принесет много масла); *Ариқ қазимасанг, отизга сув чиқмас* (Если не рыть арык, вода в поля не поступет) также воплощается суть пословицы *Боқсанг – боғ, боқмасанг – тоғ* (Будешь ухаживать – сад, не будешь ухаживать – гора).

Особо следует отметить, что иногда в пословицах наблюдается повторение лингвокультурных кодов. В частности, *Атлас ямоғи – атласга, Шол ямоғи – шолга* (Атласная заплата – атласу, а шелковая – шелку); *Гул – гулга, Тикан – тиканга* (Цветок – цветку, колючка – колючке); *Тоғ тоғ билан учрашмайди, одам одам билан учрашади* (Гора с горой не встречается, а человек с человеком встречается).

В целом, как правильно отмечает Н. Махмудов, «каждый народ имеет свой особый образ видения, особый порядок мышления, в целом специфический принцип мышления» [16]. Образное мышление узбекского народа, его мировоззрение, образ жизни, ценности, характер, убеждения и традиции ярко отражаются в лингвокультурных кодах, выраженных в пословицах. Общие по тематике пословицы отличаются неповторимостью образов, обеспечивающих уникальную национально-культурную окраску.

Теорией кодов культуры можно руководствоваться при исследовании узбекской языковой картины мира, эволюции законов, свойственных национальному мышлению. В то же время следует отметить, что коды культуры, в первую очередь, связаны с национально-культурными особенностями народа. В силу этого ее следует изучать с учетом природы языка, в центре внимания исследователей должны быть мифологические представления народа, национальные ценности, обычаи и верования.

Список использованных источников²

1. Худойберганова, Д. Тил. Тафаккур. Маданият. – Тошкент: «Nodirabegim» нашриети, 2020. – Б. 4.
2. Сафаров Ш. Когнитив тилшунослик. – Жиззах: Сангзор, 2006; Худойберганова Д. Матнинг антропоцентрик тадқиқи. – Тошкент: «Фан», 2013; Худойберганова Д. Ўзбек тилидаги бадий матнларнинг антропоцентрик талқини: Филол. фан. док. ... дисс. – Тошкент, 2015. – Б. 6; Usmonova Sh. Lingvokulturologiya. – Toshkent, 2019. – В. 12–13.
3. Токарев, Г. В. Лингвокультурология. – Тула: Издательство ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2009. – С. 6.
4. Усмонов, Ф. Ўзбек тилидаги ўхшатишларнинг лингвомаданий тадқиқи: Филол. фан. бўйича фалсафа д-ри (PhD). дисс. – Андижон, 2019. – Б. 13.

² Список использованных источников для данной статьи, а также ссылки на него в тексте представлены в авторской редакции. – *Ред. журнала.*

5. Аванесова, Г. А., Купцова, И. А. Коды культуры: понимание сущности, функциональная роль в культурной практике // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по материалам XLVII Международ. науч.-практ. конф. – № 4 (47). – Новосибирск: СибАК, 2015.
6. Маҳмудов, Н. Тилимизнинг тилла сандиғи. – Тошкент: Ғафур Ғулом номидаги нашрият-матбаа ижодий уйи, 2012. – Б. 10.
7. Маҳмудов, Н. Оламнинг лисоний манзараси ва сўз ўзлаштириш // Ўзбек тили ва адабиети. – Тошкент, 2015. – № 3. – Б. 6.
8. Иванова, С. В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц: дисс. ... док. филол. наук. – Уфа, 2003. – С. 46.
9. Культурология. Энциклопедия.– М.: РОССПЭН, 2007. – Том I. – С. 195.
10. Худойберганаева, Д. Ўзбек тилидаги бадиий матнларнинг антропоцентрик талқини: Филол. фан. д-ри ... дисс. – Тошкент, 2015. – Б. 28.
11. Рапай, К. Культурный код. Как мы живем, что покупаем и почему. – М.: Юнайтед Пресс, 2010. – 168 с.
12. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – С. 169.
13. Савицкий, В. М. Лингвокультурные коды: к обоснованию понятия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – № 2. – С. 57.
14. Красных, В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. – М.: МАКС Пресс, 2001. – С. 6.
15. Болалар энциклопедияси. – Тошкент: «Ўзбекистон миллий энциклопедияси» Давлат илмий нашриети, 2018. – В. 58.
16. Маҳмудов, Н. Тилимизнинг тилла сандиғи. – Тошкент: Ғафур Ғулом номидаги нашрият-матбаа ижодий уйи, 2012. – Б. 10.

References

1. Xudoyberganova, D. Til. Tafakkur. Madaniyat. – Toshkent: «Nodirabegim» nashriyoti, 2020. – B. 4.
2. Safarov Sh. Kognitivtilshunoslik. – Jizzax: Sangzor, 2006; Xudoyberganova D. Matnning antroposentrik tadqiqi. – Toshkent: «Fan», 2013; Xudoyberganova D. O‘zbek tilidagi badiiy matnlarning antroposentrik talqini: Filol. fan. dok. ... diss. – Toshkent, 2015. – B. 6; Usmonova Sh. Lingvokulturologiya. – Toshkent, 2019. – B. 12-13.
3. Tokarev, G. V. Lingvokul’turologiya. – Tula: Izdatel’stvo TGPU im. L. N. Tolstogo, 2009. – S. 6.
4. Usmonov, F. O‘zbektilidagi o‘xshatishlarning lingvomadaniyat tadqiqi: Filol. fan. bo‘yicha falsafa d-ri (PhD). disc. – Andijon, 2019. – B. 13.
5. Avanesova, G. A., Kuptsova, I. A. Kody kul’tury: ponimanie sushchnosti, funktsional’naya rol’ v kul’turnoi praktike // V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul’turologii: sb. st. po materialam XLVII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – № 4 (47). – Novosibirsk: SibAK, 2015.
6. Mahmudov, N. Tilimizning tilla sandig‘i. – Toshkent: G‘afur G‘ulom nomidagi nashriyot-matbaa ijodiy uyi, 2012. – B. 10.
7. Mahmudov, N. Olamning lisoniy manzarasi va so‘z o‘zlashtirish // O‘zbek tili va adabiyoti. – Toshkent, 2015. – № 3. – B. 6.
8. Ivanova, S. V. Lingvokul’turologicheskii aspect issledovaniya yazykovykh edinit: Diss. ... dok. filol. nauk. – Ufa, 2003. – S. 46.
9. Kul’turologiya. Entsiklopediya. – M.: ROSSPEN, 2007. – Tom I. – S. 195.
10. Xudoyberganova, D. O‘zbek tilidagi badiiy matnlarning antroposentrik talqini: Filol. fan. d-ri ... diss. – Toshkent, 2015. – B. 28.
11. Rapai, K. Kul’turny kod. Kak my zhivem, chto pokupaem i pochemu. – M.: Yunaited Press, 2010. – 168 s.
12. Kovshova, M. L. Lingvokul’turologicheskii metod vo frazeologii. Kody kul’tury. Izd. 2-e. – M.: Knizhnyidom «LIBROKOM», 2013. – S. 169.
13. Savitskii, V.M. Lingvokul’turnye kody: k obosnovaniyu ponyatiya // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. – № 2. – S. 57.
14. Krasnykh, V. V. Kody i etalony kul’tury (priglasenie k razgovoru) // Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: sb. statei. – M.: MAKS Press, 2001. – S. 6.
15. Bolalar ensiklopediyasi. – Toshkent: «O‘zbekiston milliy ensiklopediyasi» Davlat ilmiy nashriyoti, 2018. – B. 58.
16. Mahmudov, N. Tilimizning tilla sandig‘i. – Toshkent: G‘afur G‘ulom nomidagi nashriyot-matbaa ijodiy uyi, 2012. – B. 10.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ НОМЕРА 作者信息

Борзенко Дарья – специалист отдела регистрации и содействия коммерциализации промышленной собственности Национального центра интеллектуальной собственности (Беларусь). Автор нескольких публикаций в сборниках научных статей и материалов конференций, которые издавались в Беларуси, Китае, России, Украине. Сфера научных интересов включает современные подходы к развитию правовой теории и юридической практики в разных странах мира, актуальные методики расследования уголовных преступлений, отдельные аспекты международного публичного права и др.

博尔岑科·达里娅 – 白俄罗斯国家知识产权中心工业产权商业化部门专家。在白俄罗斯、俄罗斯和乌克兰等国发表学术论文或会议论文多篇。研究领域包括世界各地法学理论发展、现代法学实践与方法、刑事侦查学等。

Ершова Ольга – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России Белорусского государственного университета (Беларусь). Автор более 100 научных статей, двух учебных пособий по истории России XIX – начала XX века, учебного пособия по истории образования. Сфера научных интересов: история образования в Беларуси во второй половине XIX – начале XX века, социальная история России XIX – начала XX века, история Белорусского государственного университета в персоналиях.

埃尔绍娃·奥尔加 – 历史学副博士，白俄罗斯国立大学俄罗斯历史系副教授。发表学术论文 100 多篇，教科书 3 部。研究领域包括白俄罗斯教育史、俄罗斯社会史、白俄罗斯国立大学人物史等。

Искендерова Нигяр Валиш гызы – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры иностранных языков Сумгаитского государственного университета (Азербайджан). Сфера исследовательский интересов – литература США. Автор ряда работ по изучению вопросов национальной идентичности, истории литературы США.

伊斯肯德洛娃·尼加尔·瓦利什·吉兹 – 语言学博士，阿塞拜疆苏姆盖特国立大学外语教研室教授。研究领域为美国文学，发表多部关于民族认同和美国文学史等著作。

Кунина Ирина – кандидат политологических наук, доцент; преподает в Азербайджанском университете языков (Баку, Азербайджан).

库尼娜·伊丽娜 – 政治学副博士，副教授；阿塞拜疆语言大学教师。

Мартысюк Павел – доктор философских наук, доктор культурологии, профессор Минского филиала Российского государственного экономического университета имени Г. В. Плеханова. Автор более 170 научно-теоретических и учебно-методических публикаций, в том числе 10 монографий, посвященных основным проблемам гуманитарного знания. Сфера научных интересов: нелинейная динамика культуры; механизмы трансляции знаковых структур мифа в диахроническом и синхроническом аспектах культуры; природа творческой деятельности; правовая этика и ее аксиологические ориентиры в системе взаимодействия права и морали.

马尔蒂修克·帕维尔 – 哲学博士、文化学博士，俄罗斯国立经济大学明斯克分校教授。发表学术论文 170 多篇，专著 10 部。研究领域包括文化的非线性动态研究，神话的标志性结构翻译机制研究，创作活动性质研究，法律伦理学等。

Мукимова Зохида – кандидат филологических наук; сотрудник Института узбекского языка, литературы и фольклора Академии наук Республики Узбекистан.

穆基莫娃·佐希达 – 语言学副博士，乌兹别克斯坦国家科学院乌兹别克语言、文学和民俗学研究所研究成员。

Наджиева Флора Султан гызы – доктор филологических наук, профессор; преподает в Бакинском славянском университете на кафедре теории литературы и мировой литературы (Азербайджан). Сфера научных интересов: теория литературы, компаративистика. Автор ряда работ по сравнительному изучению русской и азербайджанской литератур.

纳吉耶娃·弗洛拉·苏丹·吉兹 – 语言学博士，教授；阿塞拜疆巴库斯拉夫大学文学理论和世界文学教研室教师。研究领域包括文学理论和比较研究，发表多部关于俄罗斯和阿塞拜疆文学比较研究等领域著作。

Пироженко Виктор – кандидат философских наук; эксперт Мультикультурного исследовательского центра Университета Хучжоу. Автор более 300 научных и публицистических статей, опубликованных в изданиях Украины, России, Китая. Работал в аппарате Верховного Совета Украины, консультантом первого секретаря Коммунистической партии Украины, экспертом СНБО, обозревателем газеты «Известия» (Россия).

彼洛仁科·维克多 – 湖州师范学院跨文化研究中心特聘专家。在乌克兰、俄罗斯、中国等国家发表学术论文、政论文章 300 多篇。曾担任乌克兰议会顾问、乌克兰共产党第一书记顾问、乌克兰国家安全和国防委员会特聘专家，俄罗斯《消息报》专栏作家。

Пироженко Лидия – доктор педагогических наук, профессор; эксперт Мультикультурного исследовательского центра Университета Хучжоу. Автор около 200 научных трудов, опубликованных в научных изданиях Азербайджана, Беларуси, Украины, России; монографий по истории теории образования в Украине во второй половине XX века. Сфера научных интересов: история педагогики и образования Украины XX века, теория и методика школьного образования, сравнительная педагогика. Работала заведующим международным отделом, главным научным сотрудником отдела истории педагогики Института педагогики Академии педагогических наук Украины.

彼洛仁科·莉迪娅 – 教育学博士，教授，湖州师范学院跨文化研究中心特聘专家。在乌克兰、俄罗斯、阿塞拜疆等国家发表学术论文 200 余篇，专著 1 部。研究领域包括 20 世纪乌克兰教育学与教育史、学校教育理论与方法、比较教育学等。曾担任乌克兰教育科学院教育学院国际部主任、教育学历史部主任。

Снапковская Светлана – доктор педагогических наук, доктор исторических наук, профессор; работает на факультете социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь). Отличник образования Республики Беларусь, Заслуженный работник Белорусского государственного университета. Автор более 300 научных работ, в том числе 8 монографий, 12 учебников, учебных пособий и брошюр, а также более 200 статей о различных аспектах этнической и культурной идентичности белорусов. Область научных интересов включает историю и теорию педагогики, проблемы культуры и образования, межкультурной коммуникации и идентичности в Беларуси, России, Польше.

斯内普科夫斯卡娅·斯维特拉娜 – 教育学、历史学双博士，白俄罗斯国立大学社会文化传播学院教授。白俄罗斯共和国教育卓越奖获得者，白俄罗斯国立大学荣誉工作者。发表学术论文 300 多篇，专著 8 部，教科书 12 部。研究领域包括教育史和理论、文化与教育问题、跨文化交流、身份认同等。

Фурса Ирина – кандидат философских наук; консультант Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь. Автор более 60 научных и научно-методических работ. Сфера научных интересов: философия образования, теории развития общества, научная аттестация.

福尔萨·伊丽娜 – 哲学副博士；白俄罗斯共和国高级鉴定委员会顾问。发表学术论文 60 多篇。研究领域包括教育哲学、社会发展理论等。

Худайбергана Дурдона – доктор филологических наук, профессор; работает в Институте узбекского языка, литературы и фольклора Академии наук Республики Узбекистан. Сфера научных интересов: лингвокультурология, культура, терминология.
霍代依别尔嘎诺娃·杜尔多娜 – 语言学博士，教授；乌兹别克斯坦国家科学院乌兹别克语言、文学和民俗学研究所研究成员。研究领域包括语言文字学、文化和术语学等。

Шевлякова-Борзенко Ирина – кандидат филологических наук, доцент; эксперт Мультикультурного исследовательского центра Университета Хучжоу (КНР); участник ряда международных научно-исследовательских проектов. Сфера научных интересов: анализ, оценка состояния, концептуально-методологические основы проектирования современных образовательных систем; оценка качества образования; моделирование и реализация кросс-культурного образовательного процесса; научно-методическое обеспечение непрерывного литературного образования; типы литературного творчества в динамике художественных эпох; трансформации художественной идентичности в контексте процессов национальной самоидентификации и др. Автор более 300 научных и методических работ, издала четыре сборника литературоведческих статей и литературно-критических рецензий. Статьи были переведены на английский, немецкий, польский, турецкий, украинский языки, печатались в Беларуси, Австрии, Азербайджане, Венгрии, Китае, Польше, России, Турции, Украине.

沙利娅科娃-巴赞卡·伊丽娜 – лингвистический доктор, доцент, литературный критик, белорусский писатель, член Союза писателей, приглашенный эксперт Института межкультурных исследований Чжуншаньского педагогического колледжа. Опубликовала более 300 научных статей, выпустила четыре сборника литературоведческих статей и литературно-критических рецензий. Статьи были переведены на английский, немецкий, польский, турецкий, украинский языки, печатались в Беларуси, Австрии, Азербайджане, Венгрии, Китае, Польше, России, Турции, Украине.

跨文化研究中心简介

为响应和服务“一带一路”倡议，进一步推动阿塞拜疆语言大学孔子学院与浙江省“一带一路”重大项目建设，深入探索高校建设跨国别、跨文化综合研究平台的有效模式和可行性路径，对“一带一路”沿线重点俄语国家进行多领域的前瞻性国别与区域研究，打造“一带一路”学术交流平台，增强中国作为“一带一路”倡议国的引领示范作用与国际影响力，2017年12月湖州师范学院、中国社会科学院信息情报研究院、阿塞拜疆语言大学、白俄罗斯教育科学院、乌克兰教育科学院共同成立了跨文化研究中心。

跨文化研究中心将目标定位于打造区域与国别研究基地、建立学术思想与研究智库、建设教育文化交流中心以及搭建经贸合作服务平台。首先，中心将立足国内，重点聚焦阿塞拜疆、白俄罗斯、乌克兰三个“一带一路”沿线核心俄语国家，逐渐辐射至沿线其他俄语国家，积极联合目标国家与国内有影响力的高校、科研院所在各研究方面的优势与特色，开展多学科综合研究，努力培养“一带一路”沿线俄语国家相关领域研究人才，努力建成教育部国别和区域研究基地；其次，按照教育部《中国特色新型高校智库建设推进计划》要求，以“民间为主、政府参与、坦诚对话、凝聚共识”为宗旨，以“一带一路”沿线俄语国家为对象，围绕双边战略问题和重点、热点、难点问题，加强人才队伍建设，开展前沿的学术研究，打造相关学术研究与人才智库；再次，以学校俄语专业、历史学、国际商贸、涉外旅游、艺术、中国传统文化等相关学科为主体，阿塞拜疆语言大学孔子学院为核心交流平台，大力推动与“一带一路”沿线俄语国家高校、相关机构间师资互派、艺术巡演、长短期学生交换互访等交流活动，打造服务“一带一路”倡议的教育文化交流品牌；最后，依托国家发改委“一带一路”重点项目、湖州市“十三五”规划“六重”平台与湖州作为“世界丝绸之源”、国际生态文明先行示范区等特色经济社会优势，提供信息咨询等服务，推动浙江省及其他国内地区与相关国家科研开发、企业合作、社会服务等方面合作，带动区域经济共同发展。

跨文化研究中心主要涵盖四个研究方向，分别为外交与政治研究、教育与语言研究、经贸与旅游研究以及文化与社会研究。首先，以“一带一路”沿线俄语国家为重点，配合学校相关学科专业与科研成果，开展包括国际政治、比较政治、政治经济等在内的政治学领域研究与包括文化外交、经济外交、多边外交等跨学科综合研究；其次，立足于我校100年的师范教育办学历史，结合“一带一路”沿线俄语国家的教育研究新趋势，特别是苏霍姆林斯基教育思想等重要学术理论与学术思潮，开展跨文化研究领域中的比较教育研究、中国与“一带一路”沿线俄语国家青少年教育等相关课题，充分发挥我校“明体达用”的教育思想，打造具有国际视野的先进教育理论实践平台；再次，以“一带一路”沿线俄语国家社会经济与贸易政策为重点研究对象，聚焦能源开发、基础设施建设、金融服务、休闲生态、文化产业等不同经济领域，开展跨文化经济贸易领域中的专项研究与比较研究，搭建面向目标国家的政治、经济和法律的咨询服务与行业指导系统；最后，积极协调统筹中国音乐、舞蹈、武术太极、中医理疗文化等领域的校内

外教学与研究资源，联合孔子学院研发更多中华文化课程与相关俄语教育资源，推动中医、太极等中华文化走向国门。积极开展“一带一路”重点俄语国家在社会、人文、艺术等领域的特色文化研究，同时开展丝绸文化、湖笔文化、茶文化等区域文化研究，打造体现中国地方特色的跨文化研究品牌。

跨文化研究中心结合四大研究方向和学校各下属学院的学科专业优势，实行“4+2+1”运行模式，即“4个研究部”+“2个展示馆”+“1个期刊与网站运行办公室”，每个研究部分别直接挂靠一个或多个实体学院，由学院负责研究团队的整合和研究项目的服务对接。其中学术期刊编辑与网站运行办公室负责跨文化研究中心的具体事务和协同运行。

通过湖州师范学院、中国社会科学院信息情报研究院、阿塞拜疆语言大学、白俄罗斯教育科学院、乌克兰教育科学院等多方合作，研究中心主动对接“一带一路”倡议，立足湖州，面向全球，以跨文化平台建设、团队培养、成果培育、项目争取、论坛交流和产业协同为抓手，打造区域与国别研究基地、建立学术思想与研究智库、建设教育文化交流中心和搭建经贸合作服务平台，同时有效汇聚政产学研各方创新资源和要素，通过“校地合作、项目驱动、动态管理、产学研用协同”，建立起“开放、流动、竞争、协作”的运行体制与机制，在多方的共同努力下将跨文化研究中心建成具有中国特色、在国内有一定影响的高水平研究平台。

跨文化研究中心组织结构图如下：

